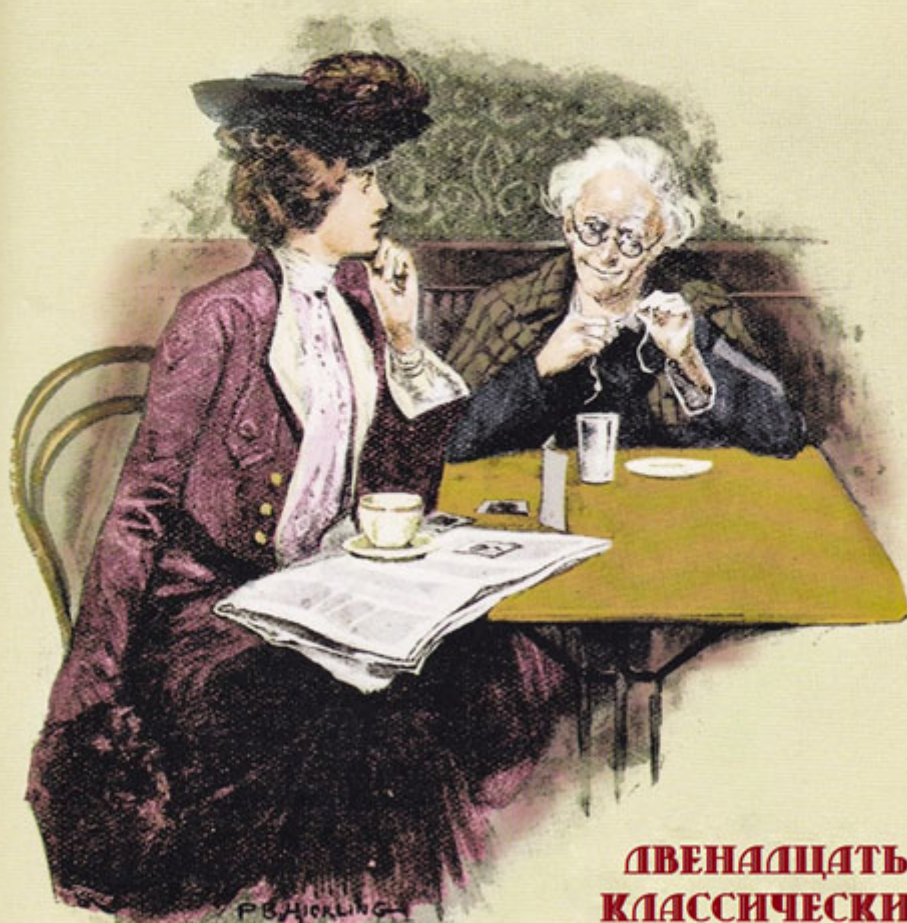

Баронесса Эмма Орци

СТАРИК В УГЛУ

**ДВЕНАДЦАТЬ
КЛАССИЧЕСКИХ
ДЕТЕКТИВНЫХ
ИСТОРИЙ**

Эмма Орци

СТАРИК В УГЛУ

Перевод с английского Викентия Борисова
Главы VII, VIII и IX переведены Валентиной Сергеевой и опубликованы в сборнике «Не только Холмс»

© Copyright: Викентий Борисов. Перевод, предисловие, примечания. 2023

© Copyright: В. Сергеева, перевод. 2008

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

СТАРИК В УГЛУ – один из тех, кого принято именовать «кабинетными детективами». Он расследует и раскрывает преступления, в буквальном смысле не вставая с кресла – сидя в углу изысканного лондонского чайного магазина и беседуя с журналисткой. Этот персонаж впервые появился в журнале «Ройал мэгэзин» (ежемесячном британском литературном журнале, выходившем с 1898 по 1939 год) в 1901 году в серии из шести рассказов «Тайны Лондона». На следующий год Старик вернулся в серии из семи рассказов «Тайны великих городов», действие которых происходит в крупных провинциальных центрах Британских островов. Эти истории рассказывает неназванная журналистка, собеседница «человека в углу», сидящая за тем же столиком в чайной А.В.С.¹.

Для издания книги Э. Орци переписала двенадцать рассказов (каждый из которых состоит из нескольких глав) от третьего лица, а журналистка получила имя Полли Бёртон. Название «Старик в углу» (американское издание – «Человек в углу») принадлежит сборнику самых ранних рассказов, но в виде книги он был издан только через три года (1908) после хронологически более поздних рассказов «Дело мисс Эллиотт» (1905). Последняя книга в этой серии – вышедшие много позже «Распутанные узлы» (1925). Поэтому предлагаемый вашему вниманию сборник традиционно считается первым в серии, а «Дело мисс Эллиотт» – вторым.

¹ В 1856 г. шотландскому врачу Джону Дауглишу удалось открыть способ производства, который называется теперь его именем. Он получал хлеб, смешивая муку с водой, насыщенной углекислотой под давлением. От расплывания теста по листу и от высокой температуры печи газ поднимал тесто. Таким путём Дауглиш получал хлеб без дрожжей, то есть без брожения теста. Д-р Дауглиш утверждал, что при его методе устраняется сложный и неустойчивый процесс брожения и в то же время получается более дешёвый и питательный хлеб. В 1862 году он основал компанию «Aërated Bread Comrany», «Компания по производству газированного хлеба», или, по первым буквам – А.В.С. А.В.С. управляла принадлежавшей ей сетью чайных магазинов (или лавок) самообслуживания, носивших то же имя. Они выросли из того, что А.В.С. открыла чайную во дворе лондонского железнодорожного вокзала Фенчёрч-стрит в 1864 году, через два года после основания компании. Идея открытия чайной приписывается лондонскому менеджеру компании «Газированный хлеб», который подавал клиентам бесплатный чай и закуски. Чайные стали одним из первых общественных мест, где женщины викторианской эпохи могли поесть в одиночестве или с подругами без сопровождения мужчин. (*Здесь и далее примечания переводчика*).

МОИМ ДОРОГИМ ДЯДЕ И ТЁТЕ,
ГРАФУ И ГРАФИНЕ ВАСС ДЕ ЧЕГЕ²
В ПАМЯТЬ О МНОГИХ СЧАСТЛИВЫХ ДНЯХ,
ПРОВЕДЁННЫХ В ТРАНСИЛЬВАНИИ
Октябрь 1908 г.

² Семья Васс де Чеге — одна из старейших венгерских дворянских семей в Трансильвании (сегодня часть Румынии); их происхождение можно проследить без перерыва с начала 14 века.

СОДЕРЖАНИЕ

- I. ТАЙНА ФЕНЧЁРЧ-СТРИТ
- II. МИЛЛИОНЕР НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ
- III. ЕГО ВЫВОДЫ
- IV. ОГРАБЛЕНИЕ НА ФИЛЛИМОР-ТЕРРАС
- V. НОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ
- VI. ВСЁ, ЧТО ОН ЗНАЛ
- VII. ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО В ЙОРКЕ
- VIII. ОСОБО ТЯЖКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ
- IX. ЖЕНЩИНА С РАЗБИТЫМ СЕРДЦЕМ
- X. ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ НА ПОДЗЕМНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ.
- XI. МИСТЕР ЭРРИНГТОН
- XII. ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЛИВЕРПУЛЕ
- XIII. ХИТРЫЙ НЕГОДЯЙ
- XIV. ЭДИНБУРГСКАЯ ТАЙНА
- XV. БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
- XVI. «ВИНА НЕ ДОКАЗАНА»
- XVII. НЕОПРОВЕРЖИМЫЕ ФАКТЫ
- XVIII. КРАЖА В «АНГЛИЙСКОМ ПРОВИДЕНТ-БАНКЕ»
- XIX. ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
- XX. АЛИБИ
- XXI. ДУБЛИНСКАЯ ТАЙНА
- XXII. ПОДДЕЛКА
- XXIII. ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ
- XXIV. БЕСПРЕЦЕДЕНТНОЕ НАСИЛИЕ
- XXV. ОБВИНЯЕМЫЙ
- XXVI. СЕНСАЦИЯ
- XXVII. ДВА НЕГОДЯЯ
- XXVIII. УБИЙСТВО В РИДЖЕНТС-ПАРКЕ
- XXIX. МОТИВ
- XXX. ДРУЗЬЯ
- XXXI. ПЭРСТВО РОДА ДЕ ЖАНВИЛЬ
- XXXII. ВЫСОКОРОДНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН
- XXXIII. ЖИВОЙ И МЁРТВЫЙ
- XXXIV. ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ НА ПЕРСИ-СТРИТ
- XXXV. САМОУБИЙСТВО ИЛИ УБИЙСТВО?
- XXXVI. ФИНАЛ

ГЛАВА I

ТАЙНА ФЕНЧЁРЧ-СТРИТ

Старик в углу отодвинул свой стакан и наклонился через стол.

– Тайны! – прокомментировал он. – Не существует такого понятия, как тайна, по отношению к какому бы то ни было преступлению, если при расследовании пользоваться разумом.

Немало изумлённая Полли Бёртон взглянула поверх своей газеты и устремила на собеседника пару чрезвычайно суровых, холодно вопрошающих карих глаз.

Она не одобряла этого человека с того самого момента, когда он прошёл через магазин и сел напротив неё, за тот же стол с мраморной столешницей, на котором уже стояли большой кофе (3 пенса), булочка с маслом (2 пенса) и тарелка с язычками (6 пенсов).

Нынче именно этот угол, именно этот стол, именно этот особый вид на великолепный мраморный зал, известный как филиал складов компании А.В.С. на Норфолк-стрит, являлись собственными углом, столом и видом Полли. Здесь её ежедневной добычей становились ланч³ на одиннадцать пенсов и ежедневная заметка стоимостью в один пенни – с того славного незабываемого дня, когда её зачислили в штат «*Ивнинг Обсёрвер*» (с вашего позволения, мы дадим газете это название⁴, и таким образом приняли в члены прославленной и всемирно известной организации, известной под именем «Британская Пресса»).

Она была личностью, эта мисс Бёртон из «*Ивнинг Обсёрвер*». На её визитных карточках значилось:

Мисс Мэри Дж. Бёртон⁵
«Ивнинг Обсёрвер».

Она взяла интервью у мисс Эллен Терри⁶ и епископа Мадагаскара, мистера Сеймура Хикса⁷ и главного комиссара полиции. Она присутствовала на последнем приёме в саду Мальборо-Хауса⁸ – то есть в гардеробной, где она увидела шляпу леди Как-бишь-её, солнцезащитный козырёк мисс Какой-то-там и многие другие модные или претендующие быть модными вещи, каждую из которых должным образом описала под заголовком «Королевская власть и одежда» в дневном выпуске «*Ивнинг Обсёрвер*».

³ Ланч (*англ. Lunch*; в советской литературе употреблялась также транслитерация «ленч») — в англоговорящих странах сокращение, образованное от *Luncheon* и обозначающее приём пищи в полдень, полдник. Это было изначальным значением данного слова, но в наше время ланч могут есть и позже, чем в полдень (в зависимости от времени обеденного перерыва на работе). Следует иметь в виду, что понятие *ланч* стало общеупотребимым лишь в XVIII—XIX веках, когда произошли важные изменения времени приёма пищи. Люди стали работать достаточно далеко от дома, и поэтому время основной еды сместилось на вечер. При этом в середине дня перекусывали тем, что захватили с собой (ланч). Именно поэтому в английском языке слово *dinner*, которое ранее означало обед (как основной приём пищи), стало обозначать ужин. Слово же *supper* (ужин) в настоящее время не очень употребимо.

От себя хочу добавить, что французский писатель Альфонс Алле назвал ланч «оскорблением для завтрака и издевательством над обедом».

⁴ «Ивнинг Обсёрвер» – «Вечерний Обзоратель». Судя по контексту, название вымышлено.

⁵ Это не ошибка. Так в оригинале.

⁶ Элис Эллен Терри (1847 — 1928 гг.) — английская театральная актриса, крупнейшая исполнительница женских ролей в пьесах Шекспира.

⁷ Эдвард Сеймур Хикс (1871 – 1949 гг.), более известный как Сеймур Хикс, был британским актёром, исполнителем мюзик-холла, драматургом, актёром-менеджером и продюсером.

⁸ Мальборо-Хаус – особняк на улице Пэлл-Мэлл в Лондоне. Построен с восточной стороны Сент-Джеймского дворца в первые годы XVIII века.

(Сама статья подписана «М. Дж. Б.», и её можно найти в архивах этого ведущего полупенсовика⁹.)

По этим причинам – а также по ряду других – Полли разозлилась на Старика в углу и сообщила ему об этом своим взглядом так ясно, как может сообщить любая пара карих глаз.

Журналистка как раз читала статью в «*Дейли телеграф*». Статья была невероятно интересной. Неужели Полли принялась комментировать вслух? Несомненно, сидевший напротив прямо отвечал на её мысли.

Однако хмурый взгляд тут же сменился улыбкой. Мисс Бёртон (из «*Ивнинг Обсервер*») обладала острым чувством юмора, которое не удалось разрушить двум годам сотрудничества с британской прессой, а внешность старика была такова, что могла пробудить к жизни самую мрачную фантазию. Полли подумала про себя, что никогда не видела такого бледного, такого худого человека с такими забавными светлыми волосами, гладко зачёсанными по верху явно лысой макушки. Он выглядел невероятно робким и нервным, беспрестанно теребя какую-то верёвку; длинные, тощие и дрожавшие пальцы вывязывали чудесные и сложные узлы и тут же развязывали их.

Внимательно изучив каждую деталь причудливой личности, Полли испытала некий порыв дружелюбия.

– И всё же, – приветливо, но авторитетно заметила она, – эта статья в хорошо осведомлённом журнале говорит, что всего лишь за последний год не менее шести преступлений совершенно сбили с толку полицию, а виновные до сих пор на свободе.

– Простите, – мягко возразил Старик, – но я ни на минуту не осмеливался утверждать, что для *полиции* не существует никаких тайн; я просто отметил, что не было ни одной, где для расследования преступления использовался бы интеллект.

– Даже в расследовании *тайны* Фенчёрч-стрит? – саркастически спросила Полли.

– Меньше всего в так называемой *тайне* Фенчёрч-стрит, – тихо ответил он.

Тайна Фенчёрч-стрит, как окрестила публика это экстраординарное преступление, в течение последних двенадцати месяцев озадачивала – о чём достоверно знала Полли – умы каждого мыслящего существа, будь то мужчина или женщина. И сама мисс Бёртон принадлежала к числу небезразличных; она была заинтересована, очарована; она изучила дело, сформировала собственные теории, часто и подолгу размышляла об этом, даже написала одно-два письма в прессу – предлагая, аргументируя, намекая на возможности и вероятности, приводя доказательства, которые другие детективы-любители с готовностью опровергали. Мнение этого робкого человечка в углу, таким образом, вызвало особое раздражение, и Полли возразила с язвительностью, призванной полностью уничтожить самодовольного собеседника:

– Как жаль, что в этом деле вы не предложили свои бесценные услуги нашей заблудшей, но действующей из лучших побуждений полиции.

– Серьёзно? – добродушно усмехнулся он. – Ну, знаете, во-первых, я сомневаюсь, что они их примут; а во-вторых, мои склонности и мой долг – если бы я активно занялся сыщицким ремеслом – вступили бы в конфликт друг с другом, поскольку я не могу не сочувствовать преступнику, который достаточно умён и пронывателен, чтобы водить за нос всю нашу полицию.

Я не знаю, что из этого дела вы помните, – тихо продолжил он. – Случившееся, безусловно, вначале заставило растеряться даже меня. 12 декабря прошлого года женщина, плохо одетая, но с безошибочным видом знававшая лучшие дни, сообщила в Скотланд-Ярд об исчезновении своего мужа Уильяма Кершоу, человека без занятий и, по-видимому, без постоянного места жительства. Её сопровождал друг – толстый, маслянистый на вид немец – и они рассказали историю, которая немедленно побудила полицию действовать.

⁹ Сильный удар крупным издательствам нанесло появление в конце XIX века так называемых полупенсовых газеток, «полупенсовых листков». Мало того, что они очень дешёво стоили (отсюда и название), но содержание их стремилось максимально раскатать в эмоциональном плане падкую до сенсаций простую аудиторию. Тон статей был примитивным и вульгарным, никакой серьёзной и полезной информации не предоставлялось, зато скандалов, интриг и непроверенной информации хватало с избытком. Цель – развлечь скучающую публику самым примитивным образом. Нынешний синоним – «бульварная пресса».

Итак, 10 декабря, около трёх часов пополудни, Карл Мюллер, немец, навестил своего друга Уильяма Кершоу с целью взыскать с последнего небольшой долг – десять фунтов или около того. Прибыв в убогую квартиру на Шарлотт-стрит, Фицрой-сквер, он застал Уильяма Кершоу в невероятном волнении, а его жену в слезах. Мюллер попытался изложить цель своего визита, но Кершоу, яростно жестикулируя, отмахнулся от этих требований и – по его собственным словам – ошеломил его, попросив одолжить ему ещё два фунта; эта сумма, как он заявил, станет средством скорейшего сколачивания состояния для него самого и друга, который поможет ему в нужде.

После четверти часа, потраченной на неясные намёки, Кершоу, посчитав осторожного немца упрямым тупицей, решил позволить ему участвовать в воплощении в жизнь секретного плана, который, как он утверждал, даст им в руки тысячи и тысячи.

Полли инстинктивно отложила газету; кроткий нервничавший незнакомец с робкими слезящимися глазами рассказывал так своеобразно, что очаровывал её.

– Я не знаю, – продолжил он, – помните ли вы историю, которую немец рассказал полиции, а жена или вдова подтвердила во всех деталях. Вкратце дело обстояло так: лет тридцать назад, Кершоу, тогда двадцатилетний, был студентом-медиком в одной из лондонских больниц. У него был приятель по имени Баркер. Кершоу и Баркер снимали комнату вместе с ещё одним молодым человеком.

Последний, как выяснилось, однажды вечером принёс домой весьма значительную сумму денег, выигранную на скачках, а на следующее утро его нашли убитым в своей постели. Кершоу, к счастью для него самого, смог предъявить убедительное алиби – он провёл ночь на дежурстве в больнице. Что касается Баркера, он исчез: во всяком случае, из поля зрения полиции, но не настолько ловко, чтобы укрыться от зорких глаз Кершоу – по крайней мере, так утверждал последний. Баркер очень ловко умудрился сбежать из страны и после разных перипетий поселился в конце концов во Владивостоке, в Восточной Сибири, где под вымышленным именем Сметхёрста нажил огромное состояние на торговле мехами.

Заметьте, что Сметхёрста, сибирского миллионера, знает каждый. История Кершоу о том, что его когда-то звали Баркер, и он совершил убийство тридцать лет назад, так и не была доказана, согласны? Я просто передаю вам то, что Кершоу рассказал своему другу-немцу и его жене в тот памятный день 10 декабря.

По его словам, в своей блистательной карьере Сметхёрст совершил единственную, но гигантскую ошибку – он четыре раза писал своему бывшему другу Уильяму Кершоу. Два из этих писем не имели отношения к делу, поскольку были написаны более двадцати пяти лет назад. Кершоу, кроме того, потерял их – по его словам, давным-давно. Однако, по его же словам, первое из этих писем было написано, когда Сметхёрст, он же Баркер, истратил все деньги, добытые путём преступления, и оказался в нищете в Нью-Йорке.

Кершоу, находившийся тогда в довольно благополучных обстоятельствах, послал ему банкноту в 10 фунтов стерлингов в память о былых временах. Далее, когда ситуация изменилась и сам Кершоу покатился под откос, Сметхёрст, как он тогда уже именовал себя, прислал ему в виде дружеского жеста 50 фунтов. После этого, по словам Мюллера, Кершоу неустанно предъявлял всевозможные требования к постоянно растущему кошельку Сметхёрста и сопровождал эти требования различными угрозами – которые, учитывая далёкую страну, где пребывал миллионер, были больше, чем бесполезны.

Но теперь наступила кульминация. И Кершоу, в последний момент на мгновение заколебавшись, передал своему немецкому другу два последних письма, якобы написанных Сметхёрстом – если вы помните, они сыграли весьма важную роль в Загадочной Истории Этого Экстраординарного Преступления. У меня есть копии обоих этих писем, – добавил Старик в углу, вынимая листок из весьма потрёпанного бумажника. Бережно развернув его, он начал читать:

Сэр,

ваши нелепые требования денежных сумм совершенно необоснованны. Я уже помог вам в той мере, в какой вы заслужили. Однако, памятуя о старых временах и оказанной вами помощи, когда я находился в ужасном затруднении, я готов ещё раз позволить вам воспользоваться моим добродушием. Мой друг, русский купец, которому я продал свой бизнес, через

несколько дней отправляется на своей яхте в длительное путешествие по многим европейским и азиатским портам и пригласил меня сопровождать его до Англии. Устав от жизни в чужих краях и желая после тридцатилетнего отсутствия снова увидеть родину, я решил принять его приглашение. Я не знаю, когда именно мы окажемся в Европе, но обещаю, что, как только войдём в подходящий порт, я напишу вам снова, назначив встречу в Лондоне. Но помните: если ваши требования окажутся чрезмерно абсурдными, я ни на мгновение не прислушаюсь к ним, и к тому же я – последний человек в мире, который мог бы подчиниться настойчивому и неоправданному шантажу.

*Остаюсь, сэр, искренне ваш
Фрэнсис Сметхёрст.*

– Второе письмо было отправлено из Саутгемптона¹⁰, – спокойно продолжил Старик в углу, – и, что довольно любопытно, оно оказалось единственным из якобы полученных Кершоу от Сметхёрста, от которого сохранился конверт с датой. Само письмо было довольно кратким, – добавил он, вернувшись к листку бумаги:

Дорогой сэр,

В дополнение к моему письму, отправленному несколько недель назад, хочу сообщить вам, что «Царское Село»¹¹ во вторник, 10-го числа, причалит в Тилбери¹². Там я сойду на берег и немедленно отправлюсь в Лондон первым же поездом. Если хотите, можете встретить меня на станции Фенчёрч-стрит в зале ожидания первого класса, ближе к вечеру. Поскольку я предполагаю, что после тридцатилетнего отсутствия вы вряд ли помните моё лицо, сообщаю, что вы узнаете меня по тяжёлой каракулевой шубе и такой же шапке. Тогда вы сможете представиться мне, и я лично выслушаю то, что вы, возможно, хотели изложить мне.

*Искренне ваш,
Фрэнсис Сметхёрст*

– Именно это последнее письмо вызвало возбуждение у Уильяма Кершоу и слёзы у его жены. По словам немца, он ходил взад и вперёд по комнате, как дикий зверь, неустанно жестикулируя и что-то неразборчиво восклицая. Однако миссис Кершоу переполняли сомнения. Она не доверяла мужчине из чужих краёв, который, по рассказам мужа, уже имел одно преступление на своей совести, и поэтому, как она опасалась, мог рискнуть совершить ещё одно, чтобы избавиться от опасного врага. С женской точки зрения она считала этот план бесчестным, поскольку, как ей было известно, закон сурово относится к шантажистам.

«Свидание могло быть хитрой ловушкой, – рассуждала миссис Кершоу. – По меньшей мере странно: почему бы Сметхёрсту не встретиться с мужем в отеле на следующий день?» Тысяча «что», «как» и «почему» не давали ей покоя, но толстого немца заворожили видения Кершоу о несметном количестве золота, так соблазнительно маячившем перед глазами. Он одолжил Кершоу необходимые 2 фунта, с помощью которых тот намеревался немного привести себя в порядок, прежде чем отправиться на встречу с другом-миллионером. Кершоу покинул квартиру, и больше несчастная женщина не видела мужа, равно как и Мюллер, немец, его приятель.

Жена с тревогой прождала всю ночь, но Кершоу не вернулся. Следующий день она провела в бессмысленных и бесполезных расспросах о районе Фенчёрч-стрит; а 12-го отправилась в Скотланд-Ярд, рассказала, что знала, и передала в руки полиции оба письма, написанные Сметхёрстом.

¹⁰ Порт Саутгемптон – пассажирский и грузовой порт в центральной части южного побережья Англии.

¹¹ Название яхты в оригинале написано латиницей на русском языке.

¹² Порт Тилбери — группа терминалов порта Лондона, расположенных в городе Тилбери в Восточной Англии.

ГЛАВА II

МИЛЛИОНЕР НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Старик в углу допил свой стакан молока. Его водянисто-голубые глаза смотрели на нетерпеливое личико мисс Полли Бёртон, суровое выражение которого теперь сменилось явным и сильным волнением.

– Только 31-го числа, – продолжил он через некоторое время, – тело, до неузнаваемости разложившееся, нашли два лихтерщика¹³ на дне заброшенной баржи. Когда-то она была пришвартована у подножия одного из тёмных лестничных пролётов, которые спускаются между высокими пакгаузами к реке в лондонском Ист-Энде. У меня есть фотография этого места, – добавил он, вытащив снимок из кармана и положив его перед Полли.

– Баржи, как видите, уже нет, но вы же понимаете – идеальное место для того, чтобы один человек перерезал горло другому абсолютно спокойно и без страха быть обнаруженным. Тело, как я уже упоминал, разложилось до неузнаваемости, пролежав там одиннадцать дней, но некоторые предметы – серебряное кольцо и булавка для галстука – миссис Кершоу опознала как принадлежавшие мужу.

Она, конечно, во весь голос обвиняла Сметхёрста, и у полиции не существовало сомнений в наличии очень веских доводов против него. И через два дня после обнаружения тела на барже сибирский миллионер, как его успели прозвать вездесущие репортёры, был арестован в своём роскошном номере в отеле «Сесил».

Признаться по правде, в тот момент я растерялся. История миссис Кершоу и письма Сметхёрста попали в газеты, и я следовал своему обычному методу – вспомните, я всего лишь любитель, и занимаюсь этим, так сказать, из любви к искусству – искал мотив для преступления, которое, по словам полиции, совершил Сметхёрст. Все считали, что им руководило стремление раз и навсегда избавиться от опасного шантажиста. Вот так! Но разве вам ни разу не приходило в голову, насколько в действительности этот мотив ничтожен?

Что ж, мисс Полли пришлось признаться, что она не рассматривала случившееся с этой точки зрения.

– Несомненно, человек, которому удалось сколотить огромное состояние своими собственными усилиями, не мог быть настолько глуп, чтобы полагать, будто ему стоит бояться такого человека, как Кершоу. Он определённо знал, что Кершоу не имел убедительных доказательств против него – во всяком случае, недостаточно, чтобы его повесить. Вы когда-нибудь видели Сметхёрста? – добавил он, снова копаясь в бумажнике.

Полли ответила, что в своё время видела снимок Сметхёрста в иллюстрированных газетах. Затем Старик положил перед ней маленькую фотографию:

– Что вас больше всего поражает в лице?

– Ну, скорее всего, это странное, удивлённое его выражение из-за полного отсутствия бровей и непривычной иностранной стрижки.

– Такой короткой, что голова кажется обритой. Точно. Именно это меня поразило больше всего, когда я в то утро пробился в суд и впервые увидел миллионера на скамье подсудимых. Высокий, бравый мужчина, прямой, как палка, с бронзово-загорелым лицом. Ни усов, ни бороды; очень короткая стрижка, как у француза; но, конечно, самым примечательным было отсутствие бровей и даже ресниц, что придавало лицу такой своеобразный вид – как вы сказали, постоянно изумлённый.

¹³ Лихтерщик — это рабочий, управляющий лихтером, баржей с плоским дном, которая может быть как с приводом, так и без него. В последнем случае лихтер обычно перемещает буксир с механическим приводом.

Однако он казался на удивление спокойным. Удобно разместившись на скамье подсудимых – будучи миллионером – он приятно болтал со своим адвокатом сэром Артуром Инглвудом в перерывах между вызовами свидетелей обвинения; во время допроса этих свидетелей он сидел абсолютно спокойно, подпирая голову рукой.

Мюллер и миссис Кершоу повторили историю, уже рассказанную ими ранее полиции. Кажется, вы упомянули, что из-за занятости не смогли прийти в тот день в суд и услышать разбирательство, так что, вероятно, не помните миссис Кершоу. Я не ошибся? Ну конечно! Вот её снимок, который мне однажды удалось сделать. Это она. Точно такая же, как и за свидетельской трибуной – разодетая, в искусном убранстве из крепа, в чепце, когда-то украшенном розами, и остатки розовых лепестков пытались уцепиться за глубокий чёрный цвет.

Она не хотела смотреть на подсудимого и всё время решительно оборачивалась к судье. Мне кажется, она любила своего мужа-бездельника: огромное обручальное кольцо было обмотано чёрным. Она твёрдо верила, что на скамье подсудимых – убийца Кершоу, и выставляла перед ним напоказ своё горе.

Мне было её неопишимо жалко. Что касается Мюллера, то он был просто жирным, маслянистым, напыщенным типом, сознающим свою важность в качестве свидетеля; его толстые пальцы, покрытые медными кольцами, сжимали оба компрометирующих письма, которые он опознал. Они были для него своеобразным пропуском в манящую фальшивым блеском страну значимости и дурной славы. Сэр Артур Инглвуд, похоже, разочаровал немца, заявив, что не имеет к нему никаких вопросов. Мюллера переполняли ответы, он был готов выступить с непогрешимым обвинительным актом, самыми изощрёнными обвинениями против разжиревшего миллионера, который заманил в ловушку его дорогого друга Кершоу и убил его в Бог знает каком захолустье Ист-Энда.

Волнение среди публики постепенно нарастало. Мюллера закончили опрашивать, и он удалился из зала суда, уведя полностью разбитую миссис Кершоу.

Тем временем показания относительно ареста давал констебль D 21. Подсудимый, по его словам, казался полностью застигнутым врасплох, не понимая причины или предыстории предъявленного ему обвинения; однако после предоставления всех фактов он, несомненно понимая абсолютную тщетность любого сопротивления, достаточно спокойно проследовал за констеблем в кэб. Никто в модном и многолюдном отеле «Сесил» даже не подозревал, что произошло нечто необычное.

Могучий вздох ожидания вырвался из груди каждого зрителя, когда началось самое интересное. Джеймс Бакленд, носильщик на вокзале Фенчёрч-стрит, только что поклялся говорить всю правду и т. д. Он сообщил, что в шесть часов вечера 10 декабря поезд 5.05 из Тилбери прибыл к перрону, опоздав примерно на час. В это время на вокзале стоял такой плотный туман, что трудно было припомнить что-либо подобное ранее. Носильщик стоял на платформе, и его подозвал пассажир в вагоне первого класса. Бакленд не различал почти ничего, кроме огромной чёрной шубы и дорожной меховой шапки.

У пассажира было огромное количество багажа, и каждый чемодан – с маркировкой «Ф. С.». Он приказал Джеймсу Бакленду доставить все вещи к четырёхколёсному кэбу¹⁴, за исключением небольшой ручной сумки, которую оставил у себя. Убедившись, что багаж благополучно размещён, незнакомец в шубе заплатил носильщику и, приказав извозчику подождать его возвращения, направился в сторону комнат ожидания, неся с собой маленькую сумку.

«Я малость задержался, – добавил Джеймс Бакленд, – болтая с кучером о тумане и всяком таком, а затем меня окликнул местный из Саутенда, и я пошёл к нему».

Обвинение самым решительным образом настаивало на уточнении времени, когда незнакомец в шубе, проследив за своим багажом, пошёл к залу ожидания. Носильщик не отступал ни на шаг. «Не позже 6.15», – утверждал он.

У сэра Артура Инглвуда по-прежнему не было вопросов. Вызвали кэбмена.

¹⁴ Кэб – городской наёмный экипаж, вошедший в употребление в 1840-х годах. В Британии были две основные разновидности кэбов: двухколёсные (хэнсомы) и четырёхколёсные (брогамы и кларенсы). За характерный стук колёс по мостовой четырёхколёсные кэбы получили прозвище «громыхалы».

Он подтвердил показания Джеймса Бакленда относительно того часа, когда джентльмен в шубе нанял его и, заполнив кэб багажом, приказал ему подождать. Так кэбмен и поступил: сидел и ждал в непроглядном тумане – пока не устал и не призадумался всерьёз о том, чтобы сдать весь багаж в бюро находок и поискать другого клиента – но всё равно ждал, пока, наконец, без четверти девять не увидел спешившего к кэбу джентльмена в шубе и шапке, который торопливо залез внутрь и велел извозчику немедленно отвезти его в отель «Сесил». Кэбмен утверждал, что это произошло без четверти девять. Тем не менее сэр Артур Инглвуд воздержался от комментариев, а мистер Фрэнсис Сметхёрст спокойно дремал, сидя в переполненном, душном зале.

Следующий свидетель, констебль Томас Тейлор, заметил бедно одетого человека с лохматыми волосами и бородой, слонявшегося по вокзалу и залам ожидания во второй половине дня 10 декабря. Похоже, он наблюдал за платформой прибытия поездов из Тилбери и Саутенда.

Два отдельных и независимых свидетеля, удачно обнаруженные полицией, видели, как в среду, 10 декабря около 6.15 этот же плохо одетый человек вошёл в зал ожидания первого класса и подошёл прямо к джентльмену в тяжёлой меховой шубе и шапке, который тоже только что появился в зале. Вначале они разговаривали, причём никто не слышал, о чём, а вскоре ушли вместе. И никто не знал, в каком направлении.

Фрэнсис Сметхёрст очнулся от апатии и что-то шепнул адвокату, который кивнул в ответ с мягкой ободряющей улыбкой. Сотрудники отеля «Сесил» подтвердили прибытие мистера Сметхёрста примерно в 21:30 в среду, 10 декабря, в кэбе, с большим количеством багажа, и на этом обвинение завершило свою работу.

Присутствовавшие в зале суда уже видели, как Сметхёрст отправляется на виселицу. Одно лишь беспримесное любопытство заставило элегантную публику подождать и выслушать то, что скажет сэр Артур Инглвуд. Он, без сомнения, самый модный законник нынешних времён. Его расслабленное поведение, его протяжная речь вызывают дикую ярость, золотая молодёжь имитирует его манеры.

Даже в тот миг, когда шея сибирского миллионера буквально и метафорически висела на весах, по рядам зрителей пробежал смешок, когда сэр Артур вытянул свои длинные неуклюжие конечности и наклонился над столом. Он ждал, чтобы произвести впечатление, ибо сэр Артур – прирождённый актёр. И нет сомнений в том, что он добился результата, когда произнёс самым медленным, самым протяжным тоном:

«Что касается предполагаемого убийства некоего Уильяма Кершоу в среду, 10 декабря, между 18:15 и 20:45, ваша честь, я предлагаю вызвать двух свидетелей, которые видели этого самого Уильяма Кершоу живым во вторник днём 16 декабря, то есть через шесть дней после предполагаемого убийства».

Казалось, в суде разорвалась бомба. Даже его честь¹⁵ был ошеломлён, и я уверен, что дама рядом со мной оправилась от неожиданного потрясения только для того, чтобы задуматься, стоит ли ей всё-таки откладывать званый обед.

– Что до меня, – добавил Старик в углу, с той странной смесью нервозности и самодовольства, которая заставила задуматься мисс Полли Бёртон, – ну, понимаете, я уже давно понял, в чём тут суть, и не был так удивлён, как другие.

Возможно, вы помните удивительный поворот в деле, который совершенно озадачил полицию – да фактически и всех, кроме меня. Синьор Торриани и официант из его отеля на Коммершл-роуд показали, что около 15:30 10 декабря плохо одетый мужчина ввалился в кофейную комнату и заказал чай. Он был весьма любезен и разговорчив, поделившись с официантом сведениями о том, что его зовут Уильям Кершоу, что очень скоро весь Лондон будет говорить о нём, как он вот-вот благодаря неожиданному стечению обстоятельств станет очень богатым – и так далее, и так далее, чушь без конца.

Допив чай, он выбежал на улицу, и едва успел скрыться за поворотом дороги, как официант обнаружил старый зонт, забытый потрёпанным болтуном. Как принято в этом весьма уважаемом ресторане, синьор Торриани запер зонт в своей конторе на случай, если клиент вернётся и потребует свою потерю, когда обнаружит её. И действительно, почти неделю спустя, во

¹⁵ Его честь – судья.

вторник, 16-го, примерно в 13:00, тот же плохо одетый человек вернулся и попросил свой зонтик. Он заказал ланч и снова болтал с официантом. Синьор Торриани и официант описали Уильяма Кершоу, и их показания точь-в-точь совпали с описанием, данным миссис Кершоу её мужу.

Как ни странно, посетитель оказался довольно рассеянным человеком, потому что на этот раз после его ухода в кофейной под столом официант нашёл бумажник. В нём были письма и счета, адресованные Уильяму Кершоу. Бумажник предъявили суду, и вернувшийся на свидетельскую трибуну Карл Мюллер легко определил, что он принадлежит дорогому и оплакиваемому другу «Виллиаму».

Это был первый удар, нанесённый обвинению. Довольно жёсткий, согласитесь. Дело начало рушиться, как карточный домик. Однако бесспорная встреча Сметхёрста и Кершоу и два с половиной часа туманного вечера требовали удовлетворительных объяснений.

Старик в углу сделал долгую паузу, удерживая девушку в напряжении. Он возился со своей верёвкой, пока не осталось ни дюйма, свободного от самых сложных и замысловатых узлов.

– Уверю вас, – продолжил он, наконец, – что в тот самый момент вся загадка для меня стала ясна, как дневной свет. Я только удивлялся, с какой стати его честь тратит своё и моё время, досконально, по его мнению, допрашивая обвиняемого о его прошлом. Фрэнсис Сметхёрст, полностью избавившись от дремоты, говорил слегка в нос и с почти незаметным намёком на иностранный акцент. Он спокойно отрицал версию Кершоу о своём прошлом; заявил, что никогда не носил имя Баркер, и, конечно же, тридцать лет назад не был замешан ни в каком деле об убийстве.

«Но вы знали мистера Кершоу, – настаивал его честь, – раз писали ему?»

«Простите, ваша честь, – тихо произнёс подсудимый, – насколько мне известно, я никогда не видел мистера Кершоу, и могу поклясться, что никогда не писал ему».

«Никогда не писали ему? – предостерегающе возразил его честь. – Это странное утверждение, поскольку в моих руках находятся два ваших письма к нему».

«Я никогда не писал этих писем, ваша честь, – так же тихо настаивал обвиняемый, – они написаны не моим почерком».

«Что мы можем легко доказать, – тут же вставил сэр Артур Инглвуд, передавая пакет его чести. – Вот несколько писем, написанных моим клиентом с тех пор, как он прибыл в эту страну, и некоторые из них были написаны у меня на глазах».

Как и заявил сэр Артур Инглвуд, доказать это не составляло труда, и подсудимый, по требованию его чести, несколько раз нацарапал несколько строк вместе со своей подписью на листе бумаги из блокнота. По изумлённому лицу магистрата было легко прочитать, что почерки не имели ни малейшего сходства.

Возникла новая загадка. Кто же тогда назначил встречу с Уильямом Кершоу на железнодорожной станции Фенчёрч-стрит? Обвиняемый предоставил вполне удовлетворительный отчёт о том, как он потратил своё время с момента высадки в Англии.

«Я плыл на *«Царском Селе»*, – начал он, – на яхте, принадлежащей моему другу. Когда мы подошли к устью Темзы, был такой густой туман, что прошло двадцать четыре часа, прежде чем решили, что причаливать безопасно. Мой друг, русский, вообще не сходил на берег; его настолько пугала эта страна туманов, что он немедленно отправился на Мадейру».

Я действительно сошёл на берег во вторник, 10-го числа, и сразу же сел на поезд до города. Я позаботился о своём багаже и кэбе, как уже говорили вашей чести носильщик и кэбмен; затем я захотел найти буфет, чтобы выпить бокал вина. Я прошёл в зал ожидания, и там ко мне обратился человек в убогой одежде, который начал рассказывать мне вызывающую жалость историю. Кто он такой, я не знаю. Он представился старым солдатом, который верой и правдой служил своей стране, а теперь вынужден голодать. Он умолял меня отправиться вместе с ним в его квартиру, где я мог бы увидеть жену и голодающих детей и удостовериться в правдивости и трогательности его рассказа.

Ну, ваша честь, – добавил подсудимый с благородной откровенностью, – это был мой первый день в старой стране. Я вернулся через тридцать лет с карманами, полными золота, и первое, что услышал – эту печальную историю. Но я деловой человек, и не хотел, чтобы меня водили за нос. Я вышел вместе с просителем на туманную улицу. Некоторое время он молча шагал рядом со мной. Я не имел ни малейшего представления, где нахожусь».

Внезапно, обратившись к нищему с каким-то вопросом, я тут же понял, что сей джентльмен позволил мне ускользнуть. Вероятно, обнаружив, что я не расстанусь с деньгами, пока *лично* не увижу голодающих жену и детей, он предоставил меня моей судьбе и отправился на поиски более легковой наживки.

Место, где я оказался, было мрачным и безлюдным. Ни кэба, ни омнибуса¹⁶. Я повернулся и попытался вернуться на вокзал, но оказался в ещё более сомнительных и пустынных районах, безнадежно затерявшись в тумане. Стоит ли удивляться, что прошло два с половиной часа, пока я бродил по тёмным и безлюдным улицам; единственное, что заслуживает изумления – что мне в конце концов удалось найти станцию. Вернее, полицейского, указавшего мне дорогу – оказалось совсем недалеко».

«Но как вы объясняете, что Кершоу в точности знал о вашем местопребывании? – по-прежнему не унимался его честь. – А также знал точную дату вашего прибытия в Англию? Как вы, собственно, объясняете эти два письма?»

«Я не могу ничего объяснить, ваша честь, – тихо ответил обвиняемый. – Я доказал вам лишь то, что никогда не писал этих писем, и что этот человек... э-э... Кершоу, верно? – не был убит мной».

«Можете ли кто-нибудь здесь или за границей знать о ваших передвижениях и о дате прибытия в Англию?»

«Мои бывшие сотрудники во Владивостоке, конечно, знали о моём отъезде, но никто из них не мог написать эти письма, потому что ни один не знает ни слова по-английски».

«Значит, вы не можете пролить свет на эти таинственные письма? Вы никак не можете помочь полиции в раскрытии этого странного дела?»

«Это дело столь же загадочно для меня, как и для вашей чести, и для полиции этой страны».

Фрэнсис Сметхёрст, конечно, был оправдан; против него не имелось никаких доказательств, достаточных для того, чтобы предать его суду. Защита привела два основных аргумента, которые полностью свели на нет обвинение: во-первых, доказательство того, что он никогда не писал пресловутых писем; во-вторых, тот факт, что Кершоу, предположительно убитый десятого числа, был признан живым и здоровым шестнадцатого. Но кем же тогда был таинственный человек, сообщавший Кершоу о передвижениях Сметхёрста, миллионера?

¹⁶ Омнибус — многоместная повозка на конной тяге, вид городского общественного транспорта, характерный для второй половины XIX века.

ГЛАВА III

ЕГО ВЫВОДЫ

Старик в углу склонил голову набок и посмотрел на Полли; затем он взял свой любимый кусок верёвки и медленно развязал каждый узел, завязанный до этого. Когда на верёвке не осталось ни единого узла, он выложил её на стол.

– Я изложу вам, если хотите, пункт за пунктом, рассуждения, которым следовал сам и которые неизбежно приведут вас, как привели меня, к единственно возможному разрешению загадки.

Во-первых, – продолжил он, снова нервно схватив верёвку и завязав на ней ряд узлов, которые посрамили бы любого моряка, – очевидно, что Кершоу не мог быть не знаком со Сметхёрстом, так как из двух писем ему было известно о прибытии последнего в Англию. Мне было ясно с самого начала, что *никто не мог* написать эти два письма, кроме Сметхёрста. Вы возразите: доказано, что эти письма не мог написать подсудимый. Безусловно. Помните, Кершоу проявил неосторожность – потерял оба конверта. Для него они не имели значения. Теперь никто *не опровергнет*, что эти письма были написаны Сметхёрстом.

– Но... – попыталась вставить Полли.

– Подождите минутку, – прервал он, когда на верёвке появился узел номер два, – доказано, что через шесть дней после убийства Уильям Кершоу был жив и посетил отель «Торриани», где его уже знали и где он очень кстати оставил бумажник, чтобы никто не ошибся в его личности; но никто не спросил, где пребывал в тот же день мистер Фрэнсис Сметхёрст, миллионер.

– Вы имеете в виду?.. – ахнула девушка.

– Ещё минутку, прошу вас, – торжествующе добавил он. – Как вышло, что хозяина отеля «Торриани» вызвали в суд? Откуда сэр Артур Инглвуд – или, скорее, его клиент – узнал, что Уильям Кершоу посетил отель в те памятные даты, и что его хозяин мог представить столь убедительные доказательства, полностью оправдавшие миллионера от обвинения в убийстве?

«Конечно, – возражал я сам себе, – обычные меры, принятые полицией...»

Но полиция держала язык за зубами с момента ареста в отеле «Сесил». Они не вывешивали традиционное объявление: «Если кому-то станет известно о местонахождении и т. д. и т. д.». Если бы Торриани узнал об исчезновении Кершоу обычным образом, он бы связался с полицией. Вместо этого его нашёл сэр Артур Инглвуд. Как сэр Артур выследил его?

– Неужели вы имеете в виду?..

– Пункт номер четыре, – невозмутимо продолжил Старик, – к миссис Кершоу не обращались с просьбой показать образец почерка её мужа. Почему? Потому что полиция, которую вы считаете умной, никогда не шла по правильному пути. Они были уверены, что Уильям Кершоу убит; они искали Уильяма Кершоу.

31 декабря то, что предположительно было трупом Уильяма Кершоу, нашли два лихтерщика: я показал вам фотографию того места, где его обнаружили. Тёмное и пустынное место, помните? Место, куда трусливый злодей заманивает ничего не подозревающего незнакомца, убивает его, а затем отнимает его ценности, его документы, саму его личность и оставляют убитого там гнить. Тело обнаружили на заброшенной барже, которую раньше ненадолго пришвартовали к стене у подножия лестницы, ведущей к реке. Труп находился в последней стадии разложения и, конечно, не мог быть достоверно опознан, но полиция сочла его телом Уильяма Кершоу.

Им даже не пришло в голову, что *это было тело Фрэнсиса Сметхёрста, а Уильям Кершоу был его убийцей*.

Ах! Какой блестящий, какой артистичный замысел! Кершоу – гений. Предусмотрел всё! Его маскировка! У Кершоу были косматая борода, волосы и усы. Он сбрил их, побрившись до самых бровей! Неудивительно, что даже жена не узнала его в суде. вспомните, что она так и не увидела его лица, когда он сидел на скамье подсудимых. Кершоу был потрёпанным, сутулым, унылым беднягой. Сметхёрст, миллионер, мог бы служить в прусской армии.

А этот изумительный штрих – возвращение в отель «Торриани»! Через несколько дней он купил усы, бороду и парик – точно такие же, как были у него до бритья. Он замаскировался, чтобы вновь стать похожим на самого себя! Великолепно! И умышленно оставил бумажник! Хи! Хи! Хи! Кершоу не был убит! Конечно же, нет. Он был в отеле «Торриани» через шесть дней после убийства, пока мистер Сметхёрст, миллионер, болтал в парке с герцогинями! Повесить такого человека?! Фи!

Старик нащупал шляпу. Нервными, дрожащими пальцами он аккуратно сжал её в руке, вставая из-за стола. Полли наблюдала, как Старик подошёл к кассиру и заплатил два пенса за стакан молока и булочку. Вскоре он исчез, выйдя из магазина, а ошеломлённая Полли неотрывно глядела на лежавшие на столе фотографии и длинный кусок верёвки, весь покрытый узлами – такой же сбивающий с толку, такой же раздражающий, такой же озадачивающий, как человек, который недавно сидел в углу.

ГЛАВА IV

ОГРАБЛЕНИЕ НА ФИЛЛИМОР-ТЕРРАС

Трудно сказать, действительно ли в тот субботний полдень мисс Полли Бёртон ожидала увидеть Старика в углу. Несомненно, когда она подошла к столику у окна и поняла, что его там нет, то испытала угнетающее чувство разочарования. И всё же в течение целой недели она – скорее из гордости, чем из здравого смысла – избегала появляться возле именно этого магазина А.В.С.

– Я так и знал, что вы не сможете долго оставаться в стороне, – раздался тихий голос у её уха.

Она чуть не потеряла равновесие – откуда он взялся? Мисс Полли определённо не слышала ни малейшего звука, однако Старик уже сидел в углу, как настоящий чёртик из табакерки¹⁷, мягкие голубые глаза виновато смотрели на собеседницу, а нервные пальцы теребили неизбежную верёвку.

Официантка принесла ему стакан молока и сырнй пирог. Он ел молча, верёвка празднично лежала на столе. Закончив, Старик порылся в своих вместительных карманах и вытащил потрёпанный бумажник.

Положив перед девушкой небольшую фотографию, он тихо сказал:

– Это задняя часть домов на Филлимор-Террас, откуда открывается вид на «Конюшни Адама и Евы».

Мисс Полли посмотрела на фотографию, затем на Старика – мягко, ожидающе и снисходительно.

– Обратите внимание, что каждый ряд задних садов имеет выход в конюшни. Эти конюшни построены в форме большой буквы «F». Фотография сделана с точки, открывающей вид прямо на короткую горизонтальную линию, которая заканчивается, как видите, *cul-de-sac*¹⁸. Нижняя часть вертикальной линии упирается в Филлимор-Террас, а конец верхней длинной горизонтальной линии – в Хай-стрит, Кенсингтон. Так вот, ночью... вернее, ранним утром 15 января, констебль D 21, свернув к конюшням с Филлимор-Террас, на мгновение остановился на углу, образованном длинной вертикальной артерией конюшен и короткой горизонтальной артерией, которая, как я указывал ранее, выходит на задние сады домов на Террас, и заканчивается *cul-de-sac*.

Как долго D 21 простоял на этом углу, неизвестно, но он считает, что прошло, должно быть, три-четыре минуты, прежде чем он заметил подозрительного человека, ковылявшего под тенью садовых стен. Мужчина осторожно продолжал двигаться в направлении *cul-de-sac*, и D 21, также держась в тени, бесшумно зашагал за ним.

Он почти догнал его (фактически находился не более чем в тридцати ярдах¹⁹), когда из дома № 22, Филлимор-Террас – это один из двух крайних домов улицы – буквально вылетел наружу мужчина в одной лишь ночной рубашке и, прежде чем D 21 успел вмешаться, бросился на подозреваемого, катаясь с ним по твёрдому булыжнику и отчаянно крича: «Вор! Вор! Полиция!»

Прошло некоторое время, прежде чем констеблю удалось высвободить бродягу из сцепленных рук нападавшего, и ещё несколько минут, пока тот смог заставить себя услышать.

«Хватит! Хватит! – в конце концов рявкнул констебль, энергично толкнув человека в рубашке, что на мгновение заставило того замолчать. – Оставьте этого человека в покое, и нечего шуметь по ночам – люди проснутся». Злополучный бродяга, которому тем временем удалось снова встать на ноги, не пытался убежать; вероятно, он думал, что выдержит, хотя шансов на это было мало. Но человек в рубашке частично восстановил свою способность говорить, и теперь выпаливал отрывистые и не очень внятные фразы:

¹⁷ Старинная игрушка – табакерка или шкатулка, из которой при открывании с визгом выскакивает фигурка на пружинке, чаще чёртик или клоун.

¹⁸ *Cul-de-sac* – тупик, тупиком (фр.).

¹⁹ 1 ярд – примерно 0,92 метра. В 1 ярде 3 фута (1 фут – 30,5 см), в 1 футе – 12 дюймов (1 дюйм – 2,54 см).

«Меня ограбили... ограбили... меня... то есть... моего хозяина... мистера Кнопфа... Стол открыт... алмазы пропали... все на моём попечении... и... теперь они украдены! Это вор... клянусь... Я слышал, как он... не более трёх минут назад... бросился вниз... дверь в сад была выбита... я побежал через сад... он крадётся здесь... Вор! Вор! Полиция! Бриллианты! Констебль, не отпускайте его... Вы будете отвечать, если его отпустите...»

«Так, хватит! – предостерег D 21, как только смог вставить слово. – Прекратите скандал, слышите?»

Мужчина в рубашке постепенно оправлялся от волнения.

«Могу я предъявить этому человеку обвинение?» – спросил он.

«В чём?»

«Кража со взломом. Я слышал его, говорю вам. В данный момент у него должны быть бриллианты мистера Кнопфа».

«Где мистер Кнопф?»

«Уехал из города, – простонал человек в рубашке. – Он уехал в Брайтон вчера вечером и оставил меня за себя, а теперь вломился этот вор и...»

Бродяга пожал плечами и внезапно, не говоря ни слова, спокойно начал снимать пальто и жилет. Затем передал их констеблю. Человек в рубашке нетерпеливо вцепился в снятые предметы и вывернул рваные карманы наизнанку. Из какого-то окна донёсся весёлый голос, бросивший шутивное замечание, когда бродяга с той же торжественностью принялся снимать нижнюю одежду.

«Ну-ка, прекратите эту ерунду, – сурово произнёс D 21, – чем вы вообще тут занимались посреди ночи?»

«Улицы Лондона свободны для людей, что, нет?» – спросил бродяга.

«Это не поможет, дружище».

«Тогда я заблудился, вот и всё, – угрюмо прорычал мужчина, – давайте, помогите мне выбраться».

К этому времени на месте происшествия появилась ещё пара констеблей. D 21 не собирался упускать из виду своего друга-бродягу, а человек в рубашке снова бросился к воротнику последнего при простой мысли, что у того появится возможность «выбраться».

Кажется, D 21 оценил юмор ситуации. Он предложил Робертсону (мужчине в ночной рубашке) зайти и одеться, а сам он подождёт инспектора и детектива, которых D 15 вызовет, доставив задержанного в участок.

Зубы бедного Робертсона стучали от холода. Он чихал, не переставая, пока D 21 торопливо заталкивал его в дом. Затем D 21 вместе с другим констеблем остался наблюдать за ограбленным помещением у парадного и чёрного хода, а D 15 забрал несчастного бродягу в участок, собираясь немедленно вызвать инспектора и детектива.

Когда два последних джентльмена прибыли в дом номер 22 по Филлимор-Террас, они обнаружили бедного старого Робертсона в постели, дрожавшего, посиневшего от холода. Он пил горячий чай, но из глаз текло, а голос был ужасно хриплым. D 21 расположился в столовой, где Робертсон обратил его внимание на стол со сломанным замком и разбросанным содержимым.

Робертсон в перерывах между чиханиями рассказал, как мог, о событиях, произошедших непосредственно перед ограблением.

Его хозяин, мистер Фердинанд Кнопф, был торговцем алмазами и холостяком. Сам Робертсон работал у мистера Кнопфа более пятнадцати лет и был его единственным слугой. Каждый день приходила подёнщица, чтобы выполнять работу по дому.

Прошлой ночью мистер Кнопф обедал в доме мистера Шипмана в доме № 26, ниже по улице. Мистер Шипман – знаменитый ювелир, его контора находится на Саут-Одли-стрит. С последней почтой для мистера Кнопфа пришло письмо с почтовым штампом Брайтона и пометкой «срочно», и Робертсон размышлял, стоит ли ему поторопиться с ним в дом 26, но тут вернулся хозяин. Он бегом пробежал письмо, взял железнодорожный справочник «АВС»²⁰ и приказал Робертсону немедленно упаковать чемодан и найти кэб.

²⁰ «АВС» – здесь: железнодорожный справочник с алфавитным указателем станций.

«Я догадался, в чём дело, – продолжил Робертсон, прочихавшись в очередной раз. – У мистера Кнопфа есть брат, к которому он очень привязан – мистер Эмиль Кнопф, глубокий инвалид. Обычно он переезжает из одного приморского места в другое. Сейчас он в Брайтоне и недавно тяжело заболел. Если вы потрудитесь спуститься вниз, я думаю, увидите это письмо, лежащее на столе в холле.

Я прочитал его после того, как мистер Кнопф уехал; письмо пришло не от его брата, а от джентльмена, подписавшегося «Дж. Коллинз, врач». Я не помню точных слов, но вы сами можете прочитать: мистер Дж. Коллинз сообщал, что его неожиданно вызвали к мистеру Эмилю Кнопфу, которому, по его словам, недолго осталось жить, и страдалец умолял доктора немедленно связаться с его братом в Лондоне.

Перед отъездом мистер Кнопф предупредил меня, что в столе остались ценные вещи, в основном бриллианты, и посоветовал мне тщательнее запира́ть дом. Он часто оставлял меня одного в своём доме, и обычно в его столе лежали бриллианты, потому что у мистера Кнопфа нет постоянной конторы в городе – он коммивояжёр».

Вот вкратце суть дела, о котором Робертсон поведал инспектору с множеством повторений и надоедливой болтливостью.

Детектив и инспектор, прежде чем вернуться с отчётом в участок, решили нанести визит в дом № 26 мистеру Шипману, знаменитому ювелиру.

– Вы, конечно, помните, – добавил Старик в углу, мечтательно созерцая свою верёвку, – волнующие события, связанные с этим необычным делом. Мистер Артур Шипман – глава фирмы «Шипман и Компания», богатый ювелир. Он вдовец и живёт очень тихо, на свой лад, в маленьком домике в Кенсингтоне, предоставляя своим двум женатым сыновьям сохранять стиль и кураж, присущие представителям столь богатой фирмы.

«Я мало знаком с мистером Кнопфом, – объяснил мистер Шипман сыщикам. – Кажется, пару раз он продал мне два-три камня, но мы оба одиноки и часто ужинали вместе. Вот и вчера вечером он ужинал со мной. В тот день, по его словам, он получил отличную партию бразильских бриллиантов и, зная, как мне досаждают посетители в конторе, принёс камни с собой, надеясь, может быть, немного поторговаться за десертом²¹.

Я купил всю партию за 25 000 фунтов стерлингов, – добавил ювелир так небрежно, как будто говорил о фартигах²², – и выписал ему чек за обеденным столом на эту сумму. По-моему, мы оба остались довольны сделкой, и по этому поводу распили последнюю бутылку портвейна 1848 года. Мистер Кнопф оставил меня около 9.30, поскольку он знает, что я ложусь спать очень рано, и я забрал своё приобретение наверх и запер его в сейфе. И уж точно ничего не слышал о шуме в конюшнях прошлой ночью. Я сплю на втором этаже в передней части дома, и впервые слышу о том, что бедный мистер Кнопф подвергся...»

И в этот момент мистер Шипман внезапно умолк и смертельно побледнел. Поспешно извинившись, он, позабыв о приличиях, бросился прочь из комнаты, и детектив услышал, как он быстро бежит наверх.

Мистер Шипман вернулся менее чем через две минуты. Ему не нужно было ничего говорить – и детектив, и инспектор мгновенно угадали правду по выражению его лица.

«Бриллианты! – выдохнул он. – Меня ограбили!»

²¹ Другой вариант: во время беседы после еды, когда за столом остаются одни мужчины. Дословно – «за орехами и вином», «*overthenutsandwine*». Выражение принадлежит английскому поэту А. Теннисону.

²² 1 фартинг – мелкая монета, 1/960 часть фунта, четвёртая часть пенса. В 1 фунте 20 шиллингов, в 1 шиллинге 12 пенсов.

ГЛАВА V

НОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

– Теперь я должен вам сказать, – продолжил Старик в углу, – что, прочитав отчёт о двойном ограблении, появившийся в дневных газетах, я принялся за работу и хорошо подумал – да! – добавил он с улыбкой, заметив взгляд Полли, брошенный ею на кусок верёвки, который Старик не выпускал из рук, – да! – с помощью этого небольшого дополнения к постоянным размышлениям я принял решение о том, как следует действовать, чтобы найти сообразительного вора, который за одну ночь похитил небольшое состояние. Конечно, мои способы не те, что у лондонского детектива; у него свой собственный метод работы. Сыщик, который вёл это дело, очень внимательно расспрашивал несчастного ювелира о его слугах и других домашних.

«У меня трое слуг, – объяснил мистер Шипман, – двое из которых со мной уже много лет; третья, уборщица, появилась сравнительно недавно – около шести месяцев. Она приехала по рекомендации друга, и у неё отличный характер. Она делит комнату с горничной. У кухарки, которая знает меня ещё со школьной скамьи, своя комната; спальни прислуги находятся на верхнем этаже. Я запер драгоценности в сейфе, который стоит в гардеробной. Ключи и часы я положил, как обычно, у кровати. Сон у меня чуткий.

Не понимаю, как это могло случиться, но... вам лучше подойти и взглянуть на сейф. Вероятно, ключи взяли с того места, где я их положил, открыли сейф и вернули обратно – пока я спал. Хотя до сих пор у меня не было случая заглянуть в сейф, я должен был обнаружить потерю до начала работы, потому что собирался унести алмазы с собой...»

Детектив и инспектор осмотрели сейф. Замок никоим образом не был взломан – его открыли собственным ключом. Детектив упомянул о хлороформе, но мистер Шипман заявил, что, когда он проснулся утром примерно в половине восьмого, в комнате не было запаха хлороформа. Однако действия дерзкого вора определённо указывали на применение лекарства. Осмотр помещения выявил тот факт, что грабитель, как и в доме мистера Кнопфа, воспользовался стеклянной панелью в двери из сада как средством входа, но в данном случае он аккуратно вырезал стекло алмазом, отодвинул засовы, повернул ключ в замке и спокойно вошёл внутрь.

«Кто из ваших слуг знал, что вчера вечером у вас в доме оказались бриллианты, мистер Шипман?» – спросил детектив.

«Никто, по-моему, – ответил ювелир, – хотя, возможно, горничная, стоявшая у стола, могла слышать, как мы с мистером Кнопфом обсуждали сделку».

«Не возражаете ли вы против того, чтобы я обыскал всех ваших слуг?»

«Конечно, нет. И уверен, что они тоже не будут возражать. Они абсолютно честны».

– Обыск имущества слуг – неизменно бесполезное занятие, – заметил Старик в углу, пожав плечами. – Никто, даже принятый накануне, не был бы настолько глуп, чтобы держать украденное в доме. Однако обычный фарс довели до конца, с тем или иным протестом со стороны слуг мистера Шипмана и обычным результатом.

Ювелир не мог предоставить никаких дополнительных сведений; детектив и инспектор, надо отдать им должное, провели расследование детально и, более того, с умом. Из их выводов казалось очевидным, что грабитель вначале посетил дом 26 по Филлимор-Террас, а затем отправился дальше – вероятно, перелез через садовые стены между домами к № 22, где Робертсон чуть не поймал его с поличным. Факты были достаточно просты, но оставались загадкой личность того, кому удалось получить сведения о наличии алмазов в обоих домах, и средства, с помощью которых он добыл эти сведения. Было очевидно, что вор или воров знали о мистере Кнопфе больше, чем о мистере Шипмане, поскольку они воспользовались именем мистера Эмиля Кнопфа, чтобы убрать со своего пути его брата.

Было уже почти десять часов, и детективы, попрощавшись с мистером Шипманом, вернулись в дом № 22, чтобы выяснить, вернулся ли мистер Кнопф; дверь открыла старая уборщица, сообщившая, что её хозяин вернулся и завтракает в столовой.

Мистер Фердинанд Кнопф был мужчиной средних лет, с землистым цветом лица, чёрными волосами и бородой, явно еврейского происхождения. Он говорил с выраженным иностранным акцентом, но очень вежливо, выразив надежду, что полицейские извинят его, если он продолжит завтракать.

«Я полностью приготовился к скверным новостям, — объяснил он, — и то, что рассказал Робертсон, ничуть меня не удивило. Письмо, полученное мной вчера вечером, было фальшивым; такого человека, как Дж. Коллинз, доктор медицины, не существует. Брат никогда в жизни не чувствовал себя лучше. Я уверен, что очень скоро вы найдёте хитроумного автора этого послания — ах! — но хочу сказать, что пришёл в ярость, когда добрался до «Метрополя» в Брайтоне, и обнаружил, что Эмиль, мой брат, в жизни не слышал ни о каком докторе Коллинзе.

Последний поезд в город уже ушёл, хотя я немедленно бросился обратно на станцию. Бедный старый Робертсон, он ужасно простужен. Ах, да! Моя потеря! Серьёзный удар; если бы я накануне не заключил удачную сделку с мистером Шипманом, то, возможно, сейчас оказался бы полностью разорён.

Камни, которые находились в моём распоряжении вчера, были, во-первых, великолепными бразильцами; их я продал в основном мистеру Шипману. Несколько отличных капских бриллиантов²³[23] — все пропали; а вместе с ними несколько удивительных парижских камней, прекрасной работы и отделки, которые доверил мне почтенный французский дом. Так что, сэр, в целом мои потери составят почти 10 000 фунтов стерлингов. Я продаю за комиссионные²⁴ и, конечно же, должен возместить убытки».

Он, видимо, старался держаться мужественно, как и подобает деловому человеку, пусть даже его постигла неудача. Он отказывался в какой бы то ни было степени винить своего старого и верного слугу Робертсона, который мог умереть от простуды из-за преданности отсутствовавшему хозяину. Любой, самый отдалённый намёк на подозрение в его адрес казался мистеру Кнопфу совершенно абсурдным.

Что касается старой уборщицы, мистер Кнопф определённо ничего о ней не знал, за исключением того факта, что она была рекомендована ему одним из местных торговцев и казалась абсолютно честной, уважаемой и трезвой.

О бродяге мистер Кнопф знал ещё меньше, и не понимал, как этот тип, да и вообще кто-то посторонний, мог знать, что в ту ночь у него в доме оказались бриллианты. Это определённо сильно осложняло дело.

Мистер Фердинанд Кнопф по просьбе полиции позже отправился в участок и взглянул на подозреваемого бродягу. И заявил, что никогда раньше не видел его.

Мистер Шипман, возвращаясь домой после работы, поступил точно так же и сделал аналогичное заявление.

Представ перед судьёй, бродяга почти ничего о себе не рассказал. Он назвал имя и адрес, которые, конечно, оказались ложными. После чего категорически отказался говорить. Казалось, его не заботило, под стражей он или нет. Вскоре даже полиция поняла, что в данный момент от бродяги ничего не добиться.

Мистер Фрэнсис Ховард, детектив, расследовавший это дело, был готов от безысходности рвать на себе волосы, хотя не хотел признаваться в этом даже самому себе. Вы должны помнить, что кража со взломом, благодаря своей простоте, была чрезвычайно загадочным делом. Констебль D 21, стоявший рядом с «Конюшнями Адама и Евы» предположительно во время ограбления дома мистера Кнопфа, не видел, чтобы кто-либо сворачивал из *cul-de-sac* в главный проход конюшни.

Конюшни, непосредственно выходящие на задний вход в дома Филлимор-Террас, были частными и принадлежали жителям района. За кучерами, их семьями и всеми конюхами, которые спали в стойлах, строго наблюдали и всех допрашивали. Но никто ничего не видел и ничего не слышал, пока крики Робертсона не заставили всех пробудиться.

²³ Капская колония — первая голландская переселенческая колония в Южной Африке с центром в городе Капстад, затем английское владение (город переименован в Кейптаун).

²⁴ То есть за процент от вырученной суммы.

Что касается письма из Брайтона, то оно было совершенно заурядным и написано на бумаге, которую детектив с макиавеллиевской²⁵ хитростью проследил до канцелярского магазина на Вест-стрит. Но торговля в этом магазине шла очень оживлённо; множество людей покупали там бумажные листы, похожие на тот, на котором предполагаемый доктор написал своё плутовское письмо. Почерк был сжатым, возможно, изменённым; в любом случае он не мог дать никакого ключа к разгадке – разве что в дело вмешалось бы провидение. Само собой разумеется, что бродяга, когда ему приказали написать своё имя, написал совсем другим почерком, почерком необразованного человека.

Попытки раскрыть тайну по-прежнему не имели успеха, но тут произошло небольшое открытие, натолкнувшее мистера Фрэнсиса Ховарда на идею, которая – как он надеялся – если бы её удалось должным образом осуществить, неизбежно привела бы к тому, что хитрый грабитель оказался бы в пределах досягаемости полиции.

Нашли несколько алмазов мистера Кнопфа, – продолжил Старик в углу после небольшой паузы, – очевидно, втоптаные в землю вором, когда тот в спешке убежал через сад № 22 по Филлимор-Террас.

В конце этого сада находится небольшая студия, сооружённая бывшим владельцем дома, а за ней – небольшой кусок пустыря размерами около семи квадратных футов, который когда-то был рокарием²⁶, и до сих пор заполнен огромными обломками камней, в чьей тени ухováетки и бесчисленные мокрицы устроили себе счастливые охотничьи угодья.

Через два дня после ограбления тот самый Робертсон, нуждаясь в большом камне для каких-то хозяйственных целей, поднял один булыжник, валявшийся на пустыре, и нашёл под ним несколько блестящих камешков. Мистер Кнопф немедленно лично отнёс их в полицейский участок, где и опознал как часть парижских, ранее купленных им.

Несколько позже сыщик отправился осмотреть место, где совершили находку, и там задумал план, на который возлагал большие надежды.

Последовав совету мистера Фрэнсиса Ховарда, полиция решила выпустить безымянного бродягу из надёжного убежища, находящегося в участке, и позволить ему отправиться куда его душе угодно. Кстати, неплохая мысль – если этот человек каким-либо образом связан с хитроумными грабителями, он раньше или позже либо воссоединится со своими товарищами, либо даже приведёт полицию туда, где спрятана остальная добыча; разумеется, за ним необходимо следить, не спуская глаз.

Несчастный бродяга, освободившись, покинул участок, накинув тонкую куртку на плечи, потому что был очень холодный день. Он начал с того, что заявился в таверну Таун-Холл, чтобы хорошо поесть и обильно выпить. Мистер Фрэнсис Ховард заметил, что он с подозрением поглядывал на каждого прохожего, но это не мешало ему наслаждаться обедом и бутылкой вина.

Было около четырёх, когда бродяга вышел из таверны, и для неутомимого мистера Ховарда началась одна из самых утомительных и неинтересных погонь по лабиринтам лондонских улиц, в которых он когда-либо участвовал. Вверх в Ноттинг-Хилл, вниз по трущобам Ноттинг-Дейла, вдоль Хай-стрит, за Хаммерсмит и через Шепердс-Буш – безымянный бродяга неторопливо вёл за собой злосчастного детектива, время от времени останавливаясь в пабах, чтобы выпить. Мистеру Ховарду не всегда хотелось следовать за ним в паб.

Но, несмотря на усталость, надежды мистера Фрэнсиса Ховарда росли с каждым часом, проведённым вместе с утомительным бродягой. Этот человек явно пытался убить время; он, казалось, не чувствовал усталости, но шагал всё дальше и дальше, возможно, подозревая, что за ним следят.

Сердце сыщика стучало, как бешеное, ноги невыносимо болели, а сам он был полумёртв от холода, но в конце концов он начал понимать, что бродяга постепенно возвращается к

²⁵ Никколо ди Бернардо деи Макиавелли (1469 — 1527 гг.) — итальянский дипломат, писатель, философ и историк, живший в эпоху Возрождения. Его имя часто используется как символ хитрости, обмана и стремления достичь цели любыми средствами.

²⁶ Рокарий представляет собой декоративную композицию, в которой присутствуют камни и миниатюрные растения. Один из видов рокария — «альпийская горка».

Кенсингтону. Было уже около одиннадцати часов ночи; пару раз этот человек прошёл вверх и вниз по Хай-стрит, от школы Святого Павла до магазинов «Дерри и Том» и обратно, бросил несколько взглядов искоса в различные переулки и – наконец-то – свернул на Филлимор-Террас. Бродяга по-прежнему не торопился и даже остановился посреди дороги, пытаясь зажечь трубку, что заняло у него немало времени, поскольку дул сильный восточный ветер. Затем он неторопливо поплёлся по улице и повернул к «Конюшням Адама и Евы», а мистер Фрэнсис Ховард не отставал от него ни на шаг.

Действуя по указанию детектива, неподалёку от него в полной готовности находились несколько человек в штатском. Двое стояли в тени ступеней Конгрегационалистской церкви на углу конюшен, другие расположились так, что могли услышать тихий оклик.

Поэтому, едва дичь зашла в *cul-de-sac* в задней части Филлимор-Террас, как по знаку мистера Фрэнсиса Ховарда все выходы заблокировали, и бродягу поймали в мышеловку, как крысу.

Лишь только бродяга продвинулся примерно на тридцать ярдов (вся длина этой части конюшни составляет около ста ярдов) и затерялся в тени, мистер Фрэнсис Ховард приказал пятерым своим людям осторожно продвигаться вперёд к конюшням, а другой пятёрке полагалось образовать заградительную линию по всей передней части Филлимор-Террас между конюшнями и Хай-стрит.

Как вы помните, стены заднего сада отбрасывали длинную и густую тень, но, если бы человек попытался перелезть через них, его силуэт оказался бы чётко очерчен. Мистер Ховард был совершенно уверен, что вор пришёл забрать добычу, которую, несомненно, спрятал на заднем дворе одного из домов. Его поймают *in flagrante delicto*²⁷, и под угрозой сурового приговора, вероятно, заставят назвать сообщника. Мистер Фрэнсис Ховард был на редкость доволен собой.

Минуты летели; в темноте и безлюдных конюшнях царил абсолютная тишина, несмотря на присутствие многих мужчин.

– Конечно, события той ночи так и не попали в газеты, – добавил Старик в углу с обычной мягкой улыбкой. – Если бы план увенчался успехом, о случившемся узнали бы все, а в газетах появилась бы длинная хвалебная статья о проницательности нашей полиции. Но всё вышло наоборот – да, бродяга бесследно исчез в конюшнях. Ни Фрэнсис Ховард, ни другие констебли не смогли объяснить этот факт. То ли земля, то ли тени поглотили подозреваемого. Никто не видел, как он взбирался на садовую стену, никто не слышал, как он открывал дверь; он скрылся в тени садовых стен, и больше его не было ни видно, ни слышно.

– Один из слуг в домах Филлимор-Террас, должно быть, принадлежал к банде, – быстро встала Полли.

– Ах, да! Но кто? – поинтересовался Старик в углу, завязывая красивый узел на верёвке. – Могу заверить вас, что полиция перевернула всё вверх дном, чтобы разыскать бродягу, пребывавшего под стражей в течение двух дней, но и поныне не смогла найти ни его следов, ни самих алмазов.

²⁷ *In flagrante delicto* – на месте преступления (*лат.*).

ГЛАВА VI

ВСЁ, ЧТО ОН ЗНАЛ

– Бродяга пропал, – продолжил Старик в углу, – и мистер Фрэнсис Ховард попытался найти его. Обойдя дом спереди и увидев свет в доме № 26, он нанёс визит мистеру Шипману. Ювелир ужинал с друзьями и как раз угощал их виски с содовой перед тем, как пожелать спокойной ночи. Слуги только что закончили мыть посуду и ждали возможности улечься спать; ни они, ни мистер Шипман, ни его гости – никто ничего не видел и ничего не слышал о ком бы то ни было подозрительном.

Тогда мистер Фрэнсис Ховард направился к мистеру Фердинанду Кнопфу. Сей джентльмен принимал горячую ванну перед сном. Об этом объявил детективу Робертсон. Однако мистер Кнопф настоял на том, чтобы поговорить с мистером Ховардом через дверь ванной. Мистер Кнопф поблагодарил мистера Ховарда за все хлопоты, которые тот взял на себя, и выразил уверенность, что они с мистером Шипманом скоро вернут себе алмазы благодаря настойчивости сыщика.

– Хи! Хи! Хи! – засмеялся Старик в углу. – Бедный мистер Ховард! Он проявил настойчивость, но не продвинулся дальше ни на шаг; да и никто другой, если на то пошло. Даже если я расскажу всё, что знаю, полиции, скорее всего, не удастся привлечь воров к суду. А теперь я изложу вам свои рассуждения, пункт за пунктом, – нетерпеливо добавил он. – Итак, кто знал о наличии алмазов в доме мистера Шипмана и мистера Кнопфа? Во-первых, – поднял Старик уродливый когтистый палец, – мистер Шипман, затем мистер Кнопф и, предположительно, Робертсон.

– А бродяга? – спросила Полли.

– Оставьте бродягу в покое – он исчез, и займитесь пунктом номер два. Мистер Шипман находился под воздействием снотворного. Это вполне очевидно; ни один человек при обычных обстоятельствах не сможет забрать лежащие у кровати ключи, а затем вернуть их обратно, не разбудив хозяина. Мистер Ховард предположил, что вор запасся эфиром или хлороформом; но как вор мог проникнуть в комнату мистера Шипмана, не пробудив того от естественного сна? Разве не проще предположить, что вор принял меры предосторожности, чтобы дать ювелиру снотворное перед тем, как тот ляжет спать?

– Но...

– Подождите минутку, рассмотрим пункт номер три. Хотя имелись все доказательства того, что мистер Шипман владел товарами стоимостью в 25000 фунтов стерлингов с тех пор, как мистер Кнопф получил от него чек на эту сумму, не существовало никаких доказательств того, что в доме мистера Кнопфа был хотя бы один камень ценой в соверен²⁸.

– И опять же, – продолжало чучело, всё больше и больше возбуждаясь, – не приходило ли в голову вам или кому-нибудь ещё, что ни разу, пока бродяга находился под стражей, пока продолжались все эти расследования и поиски, никто и никогда не видел мистера Кнопфа и его слугу Робертсона одновременно?

– Ах! – продолжил он, и тут разум Полли словно озарил яркой вспышкой, – они не забыли ни одной детали. Итак, разберём всё по порядку. Два хитрых негодяя – их бы следовало называть гениями – хорошо обеспеченных бесчестно заработанными средствами, замыслили грандиозный *сoup*²⁹. Они изображают респектабельность, скажем, в течение шести месяцев. Один – хозяин, другой – слуга; они снимают дом на той же улице, что и их предполагаемая жертва, подружился с ним, совершили пару честных, но очень мелких сделок, всегда используя резервные фонды, где могло лежать даже несколько сотен, и таким образом добились доверия.

Затем бразильские и парижские бриллианты, которые, если вы помните, были настолько совершенны, что требовался химический анализ для подтверждения их истинности. Парижские камни проданы – не в конторе, конечно – вечером, после обеда и большого количества вина.

²⁸ Соверен — английская, затем британская золотая монета достоинством 1 фунт стерлингов (20 шиллингов).

²⁹ *Soup* – заговор (*фр.*).

Бразильцы мистера Кнопфа были прекрасны, безупречны! Ведь мистер Кнопф – известный торговец алмазами.

Мистер Шипман совершил покупку – но с наступлением утра пришло бы время здравого смысла, выплату по чеку задержали бы до предъявления, мошенников бы поймали. Не годится! Эти изысканные парижане не собирались отдыхать в сейфе мистера Шипмана до утра. Последняя бутылка портвейна 48-го года, наполненная сильнодействующим снотворным, обеспечила мистеру Шипману возможность спокойно спать всю ночь.

Ах! Запомните все подробности, они поистине замечательны! Письмо, отправленное в Брайтоне хитрым мошенником самому себе, взломанный стол, разбитое стекло в его собственном доме. Слуга Робертсон – на страже, а сам Кнопф в рваной одежде пробрался в № 26. Если бы в тот момент не появился констебль D 21, ранним утром не разыгралась бы захватывающая комедия. Во время инсценированной драки алмазы мистера Шипмана перешли из рук бродяги в руки его сообщника.

После этого заболевший Робертсон лежит в постели, ожидая возвращения хозяина – кстати, никого не поразило, что ни один человек не видел, как мистер Кнопф возвращается домой, хотя он наверняка приехал бы в кэбе. В течение следующих двух дней один и тот же мужчина играл двойную роль. На это не обратили внимания ни полиция, ни инспектор. Вспомните: они видели Робертсона только тогда, когда он лежал в постели с сильной простудой. Но Кнопфа требовалось освободить из тюрьмы как можно скорее – двойная *rôle*³⁰ не могла продолжаться слишком долго. Отсюда и история об алмазах, найденных в саду дома № 22. Хитрые мошенники догадались о том, что в жизнь будет воплощён традиционный план, и подозреваемого пригласят посетить место, где спрятана добыча.

Воры всё это предвидели заранее, и Робертсон постоянно был начеку. Заметьте, бродяга на какое-то время остановился на Филлимор-Террас, раскуривая трубку. Сообщник, пребывавший настороже, по этому сигналу отодвинул засовы садовых ворот. Через пять минут Кнопф оказался в доме и сидел в горячей ванне, избавляясь от грима нашего друга-бродяги. Вспомните, что детектив в тот момент опять-таки его не видел.

На следующее утро мистер Кнопф, обзаведясь чёрными волосами, бородой и всем остальным, снова стал самим собой. Вся уловка заключалась в одном простом искусстве, которым эти два хитрых негодяя овладели в абсолютном совершенстве – искусстве подражания друг другу.

Вероятно, они братья – скорее всего, братья-близнецы.

– Но мистер Кнопф... – начала Полли.

– Что ж, загляните в *Указатель торговых фирм*; вы увидите торговцев алмазами «Ф. Кнопф и компания», расположенных по какому-то адресу в Сити³¹. Поспрашивайте об этой фирме у других торговцев; вы услышите о её незыблемом положении на прочном финансовом фундаменте. Хи! Хи! Хи! И она этого заслуживает, – добавил Старик в углу, затем подозвал официантку, получил чек и, взяв свою потрёпанную шляпу, быстро исчез из магазина вместе с верёвкой.

³⁰ Rôle – роль (*фр.*).

³¹ Сити – деловая часть Лондона.

ГЛАВА VII

ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО В ЙОРКЕ

Старик в углу сегодня утром казался особенно бодрым — он выпил два стакана молока и даже позволил себе такую роскошь, как второй кусок сырного торта. Полли поняла, что ему явно не терпится поговорить о небезызвестных ей преступлениях, поскольку он время от времени исподтишка бросал на неё взгляд, доставал свой шнурок, завязывал и развязывал бесчисленные узелки и наконец, вынув из кармана бумажник, положил перед нею несколько фотографий.

— Вы знаете, кто это? — спросил он, указывая на одну из них.

Полли взглянула на снимок. На нём была женщина — не красавица, но очень миловидная, похожая на ребёнка, с каким-то странным, грустным и необыкновенно притягательным выражением огромных глаз.

— Это леди Артур Скелмертон, — сказал Старик, и Полли мгновенно вспомнила странную трагическую историю, которая разбила сердце любящей женщины.

Леди Артур Скелмертон! Это имя напомнило девушке одну из самых запутанных и таинственных страниц в анналах нераскрытых преступлений.

— Да. Грустная история, — сказал Старик, как бы отвечая её мыслям. — Если бы не идиотские промахи полиции, это дело раскрыли бы в два счета и страсти бы улеглись. Вы не будете возражать, если я напомню, с чего все началось?

Она молчала, и он продолжил, не дожидаясь ответа:

— Это случилось во время Йоркской недели скачек, когда в тихий кафедральный город приезжают всякие подозрительные субъекты, которые выуживают деньги у законных владельцев. Лорд Артур Скелмертон, небезызвестная личность в лондонском обществе и среди букмекеров, снял один из красивых особняков неподалёку от ипподрома. Он выставил свою лошадь — Перчика — на Иборский гандикап³². Перчик победил в Ньюмаркете, и его шансы никто не ставил под сомнение.

Если вы бывали в Йорке, то наверняка знаете особняки, выходящие на дорогу, которую горожане называют Подъёмом; их сады тянутся до самого ипподрома, оттуда великолепно видны все беговые дорожки. Один из этих особняков — «Вязы» — и снял на лето лорд Артур Скелмертон.

Леди Артур приехала незадолго до начала скачек со своими слугами. Детей у неё не было, но зато имелось множество родных и друзей в Йорке; она была дочерью старого сэра Джона Этти, кофейного короля, сурового квакера, который, как говорили, никому не позволял запускать руку в свой кошелек и весьма неодобрительно относился к тому, что его зять-аристократ имел пристрастие к игорным столам и букмекерским конторам.

За красивого молодого лейтенанта, служившего в полку ***ских гусар, Мод Этти вышла против воли отца. Но она была единственным ребёнком, так что, поворчав и посердившись, сэр Джон, боготворивший дочь, уступил её прихоти и неохотно дал согласие на брак.

Но, как истинный йоркширец, он был достаточно проницателен и сразу понял, что не только любовь побудила молодого графа жениться на дочери торговца кофе. И старик решил: раз уж лорд Артур женился на Мод из-за её богатства, то пусть богатство, по крайней мере, обеспечит ей семейное счастье. Отец отказался выделить леди Артур какой бы то ни было капитал, потому что деньги, несмотря на самый безукоризненно составленный брачный контракт, неизбежно, рано или поздно, перекочевали бы в карманы букмекеров. Вместо этого старик назначил дочери

³² Иборский гандикап (*англ. Ebor Handicap; Ebor* — сокращение от *Eboracum*, латинского названия г. Йорка) — соревнование в гладких скачках (без препятствий) лошадей-трёхлеток с гандикапом, проводится в августе в рамках Иборского фестиваля скачек (ранее — Недели скачек); самое престижное соревнование в Европе в своём классе.

приличное содержание — свыше трёх тысяч фунтов в год, что позволяло ей жить соответственно её новому положению.

Многое, невзирая на личный характер этих сведений, стало достоянием сплетен в результате величайшего ажиотажа, который последовал за убийством Чарльза Лавендера, когда все взоры были обращены на лорда Артура Скелмертона, и широкая публика в подробностях обсуждала его праздную, бессмысленную жизнь.

Тем временем в обществе стали судачить о том, что бедная молодая леди Артур боготворит своего красавца мужа, несмотря на его очевидное небрежение; не подарив ему до сих пор наследника, она как будто жила с постоянным чувством вины за своё плебейское происхождение; её жизнь свелась к тому, что она смирялась с недостатками лорда Артура и прощала все его грехи, а порой даже скрывала проступки мужа от сэра Джона, пытаясь убедить старика, что его зять — воплощение всех семейных добродетелей и образцовый супруг.

Среди дорогостоящих увлечений лорда Артура Скелмертона, разумеется, были скачки и карты. Вскоре после женитьбы он несколько раз выиграл на бегах и приобрёл собственную конюшню, которую все считали регулярным источником доходов лорда — ибо он был весьма удачлив.

Однако же Перчик после блистательной победы в Ньюмаркете не оправдал хозяйских надежд. Его провал в Йорке стал результатом целого ряда причин, в том числе трудной дорожки, но итог оказался таков, что лорд Артур Скелмертон оказался в незавидном положении — он поставил на эту лошадь всё, что у него было, и за один день потерял более пяти тысяч фунтов.

Поражение фаворита и громкий непредвиденный триумф Короля Коля стали золотым дном для букмекеров — во всех отелях Йорка завсегдатаи бегах давали обеды и ужины, чтобы отпраздновать столь знаменательное событие. На следующий день, в пятницу, предстоял один из наиболее важных заездов, после чего толпа пройдох, на неделю захватившая почтенный город, должна была отправиться по своим тёмным делам, оставив Йорк с его красивым старым собором и древними стенами таким же сонным и тихим, каким он был прежде.

Лорд Артур Скелмертон также собирался уехать из Йорка в субботу, и в пятницу вечером он устроил в «Вязах» прощальную холостяцкую вечеринку, на которой леди Артур не присутствовала. После ужина джентльмены уселись играть в бридж, и по-крупному, уж будьте уверены. Часы на колокольне пробили одиннадцать, когда констебли Макнот и Мерфи, которые несли службу на ипподроме, услышали громкие крики: «Убийство! Полиция!»

Быстро определив, откуда доносятся крики, они немедленно поскакали туда — а это было почти на самой границе владений лорда Артура Скелмертона — и увидели троих мужчин, двое из которых отчаянно боролись, а третий лежал ничком на земле. Когда полицейские приблизились, один из мужчин громко закричал (и в его голосе слышались властные нотки): «Сюда, ребята, живей! Держите негодяя!» Но негодяй, казалось, и не думал бежать, хотя, конечно, отчаянно вырывался из рук нападавшего. Констебли спешили, а тот, кто звал на помощь, сказал уже тише: «Я лорд Артур Скелмертон. Здесь начинаются мои владения. Мы с моим другом курили в беседке, когда услышали громкие голоса, а потом — крик и стон.

Я поспешил на шум и увидел, что этот бедолага лежит на земле с ножом между лопаток, а убийца, — он указал на мужчину, который спокойно стоял рядом, в то время как констебль Макнот крепко держал его за плечо, — а убийца наклонился над телом жертвы. Я опоздал и не сумел спасти несчастного, но зато успел схватить преступника». — «Это ложь! — хрипло воскликнул тот. — Констебль, я этого не делал. Клянусь, я этого не делал. Я увидел, как он упал, — я проходил в паре сотен ярдов отсюда — и всего лишь захотел посмотреть, жив ли этот человек. Клянусь, я его не убивал!» — «Придётся тебе объяснить все это инспектору, дружок», — ответил Макнот; арестованный, по-прежнему громко заявлявший о своей невинности, был уведён, а тело отправлено в участок до опознания.

На следующее утро газеты пестрели подробностями трагедии; полторы колонки в «Йорк геральд» были посвящены смелому поступку лорда Артура Скелмертона, который поймал преступника. Предполагаемый убийца по-прежнему твердил, что невиновен, но прибавлял с какой-то мрачной иронией, что он, видимо, крепко завяз, но легко выберется. Он сообщил полиции, что убитый — всем известный букмекер по имени Чарльз Лавендер (этот факт вскоре подтвердился, поскольку в городе было много дружков покойного).

Даже самые настойчивые репортёры оказались не в состоянии добиться от полиции каких-либо сведений, но никто тем не менее не сомневался, что арестованный, назвавшийся Джорджем Хиггинсом, убил букмекера с целью ограбления. Следствие было назначено на следующий четверг.

Лорду Артуру пришлось провести в Йорке ещё несколько дней, поскольку требовались его показания. Это дело представляло интерес для многих, так как затрагивало как Йоркское, так и лондонское общество. Чарльз Лавендер был хорошо известен на бегах. Даже бомба, взорвавшаяся в древнем кафедральном соборе, не удивила бы нашу публику сильнее, чем известие, которое, начиная с пяти часов дня в четверг, распространилось по городу со скоростью пожара. В результате следствие вынесло вердикт: «убийство совершено неизвестным лицом или лицами» — но спустя два часа полиция арестовала лорда Скелмертона в его доме, предъявив ему обвинение в убийстве Чарльза Лавендера, букмекера.

ГЛАВА VIII

ОСОБО ТЯЖКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Полиция, видимо, почуяла, что в смерти букмекера есть нечто загадочное, — недаром же подозреваемый столь уверенно заявлял о собственной невинности — и предприняла значительные усилия, дабы собрать и предъявить следствию все возможные улики, которые могли пролить свет на жизнь Чарльза Лавендера незадолго до его трагической гибели. Перед коронером³³ предстала длинная череда свидетелей, главным среди которых был, конечно, лорд Артур Скелмертон.

Сначала коронер вызвал двух констеблей, которые заявили, что, когда часы на соседней церкви пробили одиннадцать, они услышали крики о помощи и, прискакав на шум, обнаружили подозреваемого в крепкой хватке лорда Артура, который обвинил этого человека в убийстве и передал в руки полиции. Оба констебля сошлись в своих показаниях.

Врачи подтвердили, что погибшему нанесли удар в спину, между лопаток; рана была нанесена большим охотничьим ножом, который убийца оставил на месте и который теперь был предъявлен следствию.

Лорд Артур Скелмертон, вызванный вслед за тем, повторил то, что говорил констеблям. А именно, он заявил, что тем самым вечером пригласил друзей на ужин, а потом все сели играть в бридж. Сам он играл мало и незадолго до того, как пробило одиннадцать, отправился выкурить сигару в беседке, находящейся в дальнем углу сада. Он услышал голоса, крик и стон (как уже раньше было сказано), и ему посчастливилось задержать преступника до прибытия полиции.

Тогда было предложено вызвать свидетеля Джеймса Терри, букмекера, который оказал полиции неоценимую помощь, опознав в убитом своего приятеля. Он и сделал то сенсационное заявление, которое привело к столь невероятному итогу — аресту молодого графа по обвинению в особо тяжком преступлении.

Выяснилось, что вечером, после печально известного гандикапа, Терри и Лавендер вместе выпивали в отеле «Чёрный лебедь». «Я-то неплохо заработал на проигрыше Перчика, — сказал Терри суду, — но бедняга Лавендер совсем вылетел в трубу: он сделал всего лишь несколько маленьких ставок против фаворита, и потом до конца дня ему не везло. Я спросил, держал ли он пари с хозяином Перчика, и Лавендер сказал, что держал — но меньше, чем на пятьсот фунтов. Я засмеялся и сказал, что будь это не пятьсот, а пять тысяч фунтов, все равно никакой разницы нет, потому что, говорят, лорд Артур Скелмертон совсем разорился. Лавендер здорово вспылил и поклялся, что получит с лорда свои пятьсот фунтов, даже если никому другому не удастся выжать из него ни пенса. «Это мой единственный выигрыш за сегодня, — сказал он. — И я его получу». — «Не получишь», — ответил я. «Посмотрим», — сказал Лавендер. «Тогда держи ухо востро, — посоветовал я, — потому что все будут не прочь урвать кусок, кто смел — тот и съел». — «Не беспокойся, я своё возьму, — сказал Лавендер со смехом. — Если он не заплатит по своей воле, есть у меня кое-что в запасе — я открою его жёнушке и сэру Джону Этти глаза на их драгоценного лорда». Потом он понял, что зашёл слишком далеко, и больше не стал со мной говорить об этом деле. На следующий день мы увиделись на бегах. Я спросил, получил ли он уже свои пятьсот фунтов. Лавендер ответил: «Получу сегодня».

Лорд Артур Скелмертон после дачи показаний покинул зал суда; следовательно, необходимо было узнать, как он отнесётся к этому заявлению, проливающему столь серьёзный свет на его отношения с убитым — отношения, о которых сам он не обмолвился ни словом.

³³ Коронер — в некоторых странах англо-саксонской правовой семьи должностное лицо, специально расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и непосредственно определяющее причину смерти. Коронеры — обычно избираемые общиной лица, часто из числа непрофессионалов. Их обучение — понятие весьма относительное, достаточно поверхностное. Это название буквально означает: «представитель интересов Короны».

Ничто не опровергло тех фактов, которые изложил суду Джеймс Терри, и, когда полиция объявила коронеру, что собирается вызвать в качестве свидетеля Джорджа Хиггинса собственной персоной (поскольку его показания, разумеется, подтвердят и дополнят историю Терри), присяжные охотно согласились.

Если букмекер Джеймс Терри, громогласный, напыщенный, вульгарный, был весьма непривлекательной личностью, то Джордж Хиггинс, по-прежнему находящийся под подозрением в убийстве, оказался и того хуже.

Этот субъект, неопрятный, сутулый, одновременно подбострастный и наглый, был явным прохиндеем — одним из тех, что околачиваются на ипподромах и наживаются не столько за счёт собственного ума, сколько за счёт его нехватки у других. Он назвал себя «беговым комиссионером», что бы это ни значило, и заявил, что примерно в шесть часов вечера в пятницу, когда на ипподроме было по-прежнему полно суетливой и возбуждённой публики, он случайно оказался поблизости от изгороди, отделяющей владения лорда Артура Скелмертона. В конце сада, на небольшой искусственной насыпи, как он объяснил, была беседка, и Хиггинс увидел, как несколько человек пьют в ней чай. Ступеньки вели налево, по направлению к ипподрому, и у подножия лестницы он заметил лорда Артура Скелмертона и Чарльза Лавендера. Он узнал обоих джентльменов, но не мог как следует их разглядеть, поскольку оба были частично скрыты от него изгородью. Он был абсолютно уверен, что говорившие его не заметили, и не смог удержаться от соблазна подслушать их беседу.

«Это моё последнее слово, Лавендер, — негромко сказал лорд Артур. — У меня нет денег, и я не могу заплатить вам сейчас. Придётся подождать». — «Подождать? Я не могу ждать, — ответил старина Лавендер. — У меня свои обязательства, так же как у вас. С какой стати я должен ждать, пока меня объявят банкротом, когда у вас в кармане пятьсот фунтов моих денег. Лучше заплатите, или...» Но лорд Артур прервал его и сказал: «Или — что, приятель?» — «Или я покажу сэру Джону вексель, который вы мне выписали пару лет назад. Если помните, милорд, на нём стоит подпись сэра Джона, выполненная вашей рукой. Возможно, сэр Джон или леди Артур не откажутся заплатить по этому векселю — если только им не заинтересуется полиция. Я долго молчал, но теперь...» — «Слушайте, Лавендер, — сказал лорд Артур, — вы знаете, как эти ваши штучки называются с точки зрения закона?» — «Мне терять нечего, — ответил Лавендер. — Без этих пятисот фунтов мне крышка. Если вы разорите меня, то и вам не поздоровится, и мы будем квиты. Вот моё последнее слово». Он говорил очень громко, и я подумал, что друзья лорда Артура, которые сидели в беседке, могут его услышать. Должно быть, лорд Артур подумал то же самое, потому что поспешно сказал: «Если вы немедленно не закроете рот, я сию же минуту отправлю вас в тюрьму за шантаж». — «Не посмеете», — отозвался Лавендер и засмеялся, но в ту же секунду с верхней ступеньки раздался женский голос: «Ваш чай стынет!» Лорд Артур собрался уходить, но Лавендер сказал ему вдогонку: «Я вернусь вечером. Прихватите мои денежки».

Джордж Хиггинс, подслушав столь любопытный разговор, задумался, не сможет ли он извлечь из этого какой-либо выгоды. Поскольку мистер Хиггинс — человек, который живёт исключительно за счёт хитроумных махинаций, подобные сведения составляют для него основной источник доходов. И для начала он решил не терять Лавендера из виду до конца дня.

«Лавендер отправился обедать в «Чёрный лебедь», — сказал Хиггинс, — а я, слегка перекусив, ждал снаружи. Наконец в десять часов я увидел, как он выходит. Он нанял кэб, сел в него и поехал. Я не расслышал адреса, который он назвал кучеру, но кэб, несомненно, направлялся в сторону ипподрома. Я не хотел его упустить, — продолжал свидетель, — но кэб — для меня это слишком дорого. Тогда я побежал. Конечно, я не мог угнаться за Лавендером, но догадался, куда он едет. Я отправился напрямиком к ипподрому и спрятался за изгородью на границе владений лорда Артура Скелмертона. Уже почти стемнело, и начался мелкий дождь. Я ничего не видел в ста шагах перед собой. Мне как будто послышался громкий голос Лавендера где-то в отдалении. Я поспешил туда и вдруг увидел двоих — во мраке они казались просто смутными тенями — примерно в пятидесяти ярдах от себя. В следующую секунду один из них упал, а второй исчез.

Я побежал туда и обнаружил убитого, который лежал на земле. Я наклонился, чтобы посмотреть, нельзя ли ему чем-нибудь помочь, и тут лорд Артур схватил меня за шиворот».

— Можете себе представить, — сказал Старик, — что творилось в зале суда. Коронер и присяжные затаив дыхание ловили каждое слово, которое произносил этот потрёпанный невежа.

Вы понимаете, что само по себе его показание немного стоило, но после того, что рассказал Джеймс Терри, важность и, более того, правдивость истории Хиггинса стала всем очевидна. При перекрёстном допросе он твердил то же самое; закончив давать показания, Джордж Хиггинс вновь перешёл под опеку констеблей, после чего был вызван следующий свидетель.

Им оказался мистер Чиппс, дворецкий лорда Артура Скелмертона. Он сказал, что примерно в половине одиннадцатого вечера, в пятницу, «этот человек» приехал в «Вязы» и попросил о встрече с лордом Артуром. Когда ему сказали, что у хозяина гости, он начал шуметь. «Я попросил у него карточку, — свидетельствовал мистер Чиппс, — поскольку не знал, захочет ли его светлость видеть этого человека, но не пропустил посетителя дальше порога, потому что мне совсем не нравился его вид. Я понёс карточку его светлости. Джентльмены играли в карты в курительной, и я, улучив момент, когда можно было это сделать, не отвлекая его светлость, передал ему карточку». — «Что за имя стояло на карточке?» — вмешался коронер. «Не знаю, сэр, — ответил мистер Чиппс. — Честное слово, не помню. Я этого имени никогда раньше не слышал. В доме его светлости через мои руки проходит столько визитных карточек, что трудно упомянуть все имена». — «Значит, подождав несколько минут, вы отдали карточку его светлости? Что было потом?» — «Его светлость, кажется, был недоволен, — произнёс мистер Чиппс с чувством собственного достоинства, — но всё-таки сказал: проводите гостя в библиотеку, Чиппс, я его приму». Лорд Артур встал из-за карточного стола и сказал: «Играйте без меня, джентльмены, я вернусь через минуту». Я уже собирался открыть перед ним дверь, когда в комнату вошла леди, и внезапно его светлость передумал и сказал: «Передай этому человеку, что я занят и не могу его принять», а потом снова сел за карты. Я вышел и сказал, как мне было велено, а он ответил: «Ну ладно» — и спокойно ушёл». — «А вы не помните, в котором часу это было?» — спросил один из присяжных. «Помню, сэр. Пока я ждал, чтобы отдать карточку его светлости, то взглянул на часы, сэр, — было двадцать минут одиннадцатого».

Был и другой немаловажный факт, который ещё сильнее подогрел любопытство публики и ещё больше запутал полицию — об этом факте мистер Чиппс упомянул, давая показания. А именно — дело касалось ножа, которым был заколот Чарльз Лавендер и который был извлечён из раны и предъявлен суду. После минутного раздумья Чиппс сказал, что этот нож принадлежит его хозяину, лорду Артуру Скелмертону.

Неудивительно, что присяжные отказались выносить приговор Джорджу Хиггинсу. Ведь, кроме показаний лорда Артура, против него не было совершенно никаких улик, в то время как присутствующие, выслушивая одного свидетеля за другим, все более укреплялись во мнении, что убийца — не кто иной, как лорд Артур Скелмертон собственной персоной.

Нож был, разумеется, самой веской уликой, и полиция, несомненно, надеялась на скорое разрешение тайны — сейчас, когда ключ к разгадке оказался у неё в руках. Сразу после вынесения вердикта, впрочем, очень сдержанного, в котором речь шла о «неизвестном лице или лицах», лорд Артур Скелмертон был арестован в собственном доме.

Сенсация, конечно, была невероятная. За несколько часов до того, как лорд Артур оказался на скамье подсудимых, на улице перед зданием суда собралась толпа. Знакомые лорда, в основном женщины, сгорали от нетерпения — так им хотелось увидеть блистательного джентльмена в столь ужасном положении. Все сочувствовали леди Артур, здоровье которой сильно пошатнулось. В последнем бюллетене, полученном сразу после ареста лорда Артура, сообщалось, что её светлость, видимо, не выживет. Она находилась без сознания, и всякую надежду следовало оставить. Её преклонение перед никчёмным супругом было общеизвестно; неудивительно, что его последнее и самое страшное злодеяние разбило ей сердце.

Наконец привезли арестованного. Он был очень бледен, но, тем не менее, держался, как подобает настоящему джентльмену. С ним прибыл его адвокат, сэр Мармадьюк Ингерсолл, который что-то негромко внушал ему доверительным тоном.

В качестве обвинителя выступал мистер Бьюкенен, и его речь была поистине грозной. Лишь один вердикт мог быть вынесен по делу обвиняемого, который в припадке ярости или, возможно, из опасений убил шантажиста, угрожавшего разоблачить его и погубить в глазах света. Он утверждал, что лорд Артур, совершив злодеяние и испугавшись последствий — констебли могли его заметить, — решил воспользоваться присутствием на месте преступления мистера Хиггинса и во всеуслышание обвинил его в убийстве.

В завершение своей великолепной речи мистер Бьюкенен вызвал свидетелей со стороны обвинения, и публика ещё раз выслушала все показания, которые теперь казались ещё более зловещими.

У сэра Мармадюка не было вопросов к свидетелям; он спокойно взирал на них сквозь очки в золотой оправе. Затем он начал вызывать свидетелей со стороны защиты. Первым был полковник армии её величества Макинтош. Он присутствовал на званом ужине, который давал лорд Артур в день убийства. Он подтвердил, что лорд Артур действительно сначала приказал лакею Чиппсу провести гостя в библиотеку, а потом, когда в комнату вошла леди Артур, передумал. «Вам не показалось странным, — спросил мистер Бьюкенен, — что лорд Артур столь внезапно изменил своё намерение?» — «Ничего странного, — ответил полковник, видный мужчина с отменной выправкой, который в роли свидетеля явно чувствовал себя не на месте. — Люди, играющие на скачках, нередко заводят знакомства, которые держат втайне от жён». — «То есть вас не удивило, что у лорда Артура Скелмертона были какие-то причины, по которым его жене не следовало знать о присутствии в доме этого человека?» — «Я как-то об этом не подумал», — сдержанно ответил полковник. Мистер Бьюкенен не стал настаивать и позволил свидетелю закончить. «Я доиграл партию в бридж, — сказал тот, — и вышел в сад, чтобы выкурить сигару. Через несколько минут ко мне присоединился лорд Артур Скелмертон. Мы сидели в беседке, когда я услышал громкий и, как мне показалось, угрожающий голос, который доносился из-за ограды. Я не разобрал слов, но лорд Артур сказал: «Кажется, там какая-то ссора. Пойду посмотрю, в чем дело». Я попытался его отговорить и сам, разумеется, за ним не последовал; прошло не более минуты, когда раздался крик и стон, а потом я услышал, как лорд Артур торопливо сбежал по деревянным ступенькам, ведущим к ипподрому».

— Можете себе вообразить, — сказал Старик, — сколь суровому перекрёстному допросу пришлось подвергнуться благородному полковнику, когда сторона обвинения пыталась обратить его показания в свою пользу; он с военной точностью и неизменным хладнокровием повторил свои показания, а в зале стояла такая тишина, что можно было бы расслышать, как упала булавка.

Итак, полковник услышал угрожающий голос за оградой, когда сидел с лордом Артуром Скелмертоном; потом донёсся крик и стон, а затем — шаги лорда Артура по ступенькам. Он решил пойти за ним и посмотреть, что случилось, но было очень темно, и вдобавок полковник плохо знал сад. Пытаясь отыскать лестницу, он услышал крики о помощи, цокот копыт и весь разговор между лордом Артуром, Хиггинсом и полицейскими. Когда он наконец добрался до лестницы, лорд Артур уже возвращался, чтобы отправить в помощь констеблям конюха.

Свидетель отстаивал свои позиции не хуже, чем за год до того при Бэкфонтейне, — ничто не могло его поколебать, и сэр Мармадюк торжествующе взглянул на противную сторону.

После показаний полковника обвинение, разумеется, пошатнулось. Судите сами: никто не видел, чтобы обвиняемый встречался и разговаривал с убитым после того, как последний навестил «Вязы». Лорд Артур сказал Чиппсу, что не хочет видеть Лавендера, дворецкий вышел в прихожую и выпроводил его. Никакой встречи не состоялось, Лавендер даже не намекнул лорду Артуру, что он пойдёт к чёрному ходу и будет ждать там.

Двое других гостей лорда Артура под присягой заявили, что, после того как Чиппс объявил о приходе Лавендера, хозяин оставался за карточным столиком до без четверти одиннадцать, а потом присоединился к полковнику Макинтошу, который вышел в сад. Речь сэра Мармадюка была построена в высшей степени искусно. Шаг за шагом он разрушал воздвигнутое против лорда Артура обвинение, основывая свою защиту исключительно на показаниях гостей. До без четверти одиннадцать лорд Артур играл в карты; ещё четверть часа спустя было совершено убийство и полиция прибыла на место преступления. Показания полковника Макинтоша со всей очевидностью говорят о том, что обвиняемый в это время находился в его обществе и курил сигару. «Ясно как день, — завершил великий адвокат, — что мой клиент должен быть немедленно освобождён из-под стражи; и более того, я думаю, что полиции следовало быть осторожней и не оскорблять общественное мнение, арестовывая джентльмена на основании столь зыбких улик, как те, что были ею выдвинуты».

Конечно, по-прежнему оставался нож, но сэр Мармадюк искусно обошёл этот вопрос, поместив его в разряд тех странных и необъяснимых совпадений, которые приводят в замешательство даже самых опытных детективов и заставляют их совершать непростительные

ошибки наподобие той, которая была сделана. В конце концов, и дворецкий мог ошибиться. Таких ножей много, и сэр Мармадюк, в интересах своего подзащитного, решительно отрицал, что этот нож принадлежит лорду Артуру.

— Что ж, — продолжал Старик, издавая смешок, столь характерный для него в минуты возбуждения, — благородный узник был освобождён. Трудно сказать, что он покинул зал суда с незапятнанной репутацией, поскольку, смею вам напомнить, преступление, известное как «таинственное убийство в Йорке», так и осталось нераскрытым. Многие с сомнением качали головами, когда вспоминали впоследствии, что Чарльз Лавендер был заколот ножом, принадлежавшим, по словам одного из свидетелей, лорду Артуру; другие, напротив, склонялись к мысли о том, что убийцей был Джордж Хиггинс, что он и Джеймс Терри просто придумали историю о шантаже, а убийство было совершено единственно с целью ограбления.

Как бы то ни было, полиция оказалась не способна собрать сколько-нибудь убедительные улики против Хиггинса и Терри, так что газеты и публика равно отнесли это преступление к разряду так называемых «неразрешимых загадок».

ГЛАВА IX

ЖЕНЩИНА С РАЗБИТЫМ СЕРДЦЕМ

Старик попросил ещё один стакан молока и медленно осушил его, а потом сказал:

— Сейчас лорд Артур живёт по большей части за границей. Его бедная измученная жена умерла на следующий день после суда. Она так и не пришла в сознание и не получила радостного известия о том, что человек, которого она любила больше всего на свете, признан невиновным. Тайна?! — воскликнул он, как бы отвечая мыслям Полли. — Убийство этого человека для меня никогда не было тайной. И отчего полиция оказалась так слепа, когда буквально все свидетели, равно со стороны обвинения и защиты, указывали на преступника. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, всё это дело настолько запутанное, — ответила Полли, — что в нем абсолютно ничего не ясно.

— Вот как? — живо отозвался Старик, перебирая костлявыми пальцами неизменный шнурок. — Вы не видите здесь того, что для меня стало ключом к разгадке. Лавендер был убит, не так ли? Но лорд Артур не убивал его. Есть по крайней мере один несомненный свидетель — полковник Макинтош, — который подтвердил, что лорд не имеет отношения к убийству. Но, — добавил Старик и заговорил медленно и с выражением, отмечая каждую свою фразу узелком, — но он сознательно пытался переложить вину на человека, который также был невиновен. Зачем?

— Может быть, он считал, что Хиггинс убийца.

— Или хотел *защитить настоящего преступника* и дать ему время скрыться.

— Не понимаю.

— Подумайте, — возбуждённо сказал Старик, — подумайте о том, кто не меньше лорда Артура хотел замаять скандал, готовый разгореться вокруг имени этого джентльмена. О том, кто (возможно, без ведома лорда Артура) подслушал разговор, пересказанный в суде Джорджем Хиггинсом. Только у одного человека было несколько минут на то, чтобы увидеться с букмекером и, возможно, пообещать ему денег в обмен на компрометирующие бумаги, пока Чиппс относил хозяину карточку Лавендера.

— Вы, конечно, не имеете в виду... — прошептала Полли.

— Первый пункт, — негромко прервал Старик, — который полиция абсолютно упустила из виду. Джордж Хиггинс, давая показания, утверждал, что когда разговор Лавендера и лорда Артура достиг наивысшего накала, когда букмекер заговорил громко и угрожающе, их беседу прервал голос, донёсшийся с лестницы и произнёсший: «Чай стынет».

— Да, но... — возразила Полли.

— Подождите. Пункт второй. Это был женский голос. Я сделал то, чего не сделала полиция — один Бог знает почему. Я пошёл и взглянул на лестницу со стороны ипподрома — как мне кажется, для раскрытия данного преступления это немаловажно. Я насчитал всего двенадцать низких ступенек; тот, кто стоял наверху, должно быть, слышал каждое слово из того, что выкрикнул Чарльз Лавендер.

— Даже тогда...

— Отлично, пока вы со мной согласны, — сказал Старик. — Пункт третий, самый важный, который, как ни странно, следствие ни на секунду не приняло во внимание. Когда дворецкий Чиппс сразу сказал Лавендеру, что лорд Артур его не примет, букмекер страшно разозлился; тогда Чиппс отправился спросить у хозяина и отсутствовал несколько минут. Когда он повторил Лавендеру, что лорд Артур не желает его видеть, тот сказал: «Ну ладно» — и на этот раз отнёсся к отказу с полнейшим равнодушием. Очевидно, за это время кто-то заставил букмекера передумать. вспомните всё, что было сказано, и сами увидите, что могло случиться лишь одно — а именно: он переговорил с леди Артур. Чтобы дойти до курительной, ей нужно было пересечь прихожую; она должна была увидеть Лавендера. Даже за столь короткое время она наверняка поняла, что этот человек настойчив — а значит, представляет угрозу для её супруга. вспомните, женщины совершают странные поступки, для исследователя человеческой природы они

представляют куда большую загадку, нежели незамысловатый сильный пол. Как я уже говорил — и о чём следовало бы с самого начала задуматься полиции, — ради чего лорд Артур сознательно обвинил невинного человека в убийстве, как не ради того, чтобы защитить истинного преступника? вспомните, леди Артур была под угрозой разоблачения; Джордж Хиггинс мог заметить её прежде, чем она успела бы убежать. Нужно было отвлечь его внимание и внимание констеблей. Лорд Артур действовал, повинувшись слепому инстинкту, чтобы спасти жену любой ценой.

— Она могла натолкнуться на полковника Макинтоша, — возразила Полли.

— Возможно, что и натолкнулась. Кто знает? Благородный полковник был вынужден подтвердить невинность своего друга. Он мог сделать это с полным правом — его долг был выполнен, никто из невинных не пострадал. Нож, который принадлежал лорду Артуру, спас Джорджа Хиггинса. Это была улика против мужа, но никоим образом не против жены. Бедняжка, она, наверное, умерла от горя; любящие женщины думают лишь об одном человеке на свете — о том, кого они любят. Для меня все было ясно с самого начала, как только я прочёл заметку об убийстве. Ба! Нож! Лавендер заколот! Как будто я не знаю, что такое *английские* преступления; да я абсолютно уверен, что никакой англичанин, будь он грабитель с большой дороги или граф, не нападёт на противника со спины. Итальянец, француз, испанец — сколько угодно, а также женщины всех наций. Инстинкт повелевает англичанину поражать врага в грудь, а не в спину. У Джорджа Хиггинса и лорда Артура Склмертона хватило бы сил, чтобы сбить жертву с ног; но женщине оставалось лишь выжидать, пока противник повернётся к ней спиной. Она сознавала свою слабость и не хотела проиграть.

Подумайте над всем этим. В моих рассуждениях нет ни малейшего изъяна, но полиция никогда не добирается до сути — так оно случилось и на этот раз.

Он ушёл, оставив на столе фотографию миловидной, хрупкой женщины с волевой складкой в углу рта и странным, необъяснимым взглядом огромных печальных глаз; и Полли поблагодарила Бога, что это дело, убийство Чарльза Лавендера — жестокое, трусливое убийство, — так и осталось загадкой и для полиции, и для широкой публики.

ГЛАВА X

ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ НА ПОДЗЕМНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Со стороны мистера Ричарда Фробишера (из «Лондон Мэйл»³⁴) было очень хорошо так резко высказаться. Полли и не думала обвинять его.

Наоборот, он ещё больше понравился ей за этот откровенный порыв гнева, который, в конце концов, являлся всего лишь чрезвычайно лестной формой мужской ревности.

Более того, Полли явно чувствовала себя целиком и полностью виноватой. Она обещала встретиться с Дикки – то есть с мистером Ричардом Фробишером – ровно в два часа у театра «Палас», потому что хотела пойти на *matinée*³⁵ Мод Аллан³⁶, и потому что сам он, естественно, хотел пойти с ней.

Но ровно в два часа дня она по-прежнему находилась на Норфолк-стрит, Стрэнд, в магазине А.В.С., потягивая холодный кофе и сидя напротив гротескного Старика, возившегося с верёвочкой.

Как можно было ожидать, что она вспомнит Мод Аллан или театр «Палас», или даже самого Дикки? Старик в углу заговорил о таинственной смерти в метро, и Полли потеряла счёт времени, месту и обстоятельствам.

Она пошла на ланч довольно рано, так как с нетерпением ждала *matinée*.

Когда она вошла в магазин А.В.С., старое чучело сидело на своём привычном месте, но не обмолвилось ни словом, пока девушка жевала скон³⁷ с маслом. Она размышляла о невоспитанности Старика – он даже не сказал ей «Доброе утро» – когда его резкое замечание заставило её поднять глаза.

– Не будете ли вы так добры, – внезапно произнёс он, – описать мне человека, который только что сидел рядом с вами, пока вы пили кофе с булочкой.

Полли невольно повернула голову к отдалённой двери, через которую как раз быстро проходил человек в лёгком пальто. Этот мужчина определённо уже находился за соседним с ней столиком, когда она принялась за кофе с булочкой: он закончил ланч – каким бы тот ни был – мгновение назад, расплатился и ушёл. Инцидент не показался Полли имеющим хоть какое-то значение.

Поэтому она не ответила грубому Старика, пожалала плечами и попросила официантку принести счёт.

– Вы помните, был ли он высоким или низким, смуглым или светлокожим? – продолжал Старик в углу, по-видимому, несколько не смущённый равнодушием девушки. – Вы можете сказать мне вообще, как он выглядел?

– Конечно, могу, – нетерпеливо возразила Полли, – но не думаю, что моё описание одного из клиентов магазина А.В.С. может иметь хоть малейшее значение.

Он помолчал минуту, пока нервные пальцы шарили по вместительным карманам в поисках неизбежного обрывка верёвки. Обнаружив это необходимое «дополнение к размышлениям», он снова взглянул на девушку сквозь полуприкрытые веки и зловеще добавил:

– Но если предположить, что чрезвычайно важно получить от вас точное описание человека, сидевшего рядом с вами сегодня в течение получаса, что бы вы ответили?

– Ну, скажу, что он был среднего роста...

– Пять футов и восемь дюймов? Девять? Десять?³⁸ – тихо прервал Старик.

³⁴ «Лондон Мэйл» – «Лондонская почта».

³⁵ *Matinée* – здесь: дневной спектакль (фр.).

³⁶ Мод Аллан (урождённая Бьюла Мод Дюрран или Ула Мод Альма Дюрран, 1873 – 1956 гг.) – канадская танцовщица, известная главным образом своим *Танцем семи покрывал*.

³⁷ Скон – общее название многих разновидностей британской сладкой выпечки. Сканы обычно подают к чаю.

³⁸ Соответственно 172, 175 и 178 см.

– Как можно сказать с точностью до дюйма или двух? – сердито возразила Полли. – Лицо у него было неопределённого цвета.

– Что это такое? – вежливо спросил Старик.

– Ни светлое, ни тёмное... Его нос...

– Ну, и каков был его нос? Можете его набросать?

– Я не художница. Его нос был довольно прямым... глаза...

– Не были ни тёмными, ни светлыми. И такая же поразительная особенность волос. Он не был ни коротышкой, ни высоким. Его нос не был ни орлиным, ни курносим, – саркастически продолжил Старик.

– Нет, – запротестовала Полли – просто он выглядел совершенно заурядно.

– Узнали бы вы его снова – скажем, завтра и среди других людей, которые не являются «ни высокими, ни низкими, ни тёмными, ни светлыми, ни длинноносими, ни курносими» и т. д.?

– Я не знаю... возможно... он определённо ничем особенным не выделялся, чтобы его можно было запомнить.

– Совершенно верно, – взволнованно наклонился вперёд Старик, как никогда напоминая чёртика из табакерки. – Совершенно верно; но вы журналистка – по крайней мере, считаете себя ею; и это ваше дело – замечать и описывать людей. Я имею в виду не выдающегося персонажа с ясными саксонскими чертами лица, прекрасными голубыми глазами, благородным лбом и классическим лицом, но обычного человека. Возьмите сотню людей – и среди них такими обычными будут не меньше девяноста. Обычный человек – заурядный англичанин, скажем, из среднего класса, не очень высокий и не очень низкий, с усами, которые не являются ни светлыми, ни тёмными, но закрывающими рот, и в цилиндре, скрывающем форму головы и лба; человек, который одевается, как сотни его собратьев, движется, как они, говорит, как они, и не имеет никаких особенностей.

Попытайтесь описать *его*, узнать его, скажем, через неделю, среди остальных восьмидесяти девяти двойников; или, что ещё хуже, опознать его под присягой, если он окажется замешанным в каком-либо преступлении, и *ваше* признание способно затянуть ему петлю на шею.

Я предлагаю вам попробовать – и, потерпев полную неудачу, вы легче поймёте, почему один из величайших негодяев до сих пор остаётся на свободе, и почему тайна подземной железной дороги так и не была раскрыта.

По-моему, это был единственный раз в моей жизни, когда у меня возникло серьёзное искушение поделиться с полицией собственными взглядами на трагедию. Видите ли, хотя я восхищаюсь этим зверем за его сообразительность, но не считаю, что его безнаказанность может принести кому-либо пользу.

В наши дни подземных дорог и всевозможной автомобильной тяги, старомодный «лучший, дешёвый и самый быстрый маршрут в Сити и Вест-Энд» часто бывает безлюдным, а старые добрые вагоны столичного метро нельзя назвать переполненными. В любом случае, когда тот самый поезд прибыл в Олдгейт около 16:00 18 марта прошлого года, вагоны первого класса были почти пусты.

Кондуктор шёл по платформе, осматривая все вагоны, чтобы узнать, не оставил ли ему кто-нибудь полупенсовую вечернюю газету. Открыв дверь одного из купе первого класса³⁹[39], он заметил женщину, которая сидела в дальнем углу, повернув голову к окну и, очевидно, не обращала внимания на то, что Олдгейт на этой линии – конечная станция.

«Куда вы едете, леди? – спросил он.

Дама не двинулась с места, и кондуктор вошёл в купе, подумав, что, возможно, она заснула. Он прикоснулся к её руке и посмотрел ей в лицо. Цитирую его собственную высокопарную фразу: он «был полностью ошеломлён». Остекленевшие глаза, пепельно-серый цвет щёк, неподвижность головы безошибочно свидетельствовали о смерти.

Кондуктор, торопливо, но тщательно заперев дверь вагона, вызвал двух носильщиков и отправил одного из них в полицейский участок, а другого – на поиски начальника станции.

К счастью, в это время дня на платформе не очень много людей, а весь транспорт во второй половине дня устремляется в западном направлении. И лишь когда инспектор и два полицейских

³⁹ Вагоны тех времён имели отдельный вход с перрона в каждое купе.

констебля в сопровождении детектива в штатском и судебного медика появились на платформе и окружили вагон первого класса, несколько зевак сообразили, что произошло что-то необычное, и столпились вокруг, трепеща от нетерпения и любопытства.

Таким образом, в последних выпусках вечерних газет уже содержался отчёт о чрезвычайном происшествии под сенсационным заголовком «Таинственное самоубийство в метро». Медик очень скоро пришёл к выводу, что кондуктор не ошибся, и жизнь полностью покинула тело.

Дама была молода и, вероятно, при жизни отличалась красотой до того, как страх и ужас исказили её черты. Одежда её отличалась исключительной элегантностью, и самые легкомысленные газеты представили своим читательницам подробный отчёт о наряде, туфлях, шляпе и перчатках злополучной дамы.

Одна из перчаток на правой руке была частично порвана, обнажив большой палец и запястье. Полиция проверила сумочку, которую бедняжка сжимала в руке, полагая, что таким образом сможет опознать покойницу, но внутри обнаружили лишь немного серебряной мелочи, нюхательные соли и маленькую пустую бутылку, которую передали медику для анализа.

Именно присутствие этой маленькой бутылочки способствовало распространению слухов о том, что таинственный случай в метрополитене – это самоубийство. Как внешний вид женщины, так и обстановка вагона подтверждали отсутствие малейшего признака борьбы или попытки сопротивления. Только выражение глаз бедной женщины говорило о внезапных ужасе и осознании неожиданной и насильственной смерти, которые, вероятно, длились лишь бесконечно малую долю секунды, но оставили неизгладимый след на лице, в остальном таком безмятежном и таком спокойном.

Тело покойной доставили в морг. Довольно долго ни одно живое существо не могло опознать её или пролить хотя бы малейший свет на тайну, окутывавшую эту смерть.

Однако множество бездельников – как искренне заинтересованных, так и страдавших досужим любопытством – получили разрешение осмотреть тело под предлогом того, что их родственница или подруга исчезла. Около 20:30 к участку подъехал хэнсом, из которого вышел молодой человек в дорогом костюме. Он передал свою карточку суперинтенданту – это оказался мистер Хейзелдин, судебной агент, дом 11, Краун-лейн, и номер 19, Аддисон-Роу, Кенсингтон.

Молодой человек явно находился в плачевном душевном состоянии; его рука нервно сжимала копию «*Сент-Джеймс Газетт*», где содержалась роковая новость. Он почти ничего не сказал суперинтенданту – только то, что женщина, которая ему очень дорога, не вернулась домой сегодня вечером.

Он не чувствовал особого беспокойства, но полчаса назад внезапно решил почитать газету. Описание умершей дамы, хотя и расплывчатое, ужасно встревожило его. Он прыгнул в коляску и теперь просил разрешения осмотреть тело, чтобы развеять свои наихудшие опасения.

– Вы, конечно, знаете, что последовало за этим, – продолжал Старик в углу, – горе молодого человека было поистине неопишваемым. В женщине, лежавшей перед ним в общественном морге, мистер Хейзелдин опознал свою жену.

Я становлюсь мелодраматичным... – Старик в углу посмотрел на Полли с мягкой и нежной улыбкой, а нервные пальцы тщетно пытались завязать очередной узел на обрывке верёвки, которую он не выпускал из рук. – Боюсь, что вся история отдаёт дешёвой беллетристикой, но вы, несомненно, помните, и не можете не согласиться со мной, что это был невероятно трогательный и поистине драматический момент.

Злосчастного молодого мужа покойной в тот вечер особо не расспрашивали. По сути, он был не в состоянии сделать какое-либо связное заявление. На следующий день коронерское дознание выяснило некоторые факты, казалось, временно прояснившие тайну, окружавшую смерть миссис Хейзелдин, но лишь для того, чтобы затем погрузить ту же самую тайну в ещё более глубокий мрак, чем прежде.

Первым свидетелем на дознании вызвали, конечно же, самого мистера Хейзелдина. Публика явно сочувствовала молодому человеку, стоявшему перед коронером и пытавшемуся пролить свет на тайну. Он был хорошо одет, как и накануне, но выглядел ужасно больным и встревоженным, и, несомненно, тот факт, что он не побрился, придавал его лицу измученный и какой-то запущенный вид.

Они с покойной были женаты около шести лет, их супружеская жизнь протекала безоблачно. Детей у них не было. Миссис Хейзелдин обладала крепким здоровьем, но недавно перенесла лёгкую простуду, во время которой её лечил доктор Артур Джонс. Этот врач присутствовал на дознании и уверенно объяснил коронеру и присяжным, что у миссис Хейзелдин не было ни малейшей склонности к сердечным заболеваниям, которые могли иметь внезапный и роковой конец.

Коронер, конечно же, проявлял исключительное внимание к скорбящему мужу. Он пытался окольными путями выяснить то, что хотел – сведения о психическом состоянии миссис Хейзелдин за последнее время. Мистер Хейзелдин, похоже, не хотел говорить об этом. Без сомнения, он уже знал о существовании маленькой бутылочки, найденной в сумке жены.

«Иногда мне действительно казалось, – наконец неохотно признал он, – что моя жена не совсем в себе. Раньше она была очень весёлой и живой, но за последние дни я по вечерам не раз заставлял её сидевшей и как будто размышлявшей о том, чем она явно не хотела делиться со мной».

Однако коронер не унимался и, наконец, предъявил пузырьёк.

«Знаю, знаю, – ответил молодой человек, тяжело вздохнув. – Вы имеете в виду... возможное самоубийство... я ничего не могу понять... случившееся кажется таким внезапным и таким ужасным... она определённо выглядела апатичной и обеспокоенной... но только временами... и вчера утром, когда я отправлялся на работу, она снова стала сама собой, и я предложил пойти вечером в оперу. Она очень обрадовалась и сказала мне, что отправится за покупками, а во второй половине дня нанесёт несколько визитов».

«Знаете ли вы, куда она направлялась, войдя в метро?»

«Ну, я не уверен. Возможно, она собиралась выйти на Бейкер-стрит и спуститься на Бонд-стрит за покупками. Далее, она иногда ходит в магазин на церковном дворе собора Святого Павла, для чего нужно брать билет до Олдерсгейт-стрит, но... не знаю».

«Так вот, мистер Хейзелдин, – очень любезно произнёс коронер, – не могли бы вы рассказать мне, был ли в жизни миссис Хейзелдин какой-либо известный вам факт, который мог бы хоть в какой-то мере объяснить причину несчастья и состояние рассудка, замеченное вами? Существовали ли некие финансовые затруднения, которые могли бы удручать миссис Хейзелдин? Не возражали ли вы против... знакомства какого-нибудь человека с миссис Хейзелдин? Короче, – добавил коронер, как будто радуясь тому, что преодолел неприятный момент, – вы можете дать мне хоть малейшее указание, которое подтвердит подозрение, что несчастная женщина в момент душевного смятения или психического расстройства могла прервать свою жизнь?»

На несколько мгновений в зале воцарилась тишина. Каждый из присутствующих явно осознавал, что мистер Хейзелдин страдает от ужасных душевных сомнений. Он выглядел очень бледным и несчастным, дважды пытался заговорить, и, наконец, еле слышно выдавил из себя:

«Нет, никаких финансовых трудностей. У моей жены имелось собственное независимое состояние... и никаких экстравагантных вкусов...»

«И ни одного друга, против знакомства с которым вы когда-либо возражали?» – не успокаивался коронер.

«Ни одного... я никогда не возражал», – запинаясь, пробормотал несчастный молодой человек с видимым усилием.

– Я присутствовал на дознании, – продолжил Старик в углу после того, как выпил стакан молока и заказал ещё один, – и заверяю вас: даже безнадёжный тупица понял бы, что мистер Хейзелдин лжёт. И самому законченному глупцу было совершенно очевидно, что несчастная женщина впала в состояние болезненного уныния не случайно и что, возможно, существовал третий, который мог бы пролить больше света на эту странную и внезапную смерть, нежели несчастный, обездоленный молодой вдовец.

Очень скоро стало очевидно, что смерть была более загадочной, чем казалась на первый взгляд. Вы, несомненно, в своё время читали об этом и должны помнить о том волнении среди публики, которое вызвали показания двух врачей. Артур Джонс, семейный врач покойной, наблюдавший её не только во время последней легчайшей болезни, но и после этого, самым решительным образом заявил, что миссис Хейзелдин не страдала никакими органическими заболеваниями, которые могли привести к внезапной смерти. Кроме того, он помогал мистеру

Эндрю Торнтону, окружному врачу, проводить патологоанатомическое исследование, и вместе они пришли к выводу, что смерть наступила в результате действия синильной кислоты, которая привела к мгновенному отказу сердца, но каким образом это лекарство было введено, ни он, ни его коллега не могли сообщить.

«Как я понимаю, доктор Джонс, покойная умерла от отравления синильной кислотой?»

«Таково моё мнение», – ответил доктор.

«Бутылка, найденная в её сумке, содержала синильную кислоту?»

«Когда-то – наверняка».

«Значит, по вашему мнению, дама совершила самоубийство, приняв дозу этого яда?»

«Прошу прощения, я никогда не высказывал ничего подобного; женщина умерла от отравления, но мы не можем сказать, как это лекарство было введено. Скорее всего, путём какого-либо укола. В желудке не было никаких следов яда, кислота не была проглочена».

«Да, – добавил доктор в ответ на другой вопрос коронера, – вероятно, смерть последовала почти сразу за инъекцией, скажем, в течение пары минут, а может быть, трёх. Вполне возможно, что имела место мгновенная судорога, но, может быть, и нет; смерть в таких случаях наступает абсолютно внезапно и сокрушительно».

Не думаю, что в то время кто-либо из присутствовавших осознал, насколько важным было заявление врача – которое, кстати, во всех деталях подтвердил окружной врач, проводивший вскрытие. Миссис Хейзелдин внезапно умерла от укола синильной кислоты, и никто не знал, как и когда совершили эту инъекцию. Она ехала в вагоне первого класса в то время, когда в вагоне множество пассажиров. Молодая и элегантная женщина должна обладать необычайными храбростью и хладнокровием, чтобы ввести себе смертельный яд в присутствии нескольких соседей по купе.

Впрочем, я ошибся, заявив, что тогда никто не осознал важность заявления врача; существовало три человека, мгновенно оценившие серьёзность положения и поразительное развитие, которое дело начало принимать.

– Конечно, обо мне и речи не шло, – добавил странный Старик с присущим ему неподражаемым самомнением. – Я тут же догадался, где именно полиция ошиблась, и по какому ошибочному пути она будет двигаться дальше, пока таинственная смерть в метро не канет в забвение вместе с другими случаями, когда полицейские оказались в тупике.

Итак, существовало три человека, понимавших серьёзность заявлений врачей – во-первых, детектив, первоначально обследовавший железнодорожный вагон, молодой человек, кипящий энергией и полный ошибочных суждений. Другим был мистер Хейзелдин.

В этот момент в судебном процессе произошёл интересный поворот: на свидетельскую трибуну вышла Эмма Фаннел, горничная миссис Хейзелдин. Насколько тогда было известно, она стала последней из тех, кто видел несчастную женщину живой и говорил с ней.

«Миссис Хейзелдин завтракала дома, – объяснила Эмма, из-за застенчивости отвечая почти шёпотом, – она выглядела здоровой и весёлой. Она вышла около половины четвёртого и сказала мне, что идёт к Спенсу, на церковный двор собора Святого Павла, чтобы примерить новое, сшитое на заказ платье. Миссис Хейзелдин собиралась пойти туда утром, но ей помешал визит мистера Эррингтона».

«Мистера Эррингтона? – небрежно спросил коронер. – Кто такой мистер Эррингтон?»

Эмма затруднилась с ответом. Мистер Эррингтон... это мистер Эррингтон, вот и всё.

«Мистер Эррингтон – друг семьи. У него квартира в апартаментах Альберт Мэншенс. Он очень часто приезжал на Аддисон-Роу и обычно задерживался допоздна».

Под градом вопросов Эмма, наконец, заявила, что недавно миссис Хейзелдин несколько раз ходила в театр с мистером Эррингтоном, и что в те дни хозяин выглядел очень мрачным и весьма сердитым.

Повторно вызванный, молодой вдовец вёл себя на удивление сдержанно. Он отвечал крайне неохотно, и коронер, очевидно, был чрезвычайно доволен собой, когда после четверти часа твёрдых, но дружелюбных вопросов получил от свидетеля те сведения, какие хотел.

Мистер Эррингтон был другом его жены. Он был состоятельным джентльменом и свободно распоряжался своим временем. Самого мистера Хейзелдина не особо волновало существование мистера Эррингтона, и он определённо никогда не делал никаких замечаний жене по его поводу.

«Но кто такой мистер Эррингтон? – повторил коронер ещё раз. – Чем он занимается? У него какое-то дело? Что у него за профессия?»

«У него нет ни дела, профессии».

«Чем же тогда он занимается?»

«Особо ничем. У него достаточно личных средств. Но он много времени посвящает своему увлечению».

«Какому увлечению?»

«Он постоянно занят химическими опытами, и с точки зрения любителя я считаю его выдающимся токсикологом».

ГЛАВА XI

МИСТЕР ЭРРИНГТОН

– Вы когда-нибудь видели мистера Эррингтона, джентльмена, так тесно связанного с загадочной смертью в метро? – спросил Старик в углу, выкладывая пару небольших любительских снимков на стол перед мисс Полли Бёртон. – Вот он, такой, как и в жизни. Довольно симпатичное, достаточно приятное лицо, но обычное, абсолютно обычное. Именно это отсутствие каких-либо особенностей почти, но не совсем, надело петлю на шею мистера Эррингтона. Но я забегаю вперёд, и вы потеряете нить.

Публика, конечно, так никогда и не узнала, как могло случиться, что мистер Эррингтон, богатый холостяк из Альберт Мэншенс, член Гросвенора и других клубов молодых щёголей, в один прекрасный день предстал перед судьями на Боу-стрит по обвинению в причастности к смерти Мэри Беатрис Хейзелдин, проживавшей в № 19 по Аддисон-Роу.

Могу заверить вас, что и пресса, и общественность пребывали в полной растерянности. Видите ли, мистер Эррингтон являлся известным и очень популярным членом определённой части лондонского общества. Он был постоянным гостем в опере, на ипподроме, в Королевском парке и Карлтон-отеле, имел множество друзей, и поэтому тем утром в полицейском суде⁴⁰[40] толпилось полно людей.

Выяснилось следующее:

После того, как в ходе дознания были обнаружены весьма разрозненные улики, двое джентльменов подумали, что, возможно, им надлежит исполнить некий долг перед государством и общественностью в целом. Соответственно, они заявили о себе, предлагая пролить свет на таинственное преступление, совершённое на подземной дороге.

Полиция, естественно, осознавала, что эти сведения поступили довольно поздно. Но поскольку они оказались чрезвычайно важными, а упомянутые джентльмены, помимо всего, занимали достойное положение в обществе, полиция изъявила благодарность и приступила к соответствующим действиям; короче, мистера Эррингтона привлекли к суду по обвинению в убийстве.

Обвиняемый выглядел бледным и встревоженным, когда в тот день я впервые увидел его в суде, и это не удивительно, учитывая ужасное положение, в котором он оказался.

Он был арестован в Марселе, откуда намеревался отплыть в Коломбо.

Мне кажется, что он не осознавал, насколько ужасно его положение, до тех пор, пока не заслушали все доказательства, касающиеся ареста, и Эмма Фаннел повторила своё заявление относительно утреннего визита мистера Эррингтона по адресу Аддисон-Роу, 19, а также поездки миссис Хейзелдин на церковный двор Святого Павла в 3:30 пополудни.

Мистеру Хейзелдину нечего было добавить к показаниям, сделанным им на коронерском следствии. В последний раз он видел свою жену живой утром рокового дня. Она казалась абсолютно здоровой и весёлой.

Думаю, все присутствующие понимали, что он пытался сказать как можно меньше, чтобы не связывать имя своей покойной жены с именем обвиняемого.

Однако из показаний служанки несомненно выходило, что миссис Хейзелдин – молодая, красивая и, очевидно, восторженная – неоднократно раздражала мужа своим несколько неприкрытым, но совершенно невинным флиртом с мистером Эррингтоном.

Публику приятно поразило умеренное и достойное поведение вдовца. Вот его фотография. Именно так он и появился в суде. В тёмно-чёрном одеянии, конечно, но без малейших признаков демонстративности траура. В последнее время он снова отпустил бороду и придал ей остроконечную форму.

⁴⁰ Полицейский (магистратский) суд – это суд первой инстанции по уголовным делам. Дела по более тяжким преступлениям после предварительного слушания в магистратских судах передаются в Суд Короны.

После его показаний настало время для сенсации дня. Высокий темноволосый человек, вокруг которого, казалось, витают буквы, складывающиеся в слово «Сити», поцеловал Библию и приготовился говорить правду и ничего, кроме правды⁴¹.

Он назвал своё имя – Эндрю Кэмпбелл, глава брокерской фирмы «Кэмпбелл и компания» на Трогмортон-стрит.

Днём 18 марта мистер Кэмпбелл, путешествуя в метро, заметил в вагоне очень красивую женщину. Она спросила его, следует ли этот поезд до Олдерсгейта. Мистер Кэмпбелл ответил утвердительно, а затем погрузился в биржевые котировки вечерней газеты.

На Гауэр-стрит джентльмен в твидовом костюме и котелке вошёл в вагон и сел напротив женщины. Казалось, её потрясло его появление, но мистер Эндрю Кэмпбелл не помнил, что именно она сказала.

Мужчина и женщина оживлённо беседовали; дама, вне всякого сомнения, выглядела радостной и весёлой. Свидетель не обращал на них внимания, поскольку был поглощён расчётами, а затем вышел на Фаррингдон-стрит. Он заметил, что мужчина в твидовом костюме вышел вслед за ним, пожав руку даме, и ласково произнес: «*Au revoir!*»⁴² Не опаздывай сегодня». Мистер Кэмпбелл не услышал ответа дамы и вскоре потерял мужчину из виду в окружавшей толпе.

Все сидели как на иголках и с нетерпением ждали того волнующего момента, когда свидетель опишет и опознает мужчину, который в последний раз видел и разговаривал с несчастной женщиной в течение пяти минут незадолго до её странной и необъяснимой смерти.

Лично я знал, что произойдёт, ещё до того, как шотландский биржевой маклер открыл рот.

Я мог бы заранее предвидеть описание, которое он дал бы вероятному убийце. Описание, одинаково хорошо подошедшее бы человеку, только что сидевшему и завтракавшему за этим столом; описание внешности чуть ли не половины известных вам молодых англичан.

Человек среднего роста, с усами – не слишком светлыми, не слишком тёмными; волосы непонятного цвета. На нём был котелок и твидовый костюм – и – и всё. Мистер Кэмпбелл, возможно, мог бы узнать его снова, а мог бы и не узнать – он не обращал особого внимания; джентльмен сидел с той же стороны вагона, что и он сам, и не снимал шляпу. Сам мистер Кэмпбелл был поглощён газетой; да, возможно, он сумел бы узнать его снова, но поклясться не мог.

Свидетельства мистера Эндрю Кэмпбелла не имеют большого значения, скажете вы. Согласен, сами по себе они не оправдали бы ареста, если бы не последовавшие за ними показания мистера Джеймса Вернера, менеджера компании «Господа Родни и компания», цветная печать.

Мистер Вернер, друг мистера Эндрю Кэмпбелла, дожидаясь поезда на Фаррингдон-стрит, увидел, как мистер Кэмпбелл выходит из вагона первого класса. Мистер Вернер перемолвился с ним парой слов, а затем вошёл в то же купе, которое только что освободили биржевой маклер и мужчина в твидовом костюме. Он смутно вспоминает даму, сидевшую в противоположном углу от него. Её лицо было отвёрнуто от него, как будто она спала, но он не обращал на неё особого внимания. Как почти все путешествующие деловые люди, он углубился в газету. Вскоре его заинтересовала некая заметка; он хотел кое-что записать, вынул карандаш из кармана жилета и, увидев чистый кусок картона на полу, поднял его и нацарапал на нём памятку, которую хотел сохранить. Затем засунул карточку в бумажник.

«Только два или три дня спустя, – добавил мистер Вернер в мёртвой тишине, царившей в зале, – у меня появилась возможность вернуться к моим записям. К тому времени газеты переполняли сообщения о загадочной смерти в метро, и имена тех, кто был связан с происшествием, были у меня на слуху. Поэтому я, посмотрев на кусок картона, который случайно подобрал в вагоне, с удивлением обнаружил, что это – визитная карточка с именем Фрэнка Эррингтона».

Что ж, сенсация в суде стала почти беспрецедентной. Ни разу со времён загадки Фенчёрч-стрит и суда над Сметхёрстом я не видел такого волнения. Имейте в виду, сам я оставался спокойным – теперь я знал каждую подробность этого преступления, как будто бы сам его

⁴¹ Традиционный текст судебной присяги.

⁴² *Au revoir!* – До свидания! (фр.)

совершил. Честно говоря, я не смог бы совершить его лучше, хотя уже много лет изучаю преступный мир. Многие – в основном его друзья – считали, что Эррингтон обречён. И он, очевидно, тоже так считал, потому что я видел, что его лицо покрывала смертельная бледность, и время от времени он проводил языком по губам, как будто те пересохли.

Вы видите, что перед ним стояла ужасная дилемма – совершенно естественная, кстати – не иметь ни малейшей возможности *доказать своё либи*. Преступление – если это было преступление – произошло три недели назад. Прожигатель жизни, подобный мистеру Фрэнку Эррингтону, мог вспомнить, что в определённый день он провёл определённые часы в своём клубе или в парке, но в девяти случаях из десяти крайне сомнительно, что найдётся друг, который смог бы поклясться, что видел его там. Нет! Нет! Мистер Эррингтон был загнан в угол, и осознавал это. Видите ли, помимо улики, имелось два или три обстоятельства, которые не улучшили его положение. Токсикология как хобби, для начала. Полиция обнаружила в его комнате всяческие описания ядовитых веществ, в том числе синильной кислоты.

С другой стороны, это путешествие в Коломбо через Марсель было, хотя и совершенно невинным, но очень неудачным. Мистер Эррингтон отправился шататься по свету, но публика думала, что он сбежал, напуганный своим злодеянием. Сэр Артур Инглвуд, однако, в очередной раз продемонстрировал изумительное мастерство в интересах клиента, мастерски вывернув наизнанку всех свидетелей Короны⁴³.

Для начала вынудив мистера Эндрю Кэмпбелла признать, что он не может поклясться в тождестве обвиняемого и человека в твидовом костюме, выдающийся адвокат после двадцати минут перекрёстного допроса настолько лишил биржевого маклера невозмутимости, что, вероятно, тот бы и собственного служащего не узнал.

Но, несмотря на путаницу и досаду, мистер Эндрю Кэмпбелл до конца твёрдо стоял на том, что дама, оживлённая и весёлая, с удовольствием разговаривала с мужчиной в твидовом костюме до того момента, когда последний, пожав ей руку, ласково бросил: «*Au revoir!* Не опаздывай сегодня вечером». Он не слышал ни крика, ни звуков борьбы. По его мнению, если человек в твидовом костюме ввёл дозу яда своей спутнице, то исключительно с её собственного ведома и по её свободному желанию. Дама же абсолютно не напоминала женщину, приготовившуюся к внезапной и насильственной смерти.

Мистер Джеймс Вернер, с другой стороны, столь же решительно уверял, что стоял прямо перед дверью купе с того момента, как вышел мистер Кэмпбелл, а после того, как он сам вошёл в купе, к ним никто не присоединился от Фаррингдон-стрит до Олдгейта, и дама, насколько он помнил, не двигалась с места на протяжении всего путешествия.

– Нет, Фрэнк Эррингтона *не* приговорили к смертной казни, – произнёс Старик в углу с сардонической улыбкой, – благодаря смекалке сэра Артура Инглвуда, его адвоката. Обвиняемый категорически отрицал свою тождественность с человеком в твидовом костюме и клялся, что не видел миссис Хейзелдин с одиннадцати часов утра того рокового дня. *Доказательств* его утверждений не имелось; более того, по мнению мистера Кэмпбелла, мужчина в твидовом костюме по всей вероятности, не убийца. Здравый смысл не допускал предположения, что женщине могли без её ведома ввести смертельный яд, пока она мило болтала со своим убийцей.

Мистер Эррингтон сейчас живёт за границей. Он собирается жениться. Не думаю, что кто-либо из его настоящих друзей хоть на мгновение поверил, что он совершил подлое преступление. Полиция думает, что знает лучше. Они действительно много знают – например, что это не самоубийство, и если бы человек, который, несомненно, ехал в метро вместе с миссис Хейзелдин в тот роковой день, не имел преступления на своей совести, он давно бы нарушил обет молчания и пролил свет на эту тайну.

Что касается того, кем был тот человек, то полиция не желает испытывать ни малейшего сомнения, оставаясь слепой. В непоколебимой уверенности в том, что Эррингтон виноват, они провели несколько месяцев в неустанных трудах, пытаясь найти новые и более убедительные доказательства его вины. Но ничего не выйдет, потому что их не существует. Нет никаких убедительных улик против настоящего убийцы, потому что он – один из тех умнейших негодяев,

⁴³ Свидетели Короны – свидетели обвинения. Адвокат Короны – обвинитель (см. примечание 66).

которые думают обо всём, предвидят все возможности, великолепно знают человеческую природу, понимают, что против них могут быть представлены доказательства, и действуют соответственно.

Наш мерзавец с самого начала прятался в тени Фрэнка Эррингтона. Фрэнк Эррингтон был той пылью, которую злодей, выражаясь метафорически, бросил в глаза полиции, и вы должны признать, что ему удалось ослепить их. Ослепить в такой степени, чтобы заставить их полностью забыть одно простое маленькое предложение, подслушанное мистером Эндрю Кэмпбеллом, которое, конечно же, было ключом ко всему – единственную оплошность, допущенную хитрым мошенником: «*Au revoir!* Не опаздывай сегодня вечером». Миссис Хейзелдин в тот вечер шла в оперу со своим мужем...

– Вы удивлены? – добавил он, пожав плечами. – Вы ещё не видите трагедии, которая, как живая, развернулась перед моими глазами? Легкомысленная молодая жена, флирт с другом? – всё мишура, всё притворство. Я взял на себя труд, которым полагалось немедленно заняться полиции – разузнать кое-что о финансах дома Хейзелдинов. Деньги являются причиной преступления в девяти случаях из десяти.

Я обнаружил, что завещание Мэри Беатрис Хейзелдин предъявлено мужем, её единственным душеприказчиком, и наследство представляло собой сумму в 15 000 фунтов стерлингов. Более того, я узнал, что мистер Эдвард Шолто Хейзелдин был бедным клерком какого-то поставщика, когда женился на дочери богатого строителя из Кенсингтона – а потом обратил внимание на тот факт, что безутешный вдовец позволил своей бороде отрасти после смерти жены.

– Нет никаких сомнений в том, что он был умным негодяем, – добавило странное существо, взволнованно склонившись над столом и вглядываясь в лицо Полли. – Вы знаете, как смертельный яд был введён в организм бедной женщины? Самым простым из всех способов, известным каждому преступнику в Южной Европе. Кольцом – да! кольцом с крошечной поллой иглой, способной выделить количество синильной кислоты, достаточное для того, чтобы убить двух человек вместо одного. Мужчина в твидовом костюме пожал руку своей очаровательной спутнице – вероятно, она и укола-то не почувствовала; в любом случае у неё не было причин для вскрика. Напоминаю, что преступник имел неограниченные возможности – благодаря своей дружбе с мистером Эррингтоном – добыть тот яд, который ему требовался, не говоря уже о визитной карточке своего друга. Мы не можем определить, сколько месяцев назад он начал копировать Фрэнка Эррингтона стилем одежды, фасоном усов, общим внешним видом – и изменения были настолько постепенны, что никто из *окружения* Эррингтона не заметил этого. Он выбрал в качестве козла отпущения человека своего роста и телосложения, с такими же волосами.

– Но оставался ужасный риск, что его опознает попутчик в метро, – возразила Полли.

– Да, этот риск, безусловно, был; Хейзелдин решил пойти на него, и поступил мудро. Он рассчитывал, что пройдёт несколько дней, прежде чем попутчик, который, кстати, был бизнесменом, поглощённым своей газетой, увидит его снова. Величайший секрет успешного преступления – изучение человеческой природы, – добавил Старик в углу, приступив к поискам шляпы и пальто. – Эдвард Хейзелдин хорошо это знал.

– Но кольцо?

– Возможно, купил его во время медового месяца, – предположил Старик с мрачным смешком. – Трагедия не планировалась за неделю; возможно, потребовались годы, чтобы план полностью вызрел. Но признайте, что редкостный подлец избежал виселицы. Я оставлю вам его снимки, сделанные год назад и сейчас. Вы увидите, что он снова сбрил бороду и усы. Кажется, теперь он дружит с мистером Эндрю Кэмпбеллом.

И оставил мисс Полли Бёртон в недоумении, не знающей, чему верить.

Вот почему она пропустила встречу с мистером Ричардом Фробишером (из «*Лондон Мэйл*») и не увидела, как Мод Аллан танцует в театре «Палас».

ГЛАВА XII

ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЛИВЕРПУЛЕ

– Титул – я имею в виду иностранный титул – всегда очень полезен для мошенничества и надувательства, – заметил как-то раз Старик в углу, обращаясь к Полли. – Самые хитроумные ограбления современности за последнее время совершены в Вене человеком, называвшим себя лордом Сеймуром, в то время как здесь тот же сорт воров называет себя графом Каким-то, оканчивающимся на «о», или принцем Сяким-то, чья фамилия заканчивается на «офф»⁴⁴.

– К счастью для наших хозяев гостиниц и меблированных комнат, – ответила мисс Бёртон, – они стали внимательнее относиться к поведению иностранных аферистов, и рассматривают всех титулованных дворян, говорящих на ломаном английском, как возможных мошенников или воров.

– И результат иногда бывает чрезвычайно неприятен для настоящих *grands seigneurs*⁴⁵, которые порой оказывают честь этой стране своими визитами, – подхватил Старик в углу. – Итак, возьмём случай князя Семионича⁴⁶, человека, шестнадцать квартирингов⁴⁷ которого надлежащим образом зарегистрированы в Готском альманахе⁴⁸. Он взял с собой достаточно багажа, чтобы оплатить каждый номер в отеле в течение как минимум недели. У него украли золотой портсигар, украшенный бриллиантами и бирюзой, и никто не предпринял ни малейших усилий, чтобы попытаться вернуть его. А управляющий отеля «Ливерпуль Северо-западный», несомненно, заподозрил этого человека с того момента, как его секретарь – щеголеватый, несколько вульгарный маленький француз – заказал от имени своего работодателя, сопровождаемого секретарём и камердинером, лучший номер в отеле.

Очевидно, эти подозрения были необоснованными, поскольку коротышка-секретарь немедленно по прибытии князя Семионича передал управляющему стопку банкнот, ценных бумаг и облигаций, чья стоимость в десять раз превышала самый возмутительный счёт, какой только могли выставить знатному посетителю. Более того, месье Альбер Ламбер объяснил, что князь намерен остаться в Ливерпуле всего на несколько дней перед поездкой в Чикаго, где собирается навестить свою сестру, княжну Анну Семионич, жену мистера Гирвана, великого медного короля и мультимиллионера.

Однако, как я уже упоминал, несмотря на все эти несомненные гарантии, подозрения в отношении богатого русского князя не исчезали из мыслей большинства ливерпульцев, вступавших с ним в деловые контакты. Прожив в отеле два дня, он послал секретаря к Уинслоу и Вассалу, ювелирам на Болд-стрит, с просьбой прислать представителя в отель с подходящими украшениями, в основном с бриллиантами и жемчугом, поскольку желал сделать подарок сестре в Чикаго.

Мистер Уинслоу ответил на слова месье Альбера вежливым поклоном. Затем удалился в свой внутренний кабинет и посоветовался со своим партнёром, мистером Вассалом, о том, как лучше

⁴⁴ Фамилия, заканчивающаяся на «о» – итальянская, а вот на «офф» – вернее, на «ов»... Ну, вы уже и сами догадались. Увы, Эмме Орци, как и многим другим зарубежным авторам, не удалось избежать развесистой клюквы в отношении российских реалий и имён.

⁴⁵ *Grands seigneurs* – высокородная знать (*фр.*).

⁴⁶ Классическая русская фамилия, правда? Впрочем, «Семёныч» выглядело бы ещё хуже. Частая ошибка: отчество считают фамилией.

⁴⁷ Квартиринг (дословно – четвертование, но я использовал английский термин из-за аналогии русского с видом казни) – метод соединения нескольких разных гербов вместе в одном геральдическом щите путём разделения щита на равные части и размещения разных гербов в каждом делении. Таким образом, шестнадцать квартирингов свидетельствуют о незаурядных знатности и родственных связях с высшими дворянскими семьями.

⁴⁸ Готский альманах – самый авторитетный справочник по генеалогии европейской аристократии, ежегодно издававшийся на немецком и французском языках в 1763-1944 годах в городе Гота.

поступить. Оба джентльмена стремились поправить дела, которые в последнее время оставляли желать лучшего, и ни один из ювелиров не хотел отказать возможному покупателю или обидеть управляющего отелем мистера Петтитта, рекомендовавшего их князю. Но иностранный титул и вульгарный малорослый секретарь-француз вызвали несварение желудка у двух напыщенных и добропорядочных ливерпульских ювелиров. Поэтому они договорились, во-первых, что не может быть и речи о кредите, и, во-вторых, если им предъявят чек или даже банковский вексель, то драгоценности не будут переданы покупателю, пока этот чек или вексель не обналичат.

Следующий вопрос: кто должен отнести драгоценности в отель? Старшие партнёры не могли выполнить подобные поручения – это полностью противоречило деловому этикету; кроме того, считалось, что клерку будет легче объяснить, не оскорбляя клиента, что он не имеет права взять на себя ответственность передать драгоценности за чек или вексель, предварительно не обналичив их.

Затем подумали о вероятной необходимости вести беседу на иностранном языке. Главный помощник Чарльз Нидхэм, работавший у Уинслоу и Вассала более двенадцати лет, в истинно британской манере не знал ни одного языка, кроме своего собственного; поэтому с деликатным поручением было решено отправить мистера Шварца, молодого немецкого служащего, недавно принятого на работу.

Мистер Шварц был племянником и крестником мистера Уинслоу – сестра этого джентльмена вышла замуж за главу специализирующейся на серебре знаменитой немецкой ювелирной фирмы «Шварц и компания», имеющей филиалы в Гамбурге и Берлине.

Молодой человек вскоре сумел заслужить искреннюю любовь своего дяди, наследником которого, вероятно, и станет, поскольку у мистера Уинслоу нет детей.

Сначала мистер Вассал возражал против того, чтобы отправить мистера Шварца с таким количеством ценностей одного, да ещё в город, который тот ещё не успел тщательно изучить, но в конце концов позволил своему старшему партнёру уговорить себя. После того, как отобрали прекрасные ожерелья, кулоны, браслеты и кольца на сумму более 16 000 фунтов стерлингов, приняли решение, что мистер Шварц отправится в «Северо-западный» на такси на следующий день около трёх часов дня. Так он и поступил.

Работа в магазине продолжалась, как обычно, под руководством старшего помощника примерно до семи часов, когда мистер Уинслоу вернулся из своего клуба, где он обычно в течение часа ежедневно просматривал газеты, и сразу же справился о племяннике. К его удивлению, мистер Нидхэм сообщил, что мистер Шварц ещё не вернулся. Это показалось немного странным, и мистер Уинслоу, слегка встревожившись, поспешил к своему кабинету, чтобы посоветоваться с младшим партнёром. Мистер Вассал предложил зайти в отель и расспросить мистера Петтитта.

«Я и сам начал беспокоиться, – сказал он, – но не очень хотел об этом говорить. Я ждал более получаса, каждую секунду надеясь, что вы появитесь и, возможно, сообщите мне обнадеживающие новости. Я думал, что, возможно, вы встретились с мистером Шварцем и собираетесь вернуться вместе».

Мистер Вассал направился в отель и побеседовал с портье. Последний прекрасно помнил, как мистер Шварц послал свою визитку князю Семионичу.

«Когда это было?» – спросил мистер Вассал.

«Около десяти минут четвёртого, сэр; он ушёл примерно через час».

«Что?» – ахнул мистер Вассал.

«Да, сэр. Мистер Шварц уехал отсюда без четверти четыре, сэр».

«Вы совершенно уверены?»

«Совершенно. Мистер Петтитт оказался в холле, когда он уходил, и спросил его о делах. Мистер Шварц засмеялся и ответил: «Неплохо». Надеюсь, сэр, всё в порядке?» – добавил портье.

«О... э... ничего... спасибо. Могу я увидеть мистера Петтитта?»

«Конечно, сэр».

Мистер Петтитт, управляющий отеля, разделил беспокойство мистера Вассала, узнав, что молодой немец ещё не вернулся домой.

«Я говорил с ним незадолго до четырёх. Мы только что включили электрический свет, как всегда в это время зимой. Но не стоит беспокоиться, мистер Вассал; молодой человек по дороге домой мог на что-то отвлечься. Думаю, когда вы вернётесь, он уже будет вас ждать».

Несколько успокоившись, мистер Вассал поблагодарил мистера Петтитта и поспешил обратно в магазин – чтобы обнаружить, что мистер Шварц не вернулся, хотя было уже почти восемь часов.

Мистер Уинслоу выглядел настолько измождённым и расстроенным, что было бы жестоко отягощать его иными вопросами или высказывать хоть малейшее подозрение, что безвозвратное исчезновение молодого Шварца с 16 000 фунтами в драгоценностях и деньгах весьма вероятно.

Оставался один шанс, но в сложившихся обстоятельствах – крайне незначительный. Дом семьи Уинслоу находился на окраине Биркенхеда. Молодой Шварц жил в доме дяди с момента своего прибытия в Ливерпуль, и, возможно, он – то ли из-за плохого самочувствия, то ли по какой-то другой причине – поехал напрямик домой, не зайдя предварительно в магазин; это было маловероятно, так как ценные украшения никогда не хранились в жилом доме, но... могло случиться.

– Бессмысленно, – продолжал Старик в углу, – и абсолютно неинтересно, если бы я продолжал повествование о волнении господ Уинслоу и Вассала по поводу пропавшего молодого человека. Достаточно сказать: дома мистер Уинслоу обнаружил, что его крестник не вернулся и не отправлял никаких телеграфных сообщений.

Не желая напрасно тревожить жену, мистер Уинслоу торопливо проглотил ужин, но сразу после этого поспешил обратно в «Северо-Западный» и попросил о встрече с князем Семионичем. Но князь отправился в театр вместе с секретарём и, судя по всему, не намеревался появляться дома до полуночи.

Итак, мистер Уинслоу не знал, о чём думать и чего бояться. Несмотря на ужас при мысли предать огласке исчезновение своего племянника, он всё же счёл своим долгом обратиться в полицейский участок и осведомиться у инспектора. Удивительно, как быстро подобные новости распространяются в таком большом городе, как Ливерпуль. На следующий день все утренние газеты кричали о последней сенсации: «Таинственное исчезновение известного ювелира».

Мистер Уинслоу обнаружил экземпляр газеты, содержащей сенсационное объявление, на столе за завтраком. Газета лежала рядом с письмом, написанным почерком племянника, адресованным дяде и отправленным в Ливерпуле.

Мистер Уинслоу передал это письмо в руки полиции. Таким образом, его содержание быстро стало общественным достоянием. Поразительные заявления, сделанные в письме мистером Шварцем, всколыхнули чуть не до дна тихий, деловой Ливерпуль.

Молодой человек действительно посетил князя Семионича в четверть четвёртого в среду, 10 декабря, с сумкой, полной драгоценностей на сумму около 16 000 фунтов. Князь выказал надлежащее восхищение и, наконец, выбрал ожерелье, кулон и браслет. Мистер Шварц оценил отобранное, согласно полученным инструкциям, в 10 500 фунтов. Князь Семионич вёл свои дела исключительно быстро и без лишних слов.

«Вы, конечно, потребуете немедленную оплату, – сказал он на безупречном английском, – и я знаю, что вы, бизнесмены, предпочитаете наличные деньги чекам, особенно при работе с иностранцами. Я всегда запасаясь большим количеством банкнот Банка Англии. Но, – добавил он с приятной улыбкой, – 10 500 фунтов золотом, возможно, будет несколько неудобно носить с собой. Если вы будете так любезны выписать счёт, мой секретарь месье Ламбер решит с вами все деловые вопросы».

После этого он взял выбранные им драгоценности и запер их в шкатулке, а мистер Шварц краем глаза заметил чудесную серебряную филигрань на её стенках. Затем, вооружившись бумагой и чернилами, молодой ювелир выписал счёт и квитанцию, а месье Ламбер, секретарь, отсчитал ему 105 хрустящих банкнот Банка Англии по 100 фунтов стерлингов каждая. Затем, раскланявшись на прощание со своим чрезвычайно вежливым и в высшей степени удовлетворённым клиентом, мистер Шварц удалился. В холле он увидел мистера Петтитта и переговорил с ним, а затем вышел на улицу.

Едва он оставил отель и направился к Сент-Джордж Холлу⁴⁹, как джентльмен в великолепной меховой шубе быстро покинул кэб, стоявший у обочины, и, слегка коснувшись плеча мистера Шварца, властно произнёс, одновременно протягивая ему карточку:

⁴⁹ Сент-Джордж Холл (зал святого Георгия) – выставочный и концертный центр, одно из самых красивых и известных зданий Ливерпуля.

«Это моё имя. Я должен немедленно поговорить с вами».

Шварц взглянул на карточку и в свете дуговых ламп над головой прочитал на ней имя – «*Dimitri Slaviansky Burgreneff, de la IIIe Section de la Police Imperial de S.M. le Czar*»⁵⁰. Владелец с труднопроизносимым именем и громким титулом быстро указал на кэб, из которого только что вышел, и Шварц, подозрения которого в отношении высокогородного клиента мгновенно пробудились, вцепился в сумку и последовал за своим внушительным собеседником. Как только они устроились в кэбе поудобнее, Бургренев вежливо извинился на ломаном, но беглом английском:

«Я должен попросить у вас прощения, сэр, за посягательство на ваше драгоценное время, и, безусловно, не стал бы этого делать, если бы не уверенность в том, что наши интересы в определённом деле, которым я занимаюсь, практически идентичны, поскольку мы оба должны перехитрить умного негодяя».

Инстинктивно, охваченный ужасными опасениями, мистер Шварц потянулся к бумажнику, до отказа набитому банкнотами, недавно полученными от князя.

«А, я понимаю, – с улыбкой вставил учтивый русский, – он сыграл с вами обычную шутку, расплатившись так называемыми банкнотами».

«Так называемыми...» – выдохнул несчастный молодой человек.

«Я не часто ошибаюсь в оценке моих соотечественников, – продолжал мистер Бургренев. – У меня огромный опыт, не забудьте. Поэтому я сомневаюсь, что пресловутый месье... э-э... как он там называет себя? Князь Какой-то? Так вот, уверяю вас, даже не глядя на эти хрустящие бумажки, лежащие в вашем бумажнике, что ни один банк не обменяет их на золото».

Вспомнив подозрения дяди и свои собственные, мистер Шварц проклял себя за слепоту и глупость – он с лёгкостью принял банкноты, ни на секунду не представляя, что они могут оказаться фальшивыми. Теперь, когда все эти подозрения вновь пробудились, он судорожно мял банкноты нервными, тревожными пальцами, а невозмутимый русский спокойно чиркал спичкой.

«Взгляните, – указал он на одну из банкнот, – на форму этой буквы «у» в подписи главного кассира. Я не английский полицейский, но вполне в состоянии различить эту фальшивую букву «у» среди тысячи настоящих. Знаете, я видел достаточно подделок»

Конечно, бедный молодой Шварц видел не так уж много банкнот Банка Англии. И не мог сказать, чем отличается одна буква «у» в подписи мистера Боуэна⁵¹ от другой, но, хотя и не говорил по-английски так же свободно, как его напыщенный собеседник, однако понимал каждое слово ужасающего заявления последнего.

«Тогда этот князь, – пробормотал он, – в отеле...»

«Не более князь, чем вы или я, мой дорогой сэр», – спокойно заключил джентльмен из полиции Его Императорского Величества.

«А драгоценности? Драгоценности мистера Уинслоу?»

«Драгоценности могут стать шансом – о, всего лишь шансом! Эти поддельные банкноты, которые вы так доверчиво приняли, в состоянии помочь вернуть вашу собственность».

«Но как?»

«Наказание за подделку денег и распространение фальшивых банкнот очень сурово. Вам это известно. Страх перед семилетней каторгой произведёт чудесное отрезвляющее воздействие на... э-э... радостное настроение князя. Он вернёт мне драгоценности без малейших возражений, можете быть уверены. Он знает, – мрачно добавил русский офицер, – что мне с ним надо свести

⁵⁰ «*Dimitri Slaviansky Burgreneff, de la IIIe Section de la Police Imperial de S.M. le Czar*» – «Димитрий Славянский Бургренев, III отделение Имперской полиции Его Величества Царя» (*фр.*). Умолчу об имени. Но небезызвестное Третье отделение, во-первых, было политической, а не уголовной полицией. Во-вторых, в действительности оно называлось так: «Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии». Российский же царь именовался не царём, а императором (в манифестах – «Царём всея Руси»). И в-третьих, оно было упразднено в 1880 г. – за 20 с лишним лет до событий, происходящих в рассказе.

⁵¹ Гораций Джордж Боуэн (1841 – 1902 гг.) был главным кассиром Банка Англии с 1893 по 1902 год.

множество старых счетов, не говоря уже об этих фальшивых банкнотах. Наши интересы, как видите, полностью совпадают. Могу я рассчитывать на ваше сотрудничество?»

«О, я готов следовать вашим желаниям, – обрадовался молодой немец. – Мистер Уинслоу и мистер Вассал доверяли мне, а я оказался таким глупцом. Надеюсь, ещё не поздно».

«Думаю, что нет, – согласился месье Бургренев, чья рука уже держалась за дверцу кэба. – Беседуя с вами, я одновременно бросал взгляды на гостиницу, но наш друг князь ещё не появлялся. Мы, российская тайная полиция, всегда чувствуем, когда следят за нами. Не думаю, что вам стоит присутствовать на предстоящей встрече. Лучше подождите меня в кэбе. На улице жуткий туман, и никто не нарушит ваше уединение. Вы не передадите мне эти красивые банкноты? Спасибо! Не беспокойтесь. Я ненадолго».

Он поднял шляпу и засунул деньги во внутренний карман своей великолепной шубы. При этом мистер Шварц заметил роскошный мундир и широкий пояс, которым, несомненно, суждено было придать дополнительный моральный вес давлению на ловкого мошенника.

Затем офицер полиции Его Императорского Величества быстро вышел из кэба, и мистер Шварц остался один.

ГЛАВА XIII ХИТРЫЙ НЕГОДЯЙ

– Да, в полном одиночестве, – продолжил Старик в углу с саркастическим смешком. – В самом деле, настолько полном, что минуты текли одна за другой, а блистательный полицейский в великолепном мундире не возвращался. Затем, когда было слишком поздно, Шварц снова проклял себя за двойной идиотизм. Он без колебаний поверил, что князь Семионич был лжецом и мошенником, и из-за этих несправедливых подозрений стал исключительно лёгкой добычей одного из самых хитрых негодяев, с которыми когда-либо сталкивался.

Вопрос швейцару «Северо-западного» выявил тот факт, что человек, о котором говорил мистер Шварц, не входил в отель. Мистер Шварц попросил о встрече с князем Семионичем, лелея надежду, что ещё не все потеряно. Князь принял его очень любезно; он диктовал письма своему секретарю, а камердинер в соседней комнате готовил вечернюю одежду хозяина. Мистер Шварц обнаружил, что чрезвычайно трудно объяснить, чего же он на самом деле хочет.

В номере стояли несессер, в котором князь запер драгоценности, и сумка, из которой секретарь извлёк банкноты. После долгих колебаний со стороны Шварца и явного нетерпения со стороны князя молодой человек выпалил всю историю так называемого российского полицейского, карточку которого продолжал держать в руке.

Князь, похоже, отнёсся ко всему удивительно добродушно; без сомнения, он посчитал ювелира безнадёжным простофилей. Он показал ему драгоценности, расписку, а также большую пачку банкнот, подобных тем, что Шварц с такой непростительной глупостью вручил хитрому мерзавцу в кэбе.

«Я оплачиваю все свои счета банкнотами Банка Англии, мистер Шварц. Возможно, было бы разумнее, если бы вы поговорили обо мне с управляющим отеля до того, как с такой готовностью поверили всякому вздору – рассказу о моих предполагаемых жульничествах».

Затем он положил перед молодым ювелиром небольшой томик и вежливо улыбнулся:

«Если бы жители этой страны, ведущие крупные деловые операции и, следовательно, вынужденные вступать в контакт с иностранцами, предварительно изучили эти небольшие тома, прежде чем вести дела с любым иностранцем, именуящим себя титулованной особой, они бы избежали разочарования и, зачастую, существенных потерь. В данном случае, если бы вы прочитали страницу 797 этого небольшого тома Готского альманаха, то увидели бы в нём моё имя и с самого начала знали бы, что так называемый русский сыщик – лжец».

Дальнейшие разговоры были излишни, и мистер Шварц покинул отель. Бесстыдно обманутый, он не осмелился пойти домой и лишь надеялся, обратившись в полицию, что им удастся арестовать вора раньше, чем тот исчезнет из Ливерпуля. Он побеседовал с детективом-инспектором Уотсоном⁵² и мгновенно столкнулся с невероятными трудностями, из-за которых возвращение денег стало практически невозможным. У него не было ни времени, ни возможности записать номера банкнот.

Хотя мистер Уинслоу сильно разгневался на своего племянника, но не собирался выгонять его из дома. Едва получив письмо Шварца, он с помощью инспектора Уотсона проследил его до квартиры на Норт-стрит, где несчастный молодой человек намеревался скрываться до тех пор, пока не утихнет гроза, или, быть может, вора не поймут с поличным.

Само собой разумеется, что этого счастливого события не произошло, хотя полиция приложила все усилия, чтобы отследить человека, заманившего Шварца в кэб. Его внешность была такой необычной, что казалось маловероятным, будто никто в Ливерпуле не видел мошенника после выхода из кэба. Роскошная шуба, длинная борода – как не заметить такое, даже в четыре часа пополудни туманным декабрьским днём?

⁵² Интересно: совпадение фамилии сыщика с фамилией доктора Уотсона, верного спутника Холмса – случайность или умысел с намёком на ограниченную сообразительность персонажа?

Но расследование оказалось бесполезным; человек, описанный Шварцем, бесследно исчез. В газетах это дело называли «Ливерпульской тайной». По просьбе полиции Ливерпуля Скотланд-Ярд послал мистера Фэйрберна, знаменитого детектива, помочь в расследовании, но безрезультатно.

Князь Семионич со своей свитой покинул Ливерпуль. А тот, кто, пытаясь очернить князя, облегчил карманы господ Уинслоу и Вассала на сумму 10 500 фунтов, растворился в воздухе.

Старик в углу поправил воротник и галстук, которые во время повествования о захватывающей загадке поднялись вверх по длинной, как у журавля, шее и устроились под большими вислыми ушами. Костюм из клетчатого твида с ярким рисунком, похоже, немало веселил стоявших поодаль официанток – те уставились на него и хихикали. Это явно раздражало Старика. Он кротко взглянул на Полли, напоминая в этот момент лысоголового индийского аиста в праздничном оперении.

– Конечно, с самого начала стали распространяться всевозможные теории о краже. Одна из наиболее популярных – и в то же время быстрее других лопнувшая, как мыльный пузырь – состояла в том, что вором был сам молодой Шварц, выдумавший красивую историю.

Однако, как я уже сказал, эта теория долго не продержалась, поскольку господин Шварц-старший, весьма богатый торговец, не мог позволить, чтобы небрежность сына стала причиной серьёзной потери для его добрых работодателей. Как только он полностью осознал все обстоятельства экстраординарного происшествия, то тут же выписал чек на 10 500 фунтов и отправил его господам Уинслоу и Вассалу. Это было не только справедливо, но и благородно.

Мистер Уинслоу позаботился о том, чтобы весь Ливерпуль узнал об этом щедром деянии, и любые подозрения в отношении молодого мистера Шварца исчезли так же быстро, как и появились.

Затем возникла теория о князе и его свите, и полагаю, что и по сей день в Ливерпуле, а также в Лондоне, существует множество людей, заявляющих, что так называемый русский полицейский был сообщником. Несомненно, эта мысль была очень правдоподобной, и господа Уинслоу и Вассал потратили немало денег, пытаясь доказать вину русского князя.

Однако очень скоро и этой теории пришлось рухнуть. Мистер Фэйрберн, чья репутация проницательного следователя растёт прямо противоположно его способностям, пришёл к очевидным выводам и побеседовал с управляющими крупных биржевых компаний Лондона и Ливерпуля. И в результате обнаружил, что князь Семионич с момента прибытия в Англию обменял большое количество русских и французских денег на английские банкноты. В карманах джентльмена с шестнадцатью квартирами оказалось более 30 000 добропорядочных, честных фунтов. Следовательно, казалось совершенно невероятным, что явный богач рискнёт угодить в тюрьму или на каторжные работы, если не хуже, ради увеличения своего состояния на 10 000 фунтов.

Однако теория вины князя прочно укоренилась в тупых умах наших полицейских властей. У них имеются все сведения о российских предках князя Семионича; его положение, его богатство выше всяческих подозрений, и тем не менее они подозревают и продолжают подозревать то ли его, то ли его секретаря. Они известили полицию каждой европейской столицы; и, хотя всё ещё надеются получить достаточные доказательства против подозреваемых, одновременно спокойно позволяют виновному пользоваться плодами своего умного мошенничества.

– Виновному? – подняла брови Полли. – И кто, по-вашему...

– Кто знал, что у молодого Шварца были деньги? – возбуждённо выпалил Старик, извиваясь на стуле, как чёртик из коробки. – Очевидно, к краже причастен некто, знавший, что Шварц отправляется на встречу с богатым русским и, по всей вероятности, имеет в своём распоряжении изрядную сумму.

– И кто же знал, кроме князя и его секретаря? – возразила Полли. – Но только что вы сказали...

– Только что я сказал, что полиция полна решимости признать князя и его секретаря виновными; они не видят дальше собственных приплюснутых носов. Господа Уинслоу и Вассал тратили деньги на расследования, имея полную свободу действий. Мистер Уинслоу, будучи старшим партнёром, терял в результате этого ограбления более 9000 фунтов. А вот ситуация с мистером Вассалом существенно отличалась.

Когда я увидел допущенные полицией грубые ошибки, то взял на себя труд провести определённые изыскания, поскольку заинтересовался происшедшим, и поэтому узнал всё, что хотел знать. А именно: мистер Вассал был младшим партнёром в фирме, поэтому получал только

десять процентов прибыли, поскольку совсем недавно поднялся до партнёрства, а до этого был старшим помощником. Но полиция не потрудилась выяснить это.

– Неужели вы имеете в виду...

– Я имею в виду, что во всех случаях, когда ограбление затрагивает более одного человека, первое, что следует выяснить – затронута ли вторая сторона наравне с первой. Я доказал это вам, как помните, рассказывая об ограблении на Филлимор-Террас. Здесь, как и тогда, одна из сторон теряла очень мало по сравнению с другой...

– Но всё равно... – начала Полли.

– Подождите, я узнал кое-что ещё. Стоило мне убедиться, что мистер Вассал извлекает не более 500 фунтов в год из прибыли от дел, как я попытался выяснить его жизненные обстоятельства и главные пороки. И обнаружил, что он держал роскошный дом на Альберт-Террас. Нынешняя арендная плата за такие дома составляет 250 фунтов в год. Следовательно, для оплаты необходимы спекуляции, скачки или какие-то азартные игры. Но спекуляции и большинство форм азартных игр являются синонимами долга и разорения. Это только вопрос времени. Погряз ли мистер Вассал в то время в долгах или нет, не могу сказать, но точно знаю, что с тех пор, как он потерял около 1000 фунтов, он не только сохранил свой дом, не только приукрасил его, но ещё открыл счёт в банке «Ланкашир и Ливерпуль» всего через год после «тяжёлой потери».

– Но очень сложно... – не унималась Полли.

– Что? – усмехнулся Старик. – Спланировать ограбление? Ибо осуществление его стало простой детской игрой. В распоряжении Вассала было двадцать четыре часа, чтобы претворить свой план в жизнь. Что же предпринять? Во-первых, пойти к местному типографу в какую-нибудь глухую часть города и попросить его напечатать несколько визиток с громким титулом. Это, конечно, делается в вашем присутствии. А затем купить у костюмеров хорошую подержанную форму, шубу, бороду и парик.

Нет-нет, исполнение плана не составило ни малейшего труда; план выше всяческих похвал, дерзость – непревзойдённа. Шварц был иностранцем, приехавшим в Англию всего пару недель назад. Вассалу не составило ни малейшего труда ввести его в заблуждение; вероятно, Шварц не был достаточно близко знаком с младшим партнёром. Не сомневаюсь: если бы не абсурдные британские предрассудки и подозрения дяди в отношении русского князя, Шварц не поверил бы с такой готовностью в мошенничество последнего. Безусловно, было бы большим благом, если бы английские торговцы почаще изучали Готский альманах, но осуществлено умно, не так ли? Я бы и сам не справился лучше.

Последнее предложение было таким характерным. Прежде чем Полли смогла придумать какой-нибудь убедительный аргумент против высказанной теории, Старик ушёл, а она продолжала тщетно пытаться найти иное решение Ливерпульской загадки.

ГЛАВА XIV

ЭДИНБУРГСКАЯ ТАЙНА

Старику в углу ланч пришёлся не по вкусу. Мисс Полли Бёртон видела, что он явно о чём-то думает, потому что до того, как произнести первое слово, он долго возился с верёвкой, действуя девушке на нервы.

– Вы когда-нибудь испытывали подлинную симпатию к преступнику или вору? – внезапно спросил Старик.

– Кажется, только один раз, – ответила она, – и потом, я не совсем уверена, что несчастная женщина, вызвавшая у меня сочувствие, действительно была преступницей, какой вы её изобразили.

– Вы имеете в виду героиню происшествия в Йорке? – вежливо отозвался Старик. – Я знаю, что в тот раз вы изо всех сил старались дискредитировать единственно возможную версию этого таинственного убийства – версию, принадлежащую мне. Я также уверен, что в настоящий момент вы придерживаетесь того же мнения, что и полиция, в вопросе о том, кто убил и ограбил бедную леди Дональдсон на Шарлотт-сквер в Эдинбурге, однако по-прежнему готовы игнорировать мои аргументы и не верить в мою версию. Таков склад ума женщины-журналистки.

– Если у вас появилась очередная небылица, объясняющая этот невероятный случай, – отпарировала мисс Полли, – я, конечно, не поверю в неё. И, безусловно, если вы собираетесь вызвать у меня сочувствие к Эдит Кроуфорд, то заверяю вас, что вы не добьётесь успеха.

– Ну, я не стану утверждать, что именно таково моё намерение. Вижу, что вас заинтересовало это дело, но позволю предположить, что вы не помните всех обстоятельств. Поэтому прошу прощения, если повторю то, что вам и так известно. Если вы хоть раз бывали в Эдинбурге, то наверняка слышали о банке Грэма, и мистер Эндрю Грэм, нынешний глава предприятия, несомненно, является одним из самых выдающихся представителей «современных Афин»⁵³[53].

Старик в углу вытащил из бумажника несколько фотографий и положил их перед девушкой, а затем указал на них длинным костлявым пальцем:

– Вот, – сказал он, – мистер Эльфинстон Грэм, старший сын, типичный молодой шотландец, а это – Дэвид Грэм, младший сын.

Полли присмотрелась к последней фотографии и увидела перед собой молодое лицо, на котором, казалось, оставила свой отпечаток какая-то непреходящая грусть. Лицо было изящным и худым, черты его – узкими, а глаза выглядели неестественно большими и выпуклыми.

– Он был уродлив⁵⁴, – прокомментировал Старик в углу, отвечая на мысли девушки, – и поэтому стал предметом жалости и даже отвращения у большинства своих друзей. В эдинбургском обществе много сплетничали о его психическом состоянии; разум мистера Дэвида, по словам близких друзей Грэмов, был решительно расстроен. В любом случае его жизнь, по моему мнению, была очень печальной: он потерял мать в младенчестве, а отец, как ни странно, испытывал к сыну почти непреодолимую неприязнь.

Вскоре каждому стало известно о печальном положении Дэвида Грэма в родном доме, а также о большой любви, которую к нему питала его крёстная мать, леди Дональдсон, сестра мистера Грэма.

Вдова сэра Джорджа Дональдсона, знаменитого винодела, была очень богатой, но явно эксцентричной. Не так давно она потрясла всю семью – твёрдых пресвитериан – объявив о

⁵³ «Северные Афины» или «современные Афины» – прозвище Эдинбурга, столицы Шотландии. Получило широкое распространение с начала XIX века, хотя известно с 1760-х годов. Причины разнообразны: и Национальный монумент на холме Карлтон-хилл, напоминающий греческий Парфенон, и архитектурная схожесть городов, и ежегодный фестиваль театрального искусства (Афины считаются родиной театра).

⁵⁴ Старик употребляет сочетание, которое лучше было бы перевести, как «изуродован». Судя по внешности Дэвида, во время родов могли использовать акушерские щипцы, часто деформирующие череп.

намерении принять римско-католическую веру, а затем уединиться в монастыре Святого Августина, находящемся в девонширском Ньютонском аббатстве.

Она обладала единоличным и абсолютным контролем над огромным состоянием, завещанным ей любящим мужем. Безусловно, никто не воспрепятствовал бы ей подарить это состояние девонширскому монастырю, если б вдруг у неё возникло такое желание. Но, очевидно, у леди Дональдсон были другие намерения.

Я ведь говорил вам, как она любила своего уродливого крестника, помните? Будучи воплощением эксцентричности, она завела себе множество увлечений. Одной из её навязчивых мыслей стала непоколебимая решимость увидеть – до того, как отрешиться от этого мира – счастливо женатого Дэвида Грэма.

Так вот, Дэвид Грэм, безобразный, уродливый, полусумасшедший, отчаянно влюбился в мисс Эдит Кроуфорд, дочь покойного доктора Кроуфорда из Принс-Гарденс. Однако юная леди, вероятно – скорее, почти наверняка – боялась Дэвида Грэма, на которого примерно в это время напала угрюмость, но леди Дональдсон с характерной для неё твёрдостью, похоже, решила растопить сердце мисс Кроуфорд по отношению к несчастному племяннику.

2 октября прошлого года на семейной вечеринке, устроенной мистером Грэмом в собственном прекрасном особняке на Шарлотт-сквер, леди Дональдсон открыто объявила о желании передать своему племяннику Дэвиду Грэму определённое имущество, деньги и акции общей стоимостью 100 000 фунтов, а также великолепные бриллианты стоимостью 50 000 фунтов как подарок для жены упомянутого Дэвида. Кейт Мак-Финли, адвокат с Принс-стрит, получил на следующий день инструкции для составления необходимой дарственной, которую леди Дональдсон обязалась подписать в день свадьбы крестника.

Неделей позже в газете «Скотсмен» появилась следующая заметка:

Вскоре состоится бракосочетание между Дэвидом, младшим сыном Эндрю Грэма, эсквайра, Шарлотт-сквер, Эдинбург, и Донакирк, Пертшир, и Эдит Лиллиан, единственной дочерью покойного доктора Кеннета Кроуфорда из Принс-гарденс.

В эдинбургском обществе раздавались громкие и разнообразные комментарии по поводу предстоящего брака, и в целом – далеко не дружелюбные по отношению к упомянутым семьям. Шотландцы – не особенно сентиментальная раса, но такая очевидность покупки, продажи и торговли, составлявших сущность этого брака, возмущала шотландское рыцарство до глубины души.

Напротив, три человека, более всего заинтересованные в происходившем, казались совершенно удовлетворёнными. Дэвид Грэм изменился в лучшую сторону; угрюмость исчезла, он забыл о своих странных привычках и диких манерах и стал нежным и ласковым от свалившегося на него великого и неожиданного счастья. Мисс Эдит Кроуфорд заказала себе приданое и беседовала о бриллиантах с друзьями, а леди Дональдсон только и ждала завершения брака – осуществления заветного желания её сердца – прежде чем окончательно уйти из мира, примирившись с ним и с собой.

Дарственный акт был готов к подписанию в день свадьбы, назначенной на 7 ноября, и леди Дональдсон временно поселилась в доме своего брата на Шарлотт-сквер.

23 октября мистер Грэм устроил большой бал, вызвавший особый интерес, поскольку по этому случаю леди Дональдсон настояла на том, чтобы будущая жена Дэвида надела чудесные бриллианты, которым вскоре предстояло перейти в её собственность.

Они были воистину великолепны и придали величавой красоте мисс Кроуфорд совершенство. Бал имел блестящий успех, последний гость ушёл в четыре утра. На следующий день все только и говорили о бале. А 25 октября Эдинбург, развернув последние выпуски утренних газет, содрогнулся, узнав, что леди Дональдсон найдена убитой в своей комнате, а знаменитые бриллианты украдены.

Едва очаровательный маленький город оправился от этого кошмарного потрясения, как газеты приготовили для своих читателей очередную бросавшую в дрожь новость.

Все шотландские и английские газеты загадочно намекали на «поразительные сведения», полученные фискальным прокурором⁵⁵ [55], и на «предстоящий сенсационный арест».

И наконец, ошеломлённые и ужаснувшиеся жители Эдинбурга узнали, что «сенсационный арест» – не что иное, как арест мисс Эдит Кроуфорд за убийство и грабёж, настолько дерзкие и гнусные, что невозможно было поверить, будто молодая леди, рождённая и воспитанная в лучших слоях общества, могла быть виновна в столь ужасном преступлении – а тем более казнена за его совершение. Её арестовали в Лондоне в отеле «Мидланд» и доставили в Эдинбург, где допросили в суде и отказались освободить под залог.

⁵⁵ Фискальный прокурор является государственным прокурором в Шотландии, имеющим право налагать фискальные штрафы. Он расследует все внезапные и подозрительные смерти в Шотландии (аналогично коронеру в правовых системах, заимствованных из английской правовой системы), проводит расследования несчастных случаев со смертельным исходом (форма расследования, уникальная для шотландской правовой системы) и рассматривает уголовные жалобы на полицию (административные жалобы рассматриваются Комиссаром полиции по расследованиям и надзору).

ГЛАВА XV

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

– Спустя немногим более двух недель Эдит Кроуфорд должным образом предстала перед Высшим уголовным судом. На предварительном следствии она объявила себя невиновной, и её защиту поручили сэру Джеймсу Фенвику, одному из самых выдающихся адвокатов в коллегии по уголовным делам.

– Как ни странно, – продолжил Старик в углу, немного помолчав, – общественное мнение с самого начала категорически настроилось против обвиняемой. Публика вела себя по-детски, совершенно безответственно и нелогично. Она утверждала: коль скоро мисс Кроуфорд была готова вступить в брак с полусумасшедшим, уродливым существом ради 100 000 фунтов, она должна быть в равной степени готова убить и ограбить старуху ради драгоценностей стоимостью 50 000 фунтов, избавляясь от бремени столь нежелательного мужа.

Возможно, общее сочувствие, которое испытывали в обществе к Дэвиду Грэму, было во многом связано с недоброжелательным отношением к обвиняемой. Дэвид Грэм из-за жестокого и подлого убийства потерял своего лучшего – если не единственного – друга. И одновременно – большое состояние, которое леди Дональдсон намеревалась передать ему.

Дарственная так и не была подписана, и огромное богатство старушки вместо того, чтобы обогатить любимого племянника, распределили – поскольку леди Дональдсон не оставила завещания – среди её законных наследников. И в качестве кульминации этого длинного печального повествования Дэвиду Грэму пришлось наблюдать, как девушку, которую он любил, обвинили в ужасном преступлении, которое лишило самого Дэвида и друга, и состояния.

Поэтому эдинбургское общество с явным трепетом праведного удовлетворения увидело эту «корыстную девушку» в столь ужасном положении.

Я был безмерно заинтересован в этом деле и поехал в Эдинбург, чтобы хорошо разглядеть главных действующих лиц захватывающей драмы, которой предстояло там развернуться.

Мне удалось – как и почти всегда – занять место в одном из первых рядов. Не успел я удобно устроиться, как узница в тёмной траурной одежде появилась в зале суда и, сопровождаемая двумя полицейскими, заняла своё место на скамье подсудимых. Сэр Джеймс Фенвик очень тепло пожал ей руку, и я слышал, как он утешал её.

Суд длился шесть дней, в течение которых допросили более сорока человек со стороны обвинения и столько же – со стороны защиты. Но наиболее интересными свидетелями, безусловно, оказались два врача, горничная Тремлетт, Кэмпбелл, ювелир с Хай-стрит, и Дэвид Грэм.

Конечно, предстояло изучить множество медицинских доказательств. Бедную леди Дональдсон нашли с шёлковым шарфом, туго обвязанным вокруг шеи, и на её лице даже неопытным глазом явственно читались все признаки удушья.

Затем вызвали Тремлетт, личную горничную леди Дональдсон. Детально опрошенная адвокатом Короны, она дала отчёт о бале на Шарлотт-сквер 23-го числа и о том, какие драгоценности были на мисс Кроуфорд.

«Я помогла мисс Кроуфорд украсить волосы тиарой, – рассказывала она, – и миледи сама надела два ожерелья на шею мисс Кроуфорд. А также красивые броши, браслеты и серьги. В четыре часа утра, когда бал закончился, мисс Кроуфорд вернула драгоценности обратно в комнату хозяйки. Миледи уже укладывалась спать, и я потушила электрический свет, собираясь уходить. Горела только одна свеча, стоявшая рядом с кроватью.

Мисс Кроуфорд сняла все драгоценности и попросила у леди Дональдсон ключ от сейфа, чтобы спрятать их. Миледи дала ей ключ и сказала мне: «Можете ложиться, Тремлетт, вы должно быть, смертельно устали». Я обрадовалась, потому что на ногах от усталости не держалась. Я пожелала спокойной ночи миледи, а также мисс Кроуфорд, которая раскладывала драгоценности.

Уже выходя из комнаты, я услышала, как леди Дональдсон спросила: «Всё в порядке, моя дорогая?» Мисс Кроуфорд ответила: «Я всё аккуратно разложила по местам».

Отвечая сэру Джеймсу Фенвику, Тремлетт сообщила, что леди Дональдсон всегда носила ключ от сейфа с драгоценностями на ленте на шее, как и в последний день своей жизни.

«Вечером 24-го, – продолжила она, – леди Дональдсон по-прежнему выглядела усталой и поднялась в свою комнату сразу после ужина, когда семья ещё сидела в столовой. Она приказала мне уложить ей волосы, затем надела халат и уселась в кресло с книгой. Она сказала мне, что испытывает необъяснимые расстройство и волнение.

Однако она не хотела, чтобы я осталась сидеть с ней, поэтому я подумала, что лучшее, что можно сделать – передать мистеру Дэвиду Грэму, что её светлость в нерадостном расположении духа. Её светлость очень любила мистера Дэвида; её всегда радовало, когда он находился рядом с ней. Затем я ушла в свою комнату, и в половине девятого меня вызвал мистер Дэвид. Он сказал: «Ваша хозяйка никак не может успокоиться. На вашем месте я бы примерно через час просто пошёл и послушал у её двери, а если она не легла спать, я бы остался с ней, пока она не заснёт». Около десяти часов я последовала совету мистера Дэвида и прислушалась, что творится за дверями её светлости, однако в комнате было тихо, и, решив, что её светлость уже заснула, я вернулась в постель.

На следующее утро в восемь часов, когда я принесла госпоже чай, то увидела её лежавшей на полу, бедное милое лицо было багровым и искажённым. Я закричала, прибежали другие слуги. Мистер Грэм запер дверь и послал за доктором и полицией».

Бедная женщина, казалось, держалась из последних сил. Как ни расспрашивал её сэр Джеймс Фенвик, ей больше нечего было сказать. В последний раз она видела свою хозяйку живой в восемь часов вечера 24-го числа.

«А когда вы слушали у её дверей в десять часов, – спросил сэр Джеймс, – то пытались её открыть?»

«Да, но она была заперта», – ответила Тремлетт.

«Леди Дональдсон обычно запирала спальню на ночь?»

«Почти всегда».

«А утром, когда вы принесли чай?»

«Дверь была открыта. Я вошла, не задерживаясь».

«Вы совершенно уверены?» – не отступал сэр Джеймс.

«Клянусь», – торжественно заявила женщина.

После этого несколько домочадцев мистера Грэма сообщили нам, что мисс Кроуфорд 24-го числа присутствовала на полуденном чаепитии на Шарлотт-сквер и поставила всех в известность о том, что уезжает в Лондон вечерним почтовым поездом, намереваясь пройтись по магазинам. И старший мистер Грэм, и Дэвид пытались убедить её остаться на ужин, а затем уехать в 21.10 со станции «Каледония». Однако мисс Кроуфорд отказалась, напомнив, что всегда предпочитала уезжать со станции «Уэверли»⁵⁶, которая располагается ближе к её жилью, и, кроме того, ей ещё предстоит написать много писем.

Вопреки этим сведениям, поздним вечером два свидетеля видели обвиняемую на Шарлотт-сквер. Она несла явно тяжёлую сумку и шла к станции «Каледония».

Но самый волнующий момент в нашумевшем судебном процессе наступил на второй день, когда Дэвид Грэм, выглядевший невероятно больным, неухоженным и измождённым, вошёл в ложу для дачи показаний. При виде него публика разразилась сочувственными вздохами, относившимися ко второй – возможно, сильнее других пострадавшей – жертве трагедии на Шарлотт-сквер.

Дэвид Грэм, отвечая на вопросы адвоката Короны, рассказал о своей последней беседе с леди Дональдсон.

⁵⁶ Каледония – древнее название северной части острова Великобритания, к северу от вала Адриана или вала Антонина, отождествляется с нынешней Шотландией. Уэверли – герой одноимённого романа Вальтера Скотта.

«Тремлетт сказала мне, что та выглядела встревоженной и расстроенной, и я поднялся к ней поболтать; вскоре она приободрилась и...»

Здесь несчастный молодой человек заметно заколебался, но через некоторое время продолжил с очевидным усилием:

«Она говорила о моём браке и о будущем подарке. Она сказала, что бриллианты будут принадлежать моей жене, а затем – дочери, если такая родится. А также жаловалась, что мистер Мак-Финли чрезмерно щепетильно подготовил дарственный акт, и поэтому, как ни прискорбно, но 100 000 фунтов не могли просто перейти из её рук в мои без всякой лишней суеты.

Я беседовал с ней около получаса, а затем оставил её, так как мне показалось, что её одолевает сон; но я посоветовал горничной прислушаться у дверей примерно через час».

На несколько мгновений в суде воцарилась глубокая тишина, которая мне показалась чуть ли не наэлектризованной. Следующий вопрос, заданный адвокатом Короны свидетелю, как будто витал в воздухе ещё до появления на свет:

«Вы были обручены с мисс Эдит Кроуфорд, не так ли?»

Можно было скорее почувствовать, чем услышать, почти беззвучное «Да», сорвавшееся со сжатых губ Дэвида Грэма.

«При каких обстоятельствах это помолвка была разорвана?»

Сэр Джеймс Фенвик уже поднялся в знак протеста, но Дэвид Грэм заговорил первым:

«Я не думаю, что мне стоит отвечать на этот вопрос».

«Тогда я изложу его в другой форме, – вежливо произнёс адвокат Короны, – против которой мой учёный друг не сможет возразить. Получили ли вы 27 октября письмо от обвиняемой, в котором она желала, чтобы её освободили от обещанного вам брака?»

И снова Дэвид Грэм отказался отвечать, и вопрос адвоката повис в воздухе; но все присутствовавшие в аудитории – и присяжные, и юристы – прочли на бледном лице и в огромных печальных глазах Дэвида Грэма зловещее «Да!», не достигнувшее его дрожавших губ.

ГЛАВА XVI

«ВИНА НЕ ДОКАЗАНА»

– Нет никаких сомнений, – продолжал Старик в углу, – что слабое сочувствие, вызванное в общественном мнении ужасным положением молодой девушки, угасло в тот момент, когда Дэвид Грэм покинул ложу для свидетелей на второй день суда. Виновна ли Эдит Кроуфорд в убийстве или нет, но бессердечность, с которой она согласилась на брак с уродливым любимым, а затем бросила его, настроила всех против неё.

Не кто иной, как мистер Грэм-старший первым сообщил фискальному прокурору о том, что обвиняемая написала Дэвиду из Лондона о разрыве помолвки. Эти сведения, несомненно, привлекли внимание к мисс Кроуфорд, и вскоре полиция представила доказательства, которые привели к её аресту.

И последняя сенсация произошла на третий день, когда дал показания мистер Кэмпбелл, ювелир с Хай-стрит. Он заявил, что 25 октября в его магазин пришла дама и предложила купить у неё пару бриллиантовых серёжек. Торговля шла очень плохо, и он отказался от сделки, хотя дама, казалось, была готова расстаться с серёжками за чрезвычайно низкую сумму, если учитывать красоту камней.

Фактически, именно из-за этого очевидного желания со стороны дамы продать драгоценности за любую цену он наблюдал за ней более пристально, чем во всех других случаях. И нынче был готов поклясться, что дама, предлагавшая ему бриллиантовые серьги, в настоящее время сидела на скамье подсудимых.

Уверяю вас: когда прозвучало это недвусмысленно осуждающее свидетельство, в переполненном зале можно было услышать падение булавки на пол. И только девушка на скамье подсудимых оставалась спокойной и невозмутимой. Напоминаю: в течение двух дней мы слышали доказательства, подтверждавшие, что старый доктор Кроуфорд умер, оставив свою дочь без гроша в кармане, что в отсутствие матери её воспитывала тётка, готовившая сироту к участи гвернантки – чем и занималась мисс Кроуфорд в течение нескольких лет – и что никто из её друзей даже не предполагал, что у неё имеются бриллиантовые серьги-солитёры.

Обвинение определённо выложило козырной туз, но сэр Джеймс Фенвик, в течение всего дня, казалось, не проявлявший особого интереса к процессу, внезапно поднялся с места, и я сразу понял, что он намерен вытащить джокера из рукава. Невероятно худой и высокий, с клювообразным носом, он всегда производит впечатление, когда серьёзно берётся за свидетеля. На этот раз он решил вовсе отыгаться, мгновенно сбив спесь с напыщенного коротышки-ювелира.

«Итак, мистер Кэмпбелл сделал в своей книге особую запись о визите этой дамы?»

«Нет».

«Установил ли он каким-либо иным способом, когда это посещение действительно имело место?»

«Нет, но...»

«Какая запись об этом визите существует?»

У мистера Кэмпбелла не имелось никакой записи. И после примерно двадцати минут перекрёстного допроса ему пришлось признать, что в то время он мало думал о беседе с этой дамой, и уж точно не в связи с убийством леди Дональдсон, пока не прочитал в газетах об аресте молодой женщины.

Затем он обсудил этот вопрос со своим клерком, и вместе они твёрдо вспомнили, что некая дама принесла на продажу несколько красивых серёжек в день, которому полагалось быть следующим после убийства. Если сэр Джеймс Фенвик поставил себе цель дискредитировать этого ключевого свидетеля, он, безусловно, добился своего.

Вся напыщенность слетела с мистера Кэмпбелла, он взволновался, затем вышел из себя, затем окончательно растерялся. После чего ему разрешили покинуть суд, а сэр Джеймс Фенвик, вернувшись на своё место, стал ждать, как стервятник, новой поживы.

Следующей целью стал клерк мистера Кэмпбелла, который при опросе фискальным прокурором полностью подтвердил показания своего работодателя. В Шотландии ни один свидетель не присутствует в суде при показаниях другого, и мистер Макфарлейн, клерк, поэтому был совершенно не готов к ловушкам, приготовленным для него сэром Джеймсом Фенвиком. Он влетел в них на полном ходу, и выдающийся адвокат вывернул его наизнанку, как перчатку.

Мистер Макфарлейн не терял самообладания – для этого он был слишком скромен – но попал в безнадёжное болото спутанных воспоминаний. Покидая ложу для дачи показаний, он совершенно не был уверен в точной дате визита дамы с бриллиантовыми серьгами.

– Осмелюсь заметить, – хихикнул Старик в углу, – что большинству присутствующих перекрёстный допрос сэра Джеймса Фенвика показался совершенно неуместным. Как мистер Кэмпбелл, так и его клерк были готовы поклясться, что беседовали по поводу бриллиантовых серёг с дамой, в чьей идентичности с обвиняемой полностью уверены, и для случайного наблюдателя вопрос о времени или даже дне, когда эта беседа состоялась, мало что мог изменить в отношении главной проблемы, стоявшей перед судом.

Но я в мгновение ока полностью осознал всю тактику защиты, избранную сэром Джеймсом Фенвиком. Когда мистер Макфарлейн – вторая жертва язвительного языка выдающегося адвоката – покинул ложу для дачи показаний, я смог прочитать, как в книге, всю историю этого преступления, понять ход расследования и ошибки, совершённые сначала полицией, а потом и прокурором.

Сэр Джеймс Фенвик, конечно, знал об этом не хуже меня, и ткнул пальцем в каждый промах, разрушая – как ребёнок, подувший на картонный домик – все строительные леса, возведённые обвинением.

Итак, первый пункт: мистер Кэмпбелл и мистер Макфарлейн отождествили обвиняемую с дамой, которая в некий момент – так и не уточнённый – пыталась продать пару бриллиантовых серёг. Сэр Джеймс вызвал множество свидетелей, чтобы доказать, что 25-го, на следующий день после убийства, обвиняемая находилась в Лондоне, а накануне магазин мистера Кэмпбелла закрылся задолго до того, как домочадцы в последний раз видели леди Дональдсон. Очевидно, ювелир и его клерк встречались с какой-то другой женщиной, которую их живое воображение заставило принять за обвиняемую.

Затем возник ключевой вопрос времени. Мистер Дэвид Грэм, очевидно, был последним, кто видел леди Дональдсон живой. Он разговаривал с ней не позднее 20.30. Сэр Джеймс Фенвик вызвал двух носильщиков со станции Каледония. По их заявлениям, мисс Кроуфорд села в вагон первого класса поезда в 21.10 за несколько минут до его отправления.

«Мыслимо ли, – возражал сэр Джеймс, – что в течение получаса обвиняемая – молодая девушка – могла тайком проникнуть в дом в то время, когда ещё никто не спит, задушить леди Дональдсон, взломать сейф и унести драгоценности? Мужчине – опытному грабителю – не составило бы труда, но я утверждаю, что обвиняемая физически не способна на такой подвиг.

Что касается расторжения помолвки, – продолжал с улыбкой видный адвокат, – это, конечно, может показаться немного бессердечным, но бессердечие не является преступлением в глазах закона. Обвиняемая заявила: когда она писала мистеру Дэвиду Грэму, разрывая помолвку, то ничего не слышала об Эдинбургской трагедии.

Лондонские газеты сообщали о преступлении очень кратко. Обвиняемая была занята покупками; она ничего не знала об изменившемся положении мистера Дэвида Грэма. И разрыв помолвки ни в коем случае не являлся доказательством того, что обвиняемая подобным гнусным образом завладела драгоценностями».

– Конечно, я не в состоянии, – сконфуженно вздохнул Старик в углу, – дать вам хоть какое-то представление о красноречии и мастерской логике знаменитого адвоката. Как и меня, всех поразило, что он поставил во главу угла тот факт, что против обвиняемой нет абсолютно никаких доказательств.

Как бы то ни было, результатом того знаменательного судебного процесса стал вердикт: «Вина не доказана»⁵⁷. Присяжные отсутствовали сорок минут, и, похоже, в уме каждого из них осталось, несмотря на аргументы сэра Джеймса, твёрдо укоренившееся убеждение – назовите его, если хотите, инстинктом – что Эдит Кроуфорд покончила с леди Дональдсон, чтобы завладеть украшениями, и что, несмотря на многочисленные противоречия в показаниях самовлюблённого ювелира, она действительно предложила ему часть драгоценностей на продажу. Но для осуждения не было достаточных доказательств, и сомнения сыграли в пользу обвиняемой.

Я слышал, как англичане утверждали, что в Англии её бы повесили. Лично я сомневаюсь в этом. И думаю, что английское жюри присяжных, не имеющее судебной лазейки «Вина не доказана», было бы обязано оправдать мисс Кроуфорд. Как по-вашему?⁵⁸

⁵⁷ Существует два вида оправдания подсудимого: за невиновностью (что не оставляет никаких сомнений) и за недостаточностью или недоказанностью улик (что автоматически бросает на оправданного тень подозрения, от которого практически невозможно избавиться).

⁵⁸ В то время в Шотландии существовала определённая автономия судебной системы, так что последняя частично отличалась от английской

ГЛАВА XVII

НЕОПРОВЕРЖИМЫЕ ФАКТЫ

Повисла пауза, потому что Полли ответила не сразу, а Старик продолжал завязывать немислимые узлы на своей верёвке. Затем мисс Бёртон тихо произнесла:

– Я думаю, что соглашусь с теми англичанами, которые считают, что английское жюри присяжных осудило бы её... Я не сомневаюсь, что она виновна. Но, возможно, не сама совершила этот ужасный поступок. Кто-то из дома на Шарлотт-сквер мог быть её сообщником; он убил и ограбил леди Дональдсон, а Эдит Кроуфорд ждала снаружи, пока ей передадут драгоценности. Дэвид Грэм ушёл от крёстной в 20.30. Если сообщником был кто-то из прислуги, у него или неё имелось достаточно времени для любых мерзостей, и Эдит Кроуфорд вполне могла успеть на поезд в 21:10 от станции Каледония.

– Тогда кто, по вашему мнению, – саркастически спросил Старик, склонив забавную птичью голову набок, – пытался продать бриллиантовые серьги ювелиру, мистеру Кэмпбеллу?

– Эдит Кроуфорд, конечно, – торжествующе возразила Полли. – И он, и его клерк – оба узнали её.

– И когда же она пыталась продать им серьги?

– Ах, это то, что я не совсем понимаю, и здесь, на мой взгляд, кроется единственная загадка случившегося. 25-го мисс Кроуфорд определённо находилась в Лондоне, и маловероятно, что она вернулась в Эдинбург, чтобы избавиться от драгоценностей там, где их легче всего отследить.

– Маловероятно, конечно, – сухо согласился Старик.

– И, – добавила девушка, – за день до отъезда в Лондон леди Дональдсон была жива.

– А теперь ответьте, – внезапно перебил Старик, глядя с комическим самодовольством на красивый узел, который только что завязал своими длинными пальцами, – какое отношение этот факт имеет к предыдущему?

– Абсолютно никакого! – выпалила Полли.

– Увы, – вздохнул он с комической важностью. – Мои попытки обучить вас, кажется, не улучшили ваши способности к рассуждению. Вы ничуть не лучше полиции. Леди Дональдсон ограблена и убита, и вы сразу же утверждаете, что её ограбил и убил *один и тот же человек*.

– Но... – возразила Полли.

– Никаких «но», – отмахнулся Старик, волнуясь всё сильнее и сильнее. – Посмотрите, как всё просто. Однажды вечером Эдит Кроуфорд надевает бриллианты, а затем приносит их обратно в комнату леди Дональдсон. Помните показания горничной? Леди Дональдсон спросила: «Всё в порядке, моя дорогая?» Простой вопрос, полностью проигнорированный обвинением. Но что он означал? То, что леди Дональдсон, *задав этот вопрос*, не видела своими глазами, вернула ли Эдит Кроуфорд драгоценности.

– То есть вы хотите верить...

– Я никогда не уверю, – нетерпеливо прервал Старик. – Я констатирую неоспоримые факты. Эдит Кроуфорд, намеревавшаяся украсть драгоценности, сразу же присвоила их, пользуясь открывшейся возможностью. С какой стати ей выжидать? Леди Дональдсон – в постели, а Тремлетт, горничная – ушла.

На следующий день, а именно 25-го числа, она пытается продать пару серёг мистеру Кэмпбеллу, но терпит неудачу и отправляется в Лондон, где для этого имеется больше шансов⁵⁹. Сэр Джеймс Фенвик не посчитал желательным вызвать свидетелей, чтобы доказать установленные мной с тех пор факты: 27 октября, за три дня до ареста, мисс Кроуфорд уехала в Бельгию и на следующий день вернулась в Лондон. Несомненно, бриллианты леди Дональдсон,

⁵⁹ Так в оригинале. В действительности получается путаница: Эдит Кроуфорд уехала из Эдинбурга в Лондон вечером 24-го. Поэтому, скорее всего, она пыталась продать серьги мистеру Кэмпбеллу всё же 24-го числа.

вынутые из оправы, в этот момент спокойно отдыхают в Бельгии, а деньги, вырученные от их продажи, надёжно хранятся в бельгийском банке.

– Но тогда – кто убил леди Дональдсон и почему? – выдохнула Полли.

– Не догадываетесь? – вежливо поинтересовался Старик. – Разве я недостаточно ясно изложил вам дело? Мне оно кажется совсем простым. Вспомните дерзость и жестокость убийства. Подумайте о том, кто, не будучи вором, тем не менее, имел бы самые сильные из всех мотивов, чтобы оградить воровку от последствий её собственного проступка. Да! и от властей тоже – поскольку представлялось совершенно нелогичным, более того, невозможным, чтобы он был сообщником мисс Кроуфорд.

– Но ведь...

– Подумайте об удивительной натуре, изуродованной как морально, так и физически – знаете ли вы, как чувствуют подобные люди? В тысячу раз сильнее, чем уравновешенные и прямые личности в повседневной жизни. А затем представьте себе эту натуру, столкнувшуюся лицом к лицу с подобной ужасной проблемой.

Неужели вы думаете, что такой человек станет колебаться хоть мгновение, прежде чем совершить преступление, чтобы спасти любимую от последствий её поступка? Имейте в виду, я ни на мгновение не утверждаю, что Дэвид Грэм имел какое-либо намерение убить леди Дональдсон. Тремлетт сообщает ему, что хозяйка выглядит беспокойной и расстроенной; он идёт к ней в комнату и обнаруживает: она выяснила, что её ограбили. И, естественно, подозревает Эдит Кроуфорд, вспоминая события прошлого вечера и, вероятно, выражает свои чувства Дэвиду Грэму и угрожает немедленным уголовным преследованием, скандалом – сами можете представить.

Повторяю ещё раз: осмелюсь заявить, что он не хотел её убивать. Скорее всего, просто пытался запугать. Врач, заявивший о внезапной сердечной недостаточности, несомненно, был прав. А теперь вообразите раскаяние Дэвида Грэма, его ужас и его страх. Пустой сейф, вероятно, навёл его на мысль о мрачной картине грабежа и убийства, которую он устроил, чтобы обеспечить себе безопасность.

Но вспомните: никто не заметил, что злоумышленник тайно входил или выходил из дома; убийца не оставил никаких следов входа и выхода. А вооружённый грабитель оставил бы какой-то след – *кто-либо* обязательно услышал бы хоть *что-нибудь*. Тогда кто же отпер дверь леди Дональдсон в ту ночь, когда она сама лежала мёртвая на полу своей комнаты?

Только обитатель дома – кто-то, не оставивший следов, кто-то, против кого не могло быть никаких подозрений, кто-то, убивший без малейшего намерения и без малейшего мотива. Вот и подумайте об этом – однако я знаю, что прав – а затем скажите мне, заручился ли я хоть какими-то вашими симпатиями к автору «Эдинбургской тайны»?

Он ушёл. Полли снова посмотрела на фотографию Дэвида Грэма. Неужели в этом уродливом теле действительно обитал подобный извращённый разум, и существуют ли в мире преступления, которые столь велики, что могут считаться величественными?

ГЛАВА XVIII

КРАЖА В «АНГЛИЙСКОМ ПРОВИДЕНТ-БАНКЕ»

– Вопрос о мотивах иногда бывает очень труден и запутан, – начал Старик в углу, неторопливо стягивая огромные перчатки из собачьей шкуры с тощих пальцев. – Я знаю, что опытные уголовные следователи высказывают безошибочную, по их мнению, аксиому: найти человека, заинтересованного в совершении преступления, означает найти преступника.

Что ж, в большинстве случаев, вероятно, так и случается, но жизненный опыт доказал мне, что в нашем мире существует некий фактор, воистину являющийся движущей силой человеческих действий, и фактор этот – людские страсти. Ибо добрые или злые страсти правят нашим бедным человечеством. Помните о женщинах! Французские сыщики, признанные мастера своего дела, никогда не приступают к расследованию, пока не обнаружат женский элемент в преступлении, будь то воровство, убийство или мошенничество – согласно теории: «Ищите женщину».

Возможно, причина того, что после ограбления на Филлимор-Террас так и не удалось поймать преступников, заключается в том, что с ними не было никакой женщины. С другой стороны, я совершенно уверен, что причина, по которой человек, ограбивший «Английский Провидент-банк», остался безнаказанным – в том, что умная женщина ускользнула от глаз наших полицейских.

Он говорил очень долго и весьма безапелляционно. Мисс Полли Бёртон не осмеливалась возражать ему, зная, что всякий раз, когда он раздражался, то становился неизменно груб, и в результате выходило ещё хуже.

– Когда я состарюсь, – подвёл Старик итог, – и мне нечем будет заняться, я думаю, что предложу полиции свои профессиональные услуги; полицейским есть, чему поучиться.

Что могло быть более нелепо, чем самоудовлетворённое, ненормальное самомнение, пронизывающее реплику, брошенную взволнованным, дрожащим голосом этим сморщенным представителем человечества? Полли ни слова не промолвила в ответ, но вытащила из кармана симпатичный кусок верёвки и, зная обычай Старика завязывать узлы во время разгадки тайн, протянула обрывок ему через стол. Мисс Полли была абсолютно уверена, что её собеседник покраснел.

– В качестве дополнения к мысли, – произнесла она, движимая духом примирения.

Он посмотрел на бесценную игрушку, которую девушка соблазнительно поднесла к его руке. Затем заставил себя окинуть взглядом кофейную: Полли, официанток, груды бледных булочек на прилавке. Но кроткие голубые глаза, загоревшиеся любовью, невольно метнулись к длинной верёвке, на которой игривое воображение, несомненно, уже разглядело серию узлов, которые было бы одинаково мучительно что завязать, что развязать.

– Расскажите мне о краже в «Английском Провидент-банке», – снисходительно предложила Полли.

Он воззрился на девушку, как будто она предложила какое-то таинственное соучастие в неслыханном преступлении. Затем тощие пальцы нащупали конец верёвки и потянули его к себе. Лицо Старика мгновенно просветлело.

– В данном грабеже имелся элемент трагедии, – начал он после нескольких мгновений блаженного завязывания узлов, – что кардинально отличает его от большинства преступлений. И эта трагедия, насколько я могу судить, замкнёт мои губы навеки и запретит им произносить слово, которое могло бы вывести полицию на верный путь.

– Ваши губы, – саркастически предположила Полли, – насколько я могу судить, сомкнуты навеки перед нашей многострадальной, некомпетентной полицией и...

– И вам следует быть последней, кто решится ворчать по этому поводу, – тихо прервал он, – потому что вы уже потратили несколько очень приятных получасов, выслушивая то, что называете моими «дурацкими небылицами». Что ж, как вам известно, «Английский Провидент-банк» расположен на Оксфорд-стрит; иллюстрированные газеты в своё время пестрели его

изображениями. Вот фотография снаружи. Я сам сделал её недавно, хотя и жаль, что не оказался настолько дерзким или удачливым, чтобы сделать ещё и снимок интерьера. Но заметьте, что в контору ведёт вход, не сообщающийся с остальной частью дома, которая, как обычно в таких случаях, занята управляющим и его семьёй⁶⁰.

История эта случилась не более полугода назад. Тогда управляющим был мистер Айрленд. Он жил близ банка с женой и семьёй, состоявшей из сына, служившего банковским клерком, и двух-трёх младших детей. В действительности дом меньше, чем кажется на этой фотографии, и на каждом этаже только по одной группе комнат, выходящих на улицу, а задняя часть дома представляет собой не что иное, как лестницу. Так что мистер Айрленд с семьёй занимали весь дом целиком.

Что касается служебных помещений, то они были устроены по обычному образцу: контора с рядами столов, клерков и кассиров, а за стеклянной дверью – личный кабинет управляющего, тяжеловесный сейф, письменный стол, и так далее.

Из кабинета открывается дверь в холл дома, так что управляющему не приходится выходить на улицу, чтобы отправиться на службу. На первом этаже нет жилых комнат, и подвала в доме тоже нет.

Я обязан изложить вам все эти архитектурные детали. Хотя они могут показаться весьма сухими и неинтересными, но жизненно необходимы для того, чтобы прояснить мои аргументы.

Ночью, конечно, помещения банка закрываются решётками и запираются на засовы, и в качестве дополнительной меры предосторожности в офисе всегда сидит ночной сторож. Как я уже упоминал, между офисом и кабинетом управляющего имеется только стеклянная дверь. Это, конечно, объясняло, как сторожу удалось услышать всё, что донеслось до его ушей в ту памятную ночь, и тем самым помогло ещё больше запутать нить непостижимой тайны.

Мистер Айрленд, как правило, заходил в свой кабинет каждое утро незадолго до десяти часов, но тем утром, по причине, которую так никогда и не смог объяснить, спустился ещё до завтрака, около девяти часов. Впоследствии миссис Айрленд заявила, что, не услышав его возвращения, она послала служанку предупредить хозяина, что завтрак остывает. Крик девушки стал первым намёком на то, что произошло нечто тревожное.

Миссис Айрленд поспешила вниз. Достигнув холла, она обнаружила, что дверь кабинета мужа открыта, и именно оттуда доносятся вопли девушки.

«Хозяин, мэм... бедный хозяин... он мёртв, мэм... я уверена, что он мёртв!» Эти крики сопровождаются сильными ударами по стеклянной перегородке и не очень-то вежливыми словами со стороны сторожа из холла... ну, скажем, такими: «Почему бы тебе не открыть дверь вместо того, чтобы устраивать такой шум?»

Миссис Айрленд – из тех женщин, которые ни при каких обстоятельствах не теряют здравомыслия. По-моему, она вполне доказала это во время возникновения множества затруднительных обстоятельств, связанных с расследованием дела. Она бросила только один взгляд на комнату и мгновенно оценила создавшееся положение. В кресле, откинув голову назад, с закрытыми глазами лежал мистер Айрленд, очевидно, в глубоком обмороке; какое-то ужасное потрясение, должно быть, внезапно расшатало его нервную систему и мгновенно повергло беднягу ниц. Причину потрясения не стоило искать слишком уж далеко.

Дверь сейфа была широко открыта, и мистер Айрленд, очевидно, потерял сознание из-за какого-то кошмарного факта, который предъявил открытый сейф; бедняга споткнулся о стул, лежавший на полу, а затем рухнул без сознания в кресло.

– Описание требует времени, – продолжал Старик в углу, – но миссис Айрленд отреагировала молниеносно: тут же повернула ключ в замке стеклянной двери, запертой изнутри, затем с помощью Джеймса Фэйрберна, сторожа, отнесла мужа наверх в его комнату и немедленно послала за полицией и за доктором.

Как и ожидала миссис Айрленд, её муж испытал тяжёлое психическое потрясение, повергнувшее его в полную протрацию. Врач прописал ему абсолютную тишину и временно запретил любые расспросы, которые могли бы обеспокоить мистера Айрленда. Пациент был

⁶⁰ Обычная практика для тех времён. Зачем тратить деньги на новое помещение, если для этого вполне подходит собственный дом? Правда, так рассуждали далеко не все.

немолод, шок – силён, поражение мозга – очевидно, и пострадавшему разуму мистера Айрленда, если не его жизни, серьёзно угрожала любая попытка вспомнить обстоятельства, предшествовавшие потере сознания.

Таким образом, полиция могла продолжить расследование, но медленно. У следователя были связаны руки – один из главных персонажей, задействованных в драме, никак не мог ему помочь.

Начнём с того, что грабитель (или грабители), очевидно, проник во внутренний кабинет управляющего не через помещения банка. Джеймс Фэйрберн всю ночь дежурил с включённым электрическим светом, и, естественно, никто не мог пройти через контору или взломать зарешёченные двери без его ведома.

Оставался другой вход в кабинет – через холл дома. Дверь в холл всегда запиралась на замок и засов самим мистером Айрлендом, когда он возвращался домой – будь то с работы, из театра или из клуба. Эту обязанность он не позволял исполнять никому, кроме себя. Отправляясь в ежегодный отпуск с женой и семьёй, он оставлял за себя старшего сына с чётким распоряжением: запереть дверь к десяти часам ночи.

Как я уже объяснял вам, контора и кабинет управляющего разделены только стеклянной перегородкой, и, согласно показаниям Джеймса Фэйрберна, она всегда оставалась открытой, чтобы во время ночного дежурства был слышен самый слабый звук. Как правило, в кабинете не было света, а другая дверь, ведущая в холл, запиралась изнутри Джеймсом Фэйрберном после того, как он убеждался, что помещение безопасно, и начинал свою ночную вахту. Электрический звонок в обоих офисах соединялся со спальней мистера Айрленда и спальней его сына, мистера Роберта Айрленда. Кроме этого, в банке установили телефон, связанный с ближайшей конторой посыльных, который отправлял условный сигнал, означавший: «Вызывайте полицию».

В девять часов утра ночному сторожу после появления первого кассира полагалось вытереть пыль, привести в порядок кабинет управляющего и открыть засовы; после этого он мог отправляться домой для завтрака и отдыха.

Из этого очевидно, что положение Джеймса Фэйрберна в «Английском Провидент-банке» связано с большой ответственностью и доверием; но в каждом банке и в каждом деловом предприятии найдёшь людей, занимающих аналогичные должности: испытанных, безукоризненно честных, зачастую – старых солдат с хорошей репутацией. Джеймс Фэйрберн – добропорядочный шотландец; он служит ночным сторожем в «Английском Провидент-банке» в течение пятнадцати лет, заняв этот пост в сорок три – сорок четыре года. Он бывший гвардеец, рост в носках – шесть футов три дюйма⁶¹.

Так что именно его показания имели первостепенное значение, и им каким-то образом удалось, несмотря на максимальную осторожность, проявленную полицией, стать достоянием публики и вызвать бурный ажиотаж в банковских и деловых кругах.

Джеймс Фэйрберн заявил, что в восемь часов вечера 25 марта, заперев все ставни и двери в подсобных помещениях, он собирался, как обычно, закрыть кабинет управляющего, но тут мистер Айрленд окликнул его с верхнего этажа и попросил, чтобы дверь осталась открытой, так как он, возможно, захочет снова ненадолго зайти в кабинет, когда вернётся домой в одиннадцать часов. Джеймс Фэйрберн спросил, не следует ли ему оставить свет включённым, но мистер Айрленд ответил: «Нет, выключите. Я сам включу, если понадобится».

Ночному сторожу в «Английском Провидент-банке» разрешено курить, разводить огонь в камине, а рядом с ним находится поднос с тарелкой толстых бутербродов и стаканом эля. Итак, Джеймс Фэйрберн устроился перед огнём, зажгёт трубку, вынул газету и начал читать. Ему показалось, что он слышал, как примерно без четверти десять открылась и закрылась дверь, ведущая на улицу; он предположил, что мистер Айрленд вернулся домой из клуба. Без десяти десять сторож услышал, как открылась дверь в кабинет управляющего, кто-то вошёл, тут же закрыл стеклянную дверь перегородки и повернул ключ.

Сторож, естественно, пришёл к выводу, что это был сам мистер Айрленд.

Со своего места он не мог видеть комнату, но заметил, что электрический свет не включали, и что управляющий время от времени зажигал спички.

⁶¹ Примерно 190,5 см.

«На мгновение, – продолжал Джеймс Фэйрберн, – мне пришла в голову мысль, что творится что-то неладное, и я отложил газету в сторону и направился в другой конец комнаты к стеклянной перегородке. В кабинете по-прежнему было темно, и я не видел, что там творилось, но дверь в холл была открыта, и сквозь неё лился свет. Я подошёл совсем близко к перегородке, и тут заметил миссис Айрленд, стоящую в дверном проёме, и услышал, как она удивлённо произнесла: «Льюис, я думала, что ты давно ушёл в клуб. Чем, чёрт возьми, ты занимаешься здесь, да ещё и в темноте?»»

«Льюис – это христианское имя мистера Айрленда, – пояснил Джеймс Фэйрберн. – Я не слышал ответ управляющего, но, вполне удовлетворённый тем, что всё в порядке, вернулся к трубке и газете. Практически сразу после этого я услышал, как управляющий удаляется из кабинета, пересекает холл и выходит через уличную дверь. И только после его ухода я вспомнил, что он, похоже, забыл открыть стеклянную перегородку. Поэтому я не мог запереть дверь в холл на засов, как обычно, и, очевидно, именно так эти проклятые воры и обыграли меня».

ГЛАВА XIX ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

– К тому времени, когда общественность осознала смысл показаний Джеймса Фэйрберна, как в самом банке, так и среди детективов, расследовавших этот случай, возникло некое беспокойство. Газеты проявили очевидную сдержанность и советовали читателям дожидаться дальнейшего развития этого печального дела.

Пока управляющий «Английского Провидент-банка» находился в тяжёлом состоянии, невозможно было получить чёткое представление о том, что на самом деле похищено. Однако главный кассир оценил убытки примерно в 5000 фунтов золотом и банкнотами – конечно, при условии, что мистер Айрленд не держал в сейфе собственные деньги или драгоценности.

Заметьте, что публика всё сильнее сочувствовала бедняге – больному, возможно, умирающему – однако, как ни странно, подозрение уже слегка коснулось его своим отравленным крылом.

Впрочем, подозрение – пожалуй, слишком сильное слово. Тогда никто никого не подозревал. Джеймс Фэйрберн рассказал свою историю и заявил, что какой-то вор с фальшивыми ключами, должно быть, пробрался в контору через внутренний двор.

Общественное волнение, как вы помните, с течением времени не ослабевало. Едва мы успели удивиться необычайному свидетельству ночного сторожа и, в ожидании дальнейших и более полных подробностей, сдержать растущее сочувствие к больному человеку, как сенсационная сторона этого загадочного дела достигла кульминации, поскольку обнаружился необыкновенный, совершенно неожиданный факт. К миссис Айрленд, сутки напролёт без усталости дежурившей у постели больного мужа, подошёл сыщик и попросил её ответить на несколько простых вопросов, чтобы таким образом пролить свет на тайну, которая стала причиной болезни мистера Айрленда и её собственного душевного волнения.

Миссис Айрленд заявила, что вполне готова ответить на любые заданные ей вопросы, и буквально поразила как инспектора, так и детектива, твёрдо и решительно заявив, что Джеймс Фэйрберн, вероятно, спал или грезил, если решил, что в десять вечера увидел её в дверях и услышал её голос.

В это время она вполне могла как быть, так и отсутствовать в холле, потому что обычно спускалась посмотреть, не пришли ли с последней почтой какие-нибудь письма, но, безусловно, *не видела* мистера Айрленда и *не разговаривала* с ним, поскольку мистер Айрленд ушёл за час до того, и она сама проводила его до входной двери. И от своего из ряда вон выходящего заявления миссис Айрленд не отступала ни на шаг. В присутствии сыщика она заявила Джеймсу Фэйрберну, что он, *вне всяких сомнений*, ошибается, и она *не видела* мистера Айрленда и *не разговаривала* с ним.

Полиция допросила ещё одного – мистера Роберта Айрленда, старшего сына управляющего. Предполагалось, что он осведомлён о делах отца; идея, прочно засевшая в разуме детектива, состояла в том, что, возможно, серьёзные финансовые трудности побудили неудачливого управляющего присвоить часть денег банка.

Мистер Роберт Айрленд, однако, сообщил не так уж много. Отец не доверял ему до такой степени, чтоб рассказывать обо всех личных делах, но в доме недостатка в деньгах не ощущалось, и у мистера Айрленда не имелось ни единой экстравагантной привычки. Сам мистер Роберт в тот памятный вечер ужинал с другом, а затем отправился с ним в Оксфордский мюзик-холл. Он встретился с отцом на пороге банка около половины двенадцатого, и сын утверждал, что в поведении мистера Айрленда не было ничего примечательного; он ничуть не выглядел взволнованным и весело пожелал сыну спокойной ночи.

– Да, это был знаменательный момент, – продолжал Старик в углу, с каждым мгновением всё более и более возбуждаясь. – Публика – временами очень глупая и упрямая – мгновенно оценила его. Конечно, вначале все сразу пришли к естественному выводу, что миссис Айрленд лгала.

Благородная ложь, самоотверженная ложь, ложь, наделённая всеми достоинствами, если хотите, но всё равно – ложь.

Она, намереваясь спасти своего мужа, пыталась увести следствие в сторону. В конце концов, Джеймсу Фэйрберну не могло присниться всё то, что, по его словам, он видел и слышал. Никто не подозревал Джеймса Фэйрберна; для этого не имелось никаких причин. Крупный, тяжеловесный шотландец, явно не обладавший живым и красочным воображением, которое приписывалось ему странными утверждениями миссис Айрленд; более того, кража банкнот не принесла бы сторожу ни малейшей пользы.

Но вспомните об одном обстоятельстве; без него общественное мнение уже осудило бы страдальца, лежавшего на верхнем этаже, без какой бы то ни было надежды на оправдание. А этот факт поразил всех.

Допустим, что за десять минут до десяти мистер Айрленд зашёл в контору с целью извлечения из банковского сейфа банкнот и золота на сумму 5000 фунтов стерлингов, одновременно создавая видимость ночной кражи со взломом. Допустим, что его гнусный замысел нарушила жена, которая, отчаявшись убедить мужа отказаться от кражи, отважно встала на его сторону и очень неуклюже попыталась выпутать мистера Айрленда из создавшегося затруднительного положения. Тогда почему в девять часов утра на следующее утро он упал в обморок и заболел мозговой горячкой при виде кражи, о которой, естественно, был осведомлён? Можно симулировать потерю сознания, но не высокую температуру и признаки мозговой горячки, ибо даже самый заурядный врач с лёгкостью разоблачит притворство.

Мистер Айрленд, согласно показаниям Джеймса Фэйрберна, ушёл вскоре после кражи, затем встретился с сыном через полтора часа, поговорил с ним, тихо лёг спать и ждал девять часов, прежде чем заболеть при виде собственного преступления. Согласитесь, весьма нелогично. К сожалению, сам бедняга не мог дать никаких объяснений трагическим ночным событиям.

Он по-прежнему был крайне слаб, и, хотя и находился под сильным подозрением, но по приказу врача оставался в полном неведении относительно серьёзных обвинений, постепенно накапливавшихся против него. Он постоянно расспрашивал всех, находившихся у его постели, относительно результатов расследования и вероятности скорейшей поимки грабителей, но у каждого посетителя имелся строгий приказ сообщать лишь о том, что полиция пока ничего не знает.

Вы, как и все остальные, согласитесь, что положение злосчастного мистера Айрленда было поистине жалким – он оказался абсолютно беспомощен и не мог защитить себя от стольких неопровержимых доказательств. Вот почему я полагаю, что сочувствие публики оставалось на его стороне. Тем не менее, было ужасно думать о том, что его жена, предположительно, знала, что мистер Айрленд виновен, и с тревогой ждала того кошмарного момента, когда по выздоровлении мужу придётся столкнуться с сомнениями, подозрениями, а то и открытыми обвинениями, усиливавшимися день за днём.

ГЛАВА XX АЛИБИ

– Прошло почти шесть недель, прежде чем доктор, наконец, позволил своему пациенту заняться серьёзным делом, которое так сильно выбило его из колеи.

Замечу, что среди множества людей, прямо или косвенно пострадавших в результате этого загадочного происшествия, никто, по-моему, не вызывал большего сострадания и искреннего сочувствия, чем Роберт Айрленд, старший сын управляющего.

Вы помните, что он служил клерком в банке? И, естественно, когда на отца упали подозрения, положение сына стало невыносимым. Все были очень добры к нему. Мистер Сазерленд Френч, назначенный исполняющим обязанности управляющего – на время прискорбного отсутствия мистера Льюиса Айрленда – изо всех сил старался продемонстрировать молодому человеку доброжелательность и симпатию, но вряд ли кто-либо (в том числе и мистер Френч) сильно удивился, когда после того, как удивительные заявления миссис Айрленд стали достоянием общественности, мистер Роберт скромно намекнул временному управляющему, что решил разорвать отношения с банком.

Естественно, в его распоряжении оказались лучшие рекомендации. Впоследствии стало понятно: как только отец полностью выздоровеет и перестанет нуждаться в его присутствии в Лондоне, он попытается найти работу где-нибудь за границей. Мистер Роберт упоминал о новом добровольческом отряде, организованном для военной полиции в новых колониях, и, по правде говоря, никто не мог винить его в том, что он хотел оставить далеко в прошлом все связи с лондонскими банковскими организациями. Было совершенно очевидно, что собственная семья перестала надеяться на невиновность бедного управляющего.

И всё же мистер Айрленд был абсолютно невиновен. Вы должны помнить, как этот факт стал всеобщим достоянием, как только бедняга смог сказать слово в свою защиту. Что он и сделал.

Мистер Айрленд очень любит музыку. В тот вечер, когда он сидел в своём клубе, то увидел в одной из ежедневных газет объявление о необычайно привлекательной программе концерта в Квинс-Холле. Он не был одет для театра⁶², но, тем не менее, почувствовал непреодолимое желание услышать эти чудесные музыкальные произведения, поэтому направился в Холл. Такого рода алиби обычно очень трудно доказать, но Дама Фортуна, как ни странно, благоволила мистеру Айрленду – вероятно, чтобы компенсировать те тяжёлые удары, которые без устали наносила ему в последнее время.

Место, проданное мистеру Айрленду в кассе, оказалось незаконно занятым решительной женщиной, которая отказалась удалиться. Пришлось обратиться к служителям, которые запомнили не только инцидент, но и лицо, и внешний вид джентльмена, ставшего невольной причиной ссоры.

Как только мистер Айрленд смог говорить, он упомянул о произошедшем и назвал лиц, бывших свидетелями этого. И свидетели опознали его – к изумлению, следует признать, как полиции, так и общественности, давно и определённо решивших, что никто *не может* быть виновен, кроме самого управляющего «Английского Провидент-банка». Более того, мистер Айрленд оказался довольно богатым человеком, с хорошим счётом в «Юнион-банке» и изрядными личными средствами – результатом многих лет бережливости и добропорядочной жизни⁶³.

Он легко доказал: если бы у него действительно возникла срочная необходимость в 5000 фунтах (именно столько той ночью извлекли из банковского сейфа), то с помощью имевшихся в

⁶² Напоминаю, что в то время было принято в течение дня передеваться для разных событий: завтрак, ужин, работа, визиты, посещение театра и т. п.

⁶³ Игра слов: «бережливый, предусмотрительный» по-английски – «provident».

его распоряжении ценных бумаг в течение часа он собрал бы вдвое большую сумму. Страхование жизни было полностью оплачено, а максимальный долг не превышал пяти фунтов.

Он помнил, что в ту роковую ночь попросил сторожа не запира́ть дверь в его кабинет, так как собирался написать несколько писем, когда вернётся домой, но позже совершенно забыл об этом. После концерта он встретил сына на Оксфорд-стрит, недалеко от дома, и больше не думал о конторе, дверь которой была заперта, и всё выглядело так же, как и обычно.

Мистер Айрленд категорически отрицал, что находился в конторе в тот час, когда, по утверждению Джеймса Фэйрберна, миссис Айрленд изумлённо произнесла: «Льюис, чем, чёрт возьми, ты занимаешься здесь, да ещё и в темноте?» Таким образом, стало полностью ясно, что и жена управляющего, и сам разговор Джеймсу Фэйрберну просто померещились.

Мистер Айрленд отказался от должности управляющего «Английского Провидент-банка»: как он, так и жена не сомневались в том, что с их именем было связано слишком много разговоров и слишком много злословия, поэтому ясно, что банк не станет держать такого служащего. Кроме того, здоровье мистера Айрленда оказалось подорванным. Теперь у него красивый дом в Ситтингборне, и в часы досуга он развлекается любительским садоводством. А я – единственный в Лондоне (помимо людей, напрямую связанных с этим таинственным происшествием) знаю истинное решение загадки, часто задаваясь вопросом, что из этого известно бывшему управляющему «Английского Провидент-банка».

Старик в углу замолчал. Мисс Полли Бёртон, преисполнившись самонадеянностью, с началом рассказа решила внимательно выслушать все факты и доказательства, которые собеседник изложит ей, и следить за сутью, чтобы попытаться прийти к собственным выводам и сокрушить допотопное пугало своей пронизательностью.

И в результате не произнесла ни слова, поскольку не пришла ни к какому выводу. Действительно, это дело непрестанно поражало и озадачивало публику – с того момента, когда общественное мнение поставило под сомнение честность мистера Айрленда, до тех пор, когда его честность была неопровержимо доказана. Кое-кто подозревал, что настоящей воровкой была миссис Айрленд, но от этой идеи вскоре пришлось отказаться.

Миссис Айрленд не испытывала ни малейшей нужды в средствах. Ограбление произошло полгода назад, и в её кармане за это время не оказалось ни единой банкноты из украденных. Кроме того, у неё должен был быть сообщник, поскольку в ту ночь в кабинете управляющего видели двоих; и если другой был её сообщником, почему она рискнула выдать его, громко заговорив в присутствии Джеймса Фэйрберна, когда намного проще выключить свет и погрузить зал во тьму?

– Вы абсолютно неправы, – прозвучал резкий голос в ответ на мысли Полли, – и рассуждаете совершенно неверно. Если вы хотите овладеть моим методом индукции и улучшить свои мыслительные способности, вам нужно следовать моей системе. Прежде всего полагается установить один абсолютно бесспорный, положительный факт. И двигаться от отправной точки, а не блуждать в лабиринтах предположений.

– Но никаких бесспорных фактов нет, – раздражённо возразила Полли.

– Да неужели? – прошептал Старик. – Разве не бесспорно, что банковский сейф облегли на 5000 фунтов стерлингов вечером 25 марта до половины двенадцатого ночи?

– Да, но и только...

– Разве не бесспорно, – тихо прервал он, – что замок сейфа не взломан и, судя по всему, открыт собственным ключом?

– Я знаю, – огрызнулась мисс Бёртон, – и поэтому все согласились с тем, что Джеймс Фэйрберн не мог...

– И разве не бесспорно, что Джеймс Фэйрберн не мог ничего увидеть сквозь запертую стеклянную дверь перегородки? А также то, что сама миссис Айрленд впустила Джеймса Фэйрберна в кабинет мужа, когда увидела того лежащим в обмороке перед открытым сейфом. Конечно, это был бесспорный факт, и он доказывал любому мыслящему уму: если сейф открыт ключом, это мог сделать только человек, имевший доступ к этому ключу.

– Но человек в личном кабинете управля...

– Совершенно верно! Человек в личном кабинете. С вашего разрешения, продолжу перечисление бесспорных фактов, – усмехнулось забавное создание, отмечая каждую фразу

одним из своих любимых узлов. – Человек, который в ту ночь свободно мог получить доступ к ключу от сейфа, о чём не подозревал ни управляющий, ни даже его жена. Человек, во имя спасения которого миссис Айрленд была готова солгать. Много ли существует мужчин, ради которых англичанка, принадлежащая к высшим слоям среднего класса, согласилась бы лжесвидетельствовать? Разумеется, нет! Она могла бы сделать это для своего мужа. Как и считала общественность. И никому никогда не приходило в голову, что она могла сделать это *для своего сына!*

– Для сына! – воскликнула Полли.

– Ах! Очень умная женщина, – с энтузиазмом воскликнул Старик, – обладающая такими храбростью и присутствием духа, каких мне в жизни не приходилось встречать. Она спускается вниз перед сном, чтобы посмотреть, не пришли ли с последней почтой какие-либо письма. Замечает приоткрытую дверь кабинета мужа, толкает её, и тут, при внезапной вспышке света от торопливо зажжённой спички, она мгновенно понимает, что перед открытым сейфом стоит вор, и этот вор – её собственный сын. В этот момент она слышит шаги сторожа, приближающегося к перегородке. Нет времени предупредить сына; она не знает, что стеклянная дверь заперта; Джеймс Фэйрберн в любую секунду может включить электрический свет и увидеть, как молодой человек грабит хозяйский сейф.

Только одно может успокоить сторожа. Только один человек имел право находиться в кабинете в этот час, и миссис Айрленд без колебаний произносит имя своего мужа.

Имейте в виду, я твёрдо уверен, что тогда бедная женщина хотела всего лишь выиграть время, и у неё оставались надежды на то, что её сын всё-таки не станет возлагать столь тяжкое чувство вины на свою совесть.

Что произошло между ними, мы никогда не узнаем, но нам известно, что молодой злодей сбежал со своей добычей в полной уверенности, что мать никогда не предаст его. Бедная женщина! Что за ночь ей пришлось пережить! Но миссис Айрленд была умной и дальновидной. Она знала, что репутация мужа не должна пострадать из-за её действий. Следовательно, она выбрала единственный доступный ей путь, чтобы спасти сына даже от отцовского гнева, и смело отвергла заявление Джеймса Фэйрберна.

Конечно, она полностью осознавала, что её муж мог легко оправдаться, и худшее, что ей угрожало – впечатление о том, что она считала мужа виновным и пыталась спасти его. И была уверена, что в будущем с неё снимут любые обвинения в соучастии в краже.

К настоящему времени все забыли большую часть обстоятельств; полиция по-прежнему следит за карьерой Джеймса Фэйрберна и расходами миссис Айрленд. И, как вам известно, у неё до сих пор не обнаружили ни одной банкноты из похищенных. Но зато обнаружили несколько штук в других районах Англии. Никто не понимает, как легко обналечивать английские банкноты в небольших *agents de change*⁶⁴ за границей. *Changeurs* всегда рады фунтам; и какая разница, откуда эти деньги берутся, при условии, что они подлинные? Проходит неделя-другая – и почтенный месье *le changeur* уже не может сказать, откуда в его кассе взялись те или иные банкноты.

Вот так. Молодой Роберт Айрленд уехал за границу; когда-нибудь он вернётся, сделав состояние. Вот его фотография. А это его мать – умная женщина, согласны?

И прежде, чем Полли успела ответить, Старик ушёл. Она никогда не видела, чтобы кто-нибудь так быстро передвигался. И всегда оставлял после себя занятый след: кусок верёвки, состоявший из одних узлов, и несколько фотографий.

⁶⁴ *Agents de change* – здесь: меняльные конторы. *Changeurs* – менялы, *le changeur* – меняла (*фр.*).

ГЛАВА XXI

ДУБЛИНСКАЯ ТАЙНА

– Мне всегда казалось, что история этого поддельного завещания столь же интересна, как и всё, что я читал, – заявил в тот день Старик в углу. Некоторое время он в молчании задумчиво разбирал и просматривал пачку маленьких фотографий, лежавших в его записной книжке. Полли догадалась, что некоторые из них сейчас передадут ей для осмотра, и ждать долго не пришлось.

– Это старый Брукс, – сказал Старик, указывая на одну из фотографий, – миллионер Брукс, как его звали, а это два его сына, Персиваль и Мюррей. Любопытный случай, не так ли? Лично я ничуть не удивлён, что полиция села в лужу. Если бы сотрудник этой весьма уважаемой организации оказался столь же умён, как автор поддельного завещания, в нашей стране осталось бы очень мало нераскрытых преступлений.

– Вот почему я всегда пытаюсь убедить вас поделиться с нашей бедной невежественной полицией могуществом вашей проницательности и мудрости, – улыбнулась Полли.

– Я знаю, – мягко ответил он, – что вы очень добры в этом отношении, но я всего лишь любитель. Преступление интересует меня только тогда, когда оно напоминает интеллектуальную игру в шахматы со множеством замысловатых ходов, которые приводят к одному решению: мат антагонисту – детективной силе страны. А теперь признайтесь, что в дублинской загадке сообразительной полиции поставили мат.

– Безусловно.

– Так же, как и общественности. В действительности в одном и том же городе совершили два преступления, которые поставили следователей в тупик: убийство адвоката Патрика Везереда и поддельное завещание миллионера Брукса. В Ирландии не так уж много миллионеров; неудивительно, что старый Брукс являлся в этой категории заметной фигурой, поскольку его бизнес – консервирование бекона – стоил более двух миллионов фунтов стерлингов звонкой монетой.

Его младший сын Мюррей был утончённым, высокообразованным человеком и, кроме того, сокровищем в глазах отца, а также избалованным любимцем дублинского общества; красавец, великолепный танцор и идеальный наездник – желанная цель брачного рынка Ирландии, и многие дома высшей аристократии гостеприимно распахивали двери для любимого сына миллионера.

Конечно, Персивалю Бруксу, старшему сыну, полагалось унаследовать бóльшую часть имущества старика и, вероятно, основную часть бизнеса. Он был ещё красивее, чем брат. Ещё один чудесный танцор, замечательный наездник, обладавший хорошо подвешенным языком – но уже много лет, как матери с дочерьми на выданье оставили все надежды на Персиваля Брукса как на возможного зятя. Увлечение этого молодого человека Мэйзи Фортескью, дамой несомненного обаяния, но с крайне сомнительным прошлым, женщиной, поразившей мюзик-холлы Лондона и Дублина экстравагантными танцами, было слишком давно и слишком хорошо известно, чтобы вызывать какие-либо надежды в других кругах.

Имелись веские сомнения в том, что Персиваль Брукс когда-нибудь женится на Мэйзи Фортескью. Старый Брукс полностью распоряжался всем своим богатством, и Персивалю пришлось бы несладко, если бы он представил неподходящую жену в великолепном особняке Фицуильям-Плейс.

– Вот как обстояли дела, – продолжил Старик в углу, – когда однажды утром дублинское общество узнало с глубоким сожалением и неподдельным унынием, что старый Брукс внезапно скончался в своём доме после всего лишь нескольких часов болезни. Вначале все считали, что его поразил апоплексический удар; во всяком случае, за день до своей смерти, которая произошла поздно вечером 1 февраля, он был здоров и бодр, как всегда.

Утренние газеты 2 февраля сообщили читателям печальную весть, и те же самые газеты содержали другую, ещё более поразительную новость. То, что узнали читатели, стало прелюдией

к серии сенсаций, каких мирный, тихий Дублин не знал уже много лет. В тот самый день, когда скончался величайший миллионер Дублина, мистер Патрик Везеред, его адвокат, был убит в Феникс-парке в пять часов пополудни, когда после визита к клиенту в Фицуильям-Плейс пешком возвращался к себе домой.

Патрик Везеред был так же известен, как пресловутый пуп земли; его таинственная и трагическая смерть повергла в ужас весь Дублин. Шестидесятилетнего юриста ударили по затылку тяжёлой палкой, задушили, а затем ограбили, так как ни денег, ни часов, ни бумажника при нём не нашли. А полиция выяснила, что Патрик Везеред ушёл из дома в два часа дня, и при себе у него были и часы, и бумажник, и, несомненно, деньги.

Провели дознание, и в отношении некоего неустановленного лица или лиц вынесли вердикт о преднамеренном убийстве.

Но Дублин ещё не исчерпал свой запас сенсаций. Миллионера Брукса похоронили с должными пышностью и великолепием, и его завещание было утверждено (к тому времени бизнес и личные сбережения покойного оценивались в два с половиной миллиона фунтов стерлингов) Персивалем Гордоном Бруксом, старшим сыном и единственным душеприказчиком. Младший сын, Мюррей, посвятивший лучшие годы своей жизни тому, чтобы быть другом и помощником отцу, пока Персиваль гонялся за артистками балета и звёздами мюзик-холла – Мюррей, который, по общему признанию, был зеницей отцовского ока – остался с жалкими крохами в 300 фунтов стерлингов в год и без какой-либо доли в гигантском бизнесе дублинской корпорации «Брукс и сыновья», занимавшейся консервированием бекона.

Публика и дублинское общество тщетно пытались понять, что произошло в особняке Бруксов. Пожилые мамы и стыдливые *débutantes*⁶⁵ поспешно изобретали средства, с помощью которых в следующем сезоне им было бы легче проявить холодность к молодому Мюррею Бруксу, столь внезапно превратившемуся в безнадёжно «незавидную партию» на брачном рынке. Однако эти переживания завершились гигантским, ошеломляющим скандалом, обеспечившим пищу для сплетен в каждой дублинской гостиной на последовавшие три месяца.

Мистер Мюррей Брукс подал иск о признании действительным завещания, составленного отцом в 1891 году, заявив, что последнее завещание, составленное в день смерти отца и объявляющее брата единственным душеприказчиком, недействительно и ничтожно, поскольку является подделкой.

⁶⁵ *Débutantes* – дебитантки (*фр.*). Дебитантка – молодая женщина аристократического или высшего семейного происхождения, которая достигла зрелости (брачного возраста) и, как новая взрослая, выходит в общество на официальном «дебютном балу».

ГЛАВА XXII ПОДДЕЛКА

– Факты, всплывшие в связи с этим из ряда вон выходящим происшествием, оказались достаточно загадочными, чтобы всех поставить в тупик. Как я уже упоминал ранее, друзья мистера Брукса не могли поверить, что старик оставил своего любимого сына практически без гроша в кармане.

Видите ли, Персиваль всегда был жалом во плоти⁶⁶ старика. Скачки, азартные игры, театры и мюзик-холлы являлись в глазах старого мясника неисчислимым количеством смертных грехов, которые его сын совершал каждый день всю свою жизнь, и все обитатели Фицуильям-Плейс свидетельствовали о многочисленных и ожесточённых ссорах, возникавших между отцом и сыном из-за долгов последнего в азартных играх и скачках. Многие утверждали, что Брукс-старший скорее оставил бы свои деньги благотворительным организациям, чем увидел бы, что их растрачивают на ярчайших звёзд, украшавших сцену мюзик-холла.

К рассмотрению дела приступили в начале осени. Тем временем Персиваль Брукс прекратил общаться с товарищами по ипподрому, поселился в особняке Фицуильям-Плейс и занялся делами отца без управляющего, но с теми же энергией и расчётливостью, с которыми ранее занимался более недостойными делами.

Мюррей решил не оставаться в старом доме; без сомнения, воспоминания носили слишком свежий и болезненный характер. Он устроился в семье мистера Уилсона Хибберта, партнёра покойного Патрика Везереда, убитого адвоката. Сами Хибберты были тихими, скромными домоседами, обитавшими в убогом домишке на Килкенни-стрит, и бедняга Мюррей, несмотря на своё горе, явно с горечью переживал переход от роскошных покоев в отцовском особняке к нынешней крошечной комнате и незатейливой еде.

Персиваль Брукс, став обладателем дохода более ста тысяч фунтов в год, подвергся жестокой критике за то, что так строго придерживался буквы завещания и выплачивал брату лишь ничтожные 300 фунтов стерлингов – в буквальном смысле слова крошки с собственного великолепного обеденного стола.

Так что рассмотрение этого дела об оспаривании завещания ожидалось с растущим интересом. Тем временем полиция, поначалу казавшаяся достаточно разговорчивой по поводу убийства мистера Патрика Везереда, внезапно проявила странную сдержанность, и эта сдержанность заставила публику волноваться до тех пор, пока однажды «*Айриш Таймс*» не опубликовала следующий неожиданный и загадочный абзац:

Из авторитетных источников, чья осведомлённость не подлежит сомнению, стало известно, что в связи с жестоким убийством выдающегося жителя нашего города мистера Везереда ожидаются некие экстраординарные события. Полиция, по сути, тщетно пытается сохранить в секрете тот факт, что у них имеется улика столь же важная, сколь и сенсационная, и они просто выжидают начала общеизвестного разбирательства в суде по наследственным делам, чтобы произвести арест.

Дублинская публика хлынула в суд, чтобы выслушать аргументы на процессе, обещавшем оставить незабываемый след. Я лично тоже отправился в Дублин. Как только мне удалось пробиться сквозь толпу, я смог оценить актёров разыгрывавшейся драмы. И, как зритель, был готов насладиться ею. Я увидел Персиваля Брукса и Мюррея, его брата – истца и ответчика. Оба красивые и хорошо одетые, и оба старались, не прекращая разговаривать со своими адвокатами,

⁶⁶ Синонимы – «бельмом на глазу», «источником постоянного раздражения». Цитата из *Второго послания к Коринфянам*, 12:3.

казаться равнодушными. На стороне Персиваля Брукса выступал Генри Оранмор, выдающийся ирландский адвокат Короны, а молодой многообещающий барристер Уолтер Хибберт, сын Уилсона Хибберта, защищал интересы Мюррея⁶⁷.

Мистер Хибберт-младший объявил, что завещание, датированное 1891 годом, было составлено мистером Бруксом во время тяжёлой болезни, угрожавшей прервать его жизнь. Это завещание было передано на хранение поверенным Везереду и Хибберту. Согласно ему, мистер Брукс разделил свои личные средства поровну между двумя сыновьями, но полностью оставил бизнес младшему сыну с выплатой Персивалю 2000 фунтов в год. Поэтому, как вы понимаете, Мюррей Брукс был крайне заинтересован в том, чтобы второе завещание признали недействительным.

Старый мистер Хибберт умело проинструктировал сына, так что вступительная речь Уолтера Хибберта была яркой и логичной. Он заявил от имени своего клиента, что завещание от 1 февраля 1908 года никак не могло быть составлено покойным мистером Бруксом, поскольку полностью противоречило ранее заявленным намерениям, но даже если мистер Брукс в тот день и составил какое-то новое завещание, то определён*но не в пользу* мистера Персиваля Брукса, и поэтому то, что предъявлено – абсолютный подлог от начала до конца. Мистер Уолтер Хибберт собирался вызвать нескольких свидетелей в поддержку обоих заявлений.

С другой стороны, мистер Генри Оранмор веско и вежливо ответил, что у него тоже имеется несколько свидетелей, и он собирается доказать, что мистер Брукс вне всяких сомнений составил завещание в тот день, о котором идёт речь, и что, какими бы ни были его намерения в прошлом, он, очевидно, изменил их в день своей смерти, так как завещание *в пользу* мистера Персиваля Брукса было найдено после смерти завещателя под его подушкой, должным образом подписанное и засвидетельствованное, и во всех отношениях является законным.

И грянула нешуточная битва. Обе стороны предъявили массу свидетелей, чьи показания были более-менее важными; в основном – менее. Но интерес сосредоточился на прозаической фигуре Джона О'Нила, дворецкого в Фицуильям-Плейс, служившего семье мистера Брукса в течение тридцати лет.

«Я прибирался после завтрака, – давал показания Джон, – и случайно услышал голос хозяина в кабинете неподалёку. О Боже, он был так зол! Я разобрал слова «позор», «злодей», «лжец» и «танцорка», и ещё несколько скверных слов применительно к какой-то женщине, которые я не хотел бы повторять. Сначала я не обращал особого внимания, потому что привык слышать, как мой бедный дорогой хозяин разговаривает с мистером Персивалем. Затем я спустился вниз, неся столовые приборы, и только начал чистить серебро, как из кабинета раздался сильный звонок, и я услышал, что мистер Персиваль кричит в холле: «Джон! скорее! Немедленно пошлите за доктором Маллиганом. Вашему хозяину плохо! Пошлите слугу, а сами поднимитесь и помогите мне уложить мистера Брукса в постель».

«Я послал одного из конюхов за доктором, – продолжал Джон, явно потрясённый воспоминанием о бедном хозяине, к которому, похоже, был сильно привязан, – а сам отправился к мистеру Бруксу. Он лежал на полу в кабинете, мистер Персиваль поддерживал его голову. «Отец упал в обморок, – выпалил молодой мастер⁶⁸, – помогите мне отнести его в комнату до прихода доктора Маллигана».

Мистер Персиваль выглядел очень бледным и расстроенным, что вполне естественно; когда мы уложили бедного хозяина в постель, я спросил, не сообщить ли мне эту новость мистеру Мюррею, который час назад ушёл по делам. Однако прежде, чем мистер Персиваль успел отдать

⁶⁷ Все адвокаты Британии разделяются на две большие группы: собственно адвокаты — барристеры и стряпчие — атторнеи и солиситоры. Барристеры ведут дела и произносят речи пред судом, в отличие от солиситоров и атторнеев, уполномоченных лишь к подаче бумаг и документов. Адвокат Короны - титул, используемый в Великобритании для государственного обвинителя. В бывших британских колониях и некоторых британских экстерриториальных судах этот титул используется старшим государственным адвокатом.

⁶⁸ Мастер – это английское почётное (и почтительное) обращение к мальчикам и юношам.

мне приказ, появился доктор. Я отчётливо видел смерть на лице хозяина, и когда через час провожал доктора (который сказал мне, что немедленно вернётся), то понял, что конец близок.

Мистер Брукс позвонил мне через минуту-другую. И приказал мне тотчас послать за мистером Везерedom или за мистером Хиббертом, если мистер Везеред не сможет приехать. «Мне осталось недолго жить, Джон, – прошептал он мне, – моё сердце разбито, доктор говорит, что моё сердце разбито. Мужчине не следует жениться и иметь детей, Джон, потому что они рано или поздно разобьют ему сердце». Я был так расстроен, что и слова не вымолвил в ответ, но сразу же послал за мистером Везерedom, который пришёл примерно в три пополудни.

После того, как поверенный пробыл с моим хозяином около часа, меня позвали, и мистер Везеред сообщил мне: мистер Брукс желает, чтобы я вместе с кем-нибудь из слуг засвидетельствовал его подпись на бумаге, лежавшей на столе. Я позвал Пэта Муни, старшего лакея, и мистер Брукс поставил своё имя в конце того документа. Затем мистер Везеред дал мне ручку и сказал, чтобы я написал своё имя в качестве свидетеля, и Пэт Муни должен был сделать то же самое. После этого нас обоих отпустили».

Старый дворецкий далее сообщил, что на следующий день присутствовал в комнате покойного хозяина, и когда гробовщики начали перекладывать мертвеца, то под его подушкой обнаружили лист бумаги. Джон О'Нил узнал документ, подписанный им накануне, отнёс его мистеру Персивалю и отдал лично в руки.

Отвечая мистеру Уолтеру Хибберту, Джон твёрдо заявил, что взял завещание из рук гробовщика и сразу отправился с ним в комнату мистера Персиваля.

«Он был один, – произнёс Джон, – я передал ему бумагу. Мистер Персиваль просто взглянул на неё, и мне показалось, что он сильно удивился, но ничего не сказал, и я сразу же вышел из комнаты».

«Вы говорите, что опознали документ как тот, который накануне подписал ваш хозяин, но как вы узнали, что это тот же самый документ?» – спросил мистер Хибберт. Зрители затаили дыхание. Я впился взглядом в лицо свидетеля.

«Мне показалось, что это тот же документ, сэр», – неопределённо ответил Джон.

«Значит, вы просмотрели содержание?»

«Нет, сэр, конечно, нет».

«А накануне?»

«Нет, сэр, я видел только подпись хозяина».

«Значит, вы только *по внешнему виду* документа решили, что это тот же самый?»

«Он выглядел точно так же, сэр», – упорствовал Джон.

– Видите ли, – Старик в углу порывисто наклонился вперёд через узкий мраморный стол, – адвокат Мюррея Брукса утверждал, что мистер Брукс-старший составил завещание и спрятал его – по той или иной причине – под подушкой. Так вот, это завещание попало с помощью средств, описанных Джоном О'Нилом, в руки мистера Персиваля Брукса, который уничтожил его и заменил на поддельное, в результате чего стал единоличным владельцем миллионов мистера Брукса. Ужасное и весьма смелое обвинение, направленное против джентльмена, который, несмотря на многочисленные сумасбродства, совершённые в юности, всё-таки являлся заметной и важной фигурой в ирландской светской жизни.

Присутствующих ошеломило услышанное, и комментарии, шёпотом доносившиеся до меня, демонстрировали, что общественное мнение, как минимум, не поддерживает смелые обвинения мистера Мюррея Брукса в адрес брата.

Но Джон О'Нил ещё не закончил давать показания, и мистер Уолтер Хибберт приберёт для него джокера в рукаве. А именно: предъявил завещание в пользу мистера Персиваля Брукса и ещё раз спросил Джона О'Нила, узнаёт ли он этот документ.

«Разумеется, сэр, – без колебаний ответил Джон. – Это тот самый, что гробовщик нашёл под подушкой моего бедного покойного хозяина. Я немедленно отнёс его в комнату мистера Персиваля».

Затем бумагу развернули и положили перед свидетелем.

«Теперь, мистер О'Нил, скажите мне: это ваша подпись?»

Джон бросил на неё взгляд, пробормотал: «Извините, сэр», достал очки, протёр их и снова исследовал завещание. После чего задумчиво покачал головой.

«Не очень похоже на мою подпись, сэр, – произнёс он наконец. – То есть, – добавил он для разъяснения вопроса, – действительно похожа на мою, но всё-таки не моя».

– Выражение лица мистера Персиваля Брукса в тот миг, – тихо продолжил Старик в углу, – тут же развернуло передо мной историю ссоры, болезни мистера Брукса, завещания, да! и самого убийства Патрика Везереда.

Я недоумевал, почему эти учёные адвокаты с обеих сторон не поняли разгадки так же, как я, а продолжали спорить, произносить речи, подвергать свидетелей перекрёстным допросам в течение чуть ли не недели, пока они не пришли к единственному выводу, неизбежному с самого начала: завещание было *подделкой* – грубой, неуклюжей, идиотской подделкой, поскольку оба свидетеля, Джон О'Нил и Пэт Муни, категорически отвергли подлинность своих подписей. Единственной удачей фальсификатора была подпись старого мистера Брукса.

Ещё один любопытный факт, который, несомненно, помог фальсификатору успешно справиться со своей работой: мистер Везеред, адвокат, чётко осознавая, что мистеру Бруксу недолго осталось, не стал создавать традиционный объёмный великолепный документ, столь дорогой сердцу юриста, но использовал для завещания одну из тех заурядных печатных форм, которые можно купить в любом канцелярском магазине.

Мистер Персиваль Брукс, безусловно, категорически отрицал серьёзное обвинение, выдвинутое против него. Он признал, что дворецкий принёс ему документ на следующее утро после смерти отца, и его потрясло, что этот документ оказался завещанием отца. Но, вопреки этому, заявил, что содержание не удивило его ни в малейшей степени, и что он сам знал о намерениях завещателя, но полагал, что отец назначит душеприказчиком мистера Везереда, который вёл все его дела.

«Я лишь бегло взглянул на подпись, – заключил он совершенно спокойным, ясным голосом. – Вы должны понимать, что мысль о подделке даже не пришла мне в голову. Подпись отца очень хорошо изображена, если это не его собственная, чему я совершенно не готов поверить. Что касается подписей двух свидетелей, не думаю, что я когда-либо видел их раньше. Я отнёс документ господам Баркстону и Моду, которые раньше часто вели мои дела, и они заверили меня, что завещание составлено в идеальной форме и находится в порядке».

На вопрос, почему мистер Персиваль не доверил завещание адвокатам отца, он ответил:

«По той простой причине, что ровно за полчаса до того, как завещание передали мне в руки, я прочитал, что мистера Патрика Везереда убили накануне вечером. С мистером Хиббертом, младшим партнёром, я не был лично знаком».

После этого – ради проформы – заслушали большое количество экспертных заключений по поводу подписи покойного. Но они были совершенно единодушны и просто подтвердили то, что уже установили вне всяких сомнений: завещание от 1 февраля 1908 года – подделка, и поэтому завещание от 1891 года является действительным, а мистер Мюррей Брукс – единственным душеприказчиком.

ГЛАВА XXIII ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

– Два дня спустя полиция выдала ордер на арест мистера Персиваля Брукса по обвинению в подделке документов.

Корона возбудила судебное преследование, и мистер Брукс снова получил поддержку мистера Оранмора, известного адвоката Короны. Совершенно спокойный, как человек, сознающий свою невиновность и неспособный воспринять идею о том, что правосудие иногда способно ошибаться, мистер Брукс, сын миллионера, по-прежнему обладавший изрядным состоянием по прежнему завещанию, оказался на скамье подсудимых. Тот памятный октябрьский день 1908 года, несомненно, до сих пор живёт в памяти многочисленных друзей мистера Персиваля.

Все доказательства в отношении последних минут жизни мистера Брукса и поддельного завещания проверили заново. Завещание, как утверждала Корона, было сфальсифицировано полностью в пользу обвиняемого, исключая всех остальных, и потому очевидно, что ни у кого, кроме бенефициара (согласно этому ложному завещанию), не имелось никакого мотива для его подделки.

Очень бледный, с хмурым взглядом глубоко посаженных красивых ирландских глаз, Персиваль Брукс выслушивал огромный объём доказательств, собранных против него Короной.

Иногда он перебрасывался парой слов с мистером Оранмором, который казался невозмутимее каменной скульптуры. Вы когда-нибудь видели Оранмора в суде? Персонаж, достойный Диккенса. Ярко выраженный акцент, толстое, пухлое, чисто выбритое лицо, не всегда безупречно чистые большие руки могли привести в восторг любого карикатуриста. Вскоре выяснилось, что он полагался на вердикт в пользу своего клиента на основании двух существенных моментов, и сосредоточил всё своё мастерство на доказательстве их истинности.

Первым моментом был вопрос времени, Джон О'Нил, допрошенный Оранмором, без колебаний заявил, что передал завещание мистеру Персивалю в одиннадцать часов утра. После этого выдающийся адвокат вызвал в ложу для дачи свидетельских показаний тех самых юристов, в руки которых обвиняемый незамедлительно передал завещание. И мистер Баркстон, известный солиситор с Кинг-стрит, твёрдо заявил, что мистер Персиваль Брукс посетил его контору без четверти двенадцать. Два его клерка подтвердили указанное время. Вследствие вышеизложенного мистер Оранмор утверждал, что в течение трёх четвертей часа мистер Брукс *физически не мог успеть* отправиться в магазин канцелярских товаров, купить форму для завещания, скопировать почерк мистера Везереда, подпись своего отца, а также подписи Джона О'Нила и Пэта Муни.

Подобную цепь событий следовало запланировать, организовать, воплотить в жизнь и, в конечном счёте, после немалых затруднений, успешно исполнить, но человеческий разум слабо верил в такую возможность.

Судья обеспокоился. Выдающийся адвокат поколебал, но не обрушил его веру в виновность заключённого. Однако оставался ещё один факт, и Оранмор с мастерством драматурга приберегал его для обнародования под самый занавес.

Отмечая малейшие изменения выражения лица судьи, он догадался, что его клиент ещё не находится в полной безопасности, и только после этого представил своих последних свидетелей.

Первой из них была Мэри Салливан, горничная в особняке Фицуильям. Первого февраля кухарка послала её в четверть пятого в комнату хозяина с горячей водой, которую потребовала медсестра. В тот миг, когда она собралась постучать в дверь, мистер Везеред вышел из комнаты. Мэри застыла с подносом в руке. В дверях мистер Везеред повернулся и достаточно громко сказал: «Не нужно волноваться и тревожиться, постарайтесь успокоиться. Ваше завещание находится в безопасности у меня в кармане. Ничто и никто не сможет изменить в нём ни единой буквы, кроме вас».

Безусловно, встал закономерный вопрос: можно ли принять показания горничной. Достаточно щекотливый момент. Видите ли, она цитировала слова мёртвого человека, сказанные другому человеку, также покойному. Нет никаких сомнений в том, что при наличии достаточно веских доказательств против Персиваля Брукса показания Мэри Салливан ничего не значили бы; но, как я уже упоминал ранее, вера судьи в виновность подсудимого к тому времени была серьёзно поколеблена, а последний удар, нанесённый мистером Оранмором, развеял последние сомнения.

Мистер Оранмор вызвал в ложу для дачи показаний доктора Маллигана – врача с безупречным авторитетом, фактически лучшего в Дублине. Сказанное им практически подтвердило показания Мэри Салливан. Он появился у мистера Брукса в половине пятого и услышал, что адвокат только что покинул дом.

Мистер Брукс, несмотря на ужасную слабость, был спокоен и вполне собран. Он умирал от сильнейшего сердечного приступа, и доктор Маллиган предвидел скорый конец. Но мистер Брукс по-прежнему оставался в сознании и сумел слабо пробормотать: «Мне гораздо легче, доктор... составил моё завещание... Везеред... оно у него в кармане... там безопасно... укрыто от...» Но слова замерли у него на губах, и после этого он почти ничего не говорил. Он увиделся с сыновьями перед смертью, но вряд ли узнал их, и даже не смотрел на них.

– Ну вот, – заключил Старик в углу, – сами понимаете, что судебное преследование провалилось. Оранмор выбил у него землю из-под ног. Конечно, завещание было сфабриковано в пользу Персиваля Брукса, и никто другой не мог получить от этого выгоды. Знал ли он о подлоге и потворствовал ли ему – доказать не удалось. Какие бы слухи ни ходили, но было невозможно опровергнуть все факты, указывающие на невиновность мистера Персиваля в подделке. Показания доктора Маллигана не вызывали ни малейших сомнений. Показания Мэри Салливан были столь же убедительны.

Два свидетеля клятвенно заверили, что завещание старого Брукса находилось в ведении мистера Везереда, когда сей джентльмен покинул особняк Фитцуильям в четверть пятого. В пять часов пополудни адвоката нашли мёртвым в Феникс-парке. С четверти пятого до восьми часов вечера Персиваль Брукс не покидал дома – Оранмор доказал это полностью, не оставляя почвы для сомнений. Поскольку завещание, найденное под подушкой старого Брукса, было поддельным, где же завещание, которое он на самом деле составил, и которое Везеред унёс с собой в кармане?

– Конечно, украдено, – усмехнулась Полли, – теми, кто убил и ограбил его. Скорее всего, оно не имело для них никакого значения, но воры, естественно, уничтожили его, чтобы не оставлять против себя улики.

– Значит, по-вашему, это простое совпадение? – взволнованно перебил Старик.

– Что именно?

– То, что Везеред убили и ограбили в тот самый момент, когда он нёс завещание в кармане, а вместо него подбросили другое?

– Если бы это оказалось *совпадением*, то поистине удивительным, – задумчиво протянула Полли.

– Удивительным, – повторил Старик с едким сарказмом, при этом костлявые пальцы не прекращали нервно играть с неизбежным обрывком верёвки. – Действительно, удивительным. Призадумайтесь. Перед нами – старик со всем своим богатством и двумя сыновьями, одному из которых он предан, а с другим – непрестанно ссорится. Однажды происходит ссора более жестокая, более ужасная, чем любые из ранее имевших место, в результате чего у отца, убитого горем, случается сердечный приступ, и он оказывается при смерти. После этого он изменяет своё завещание, и впоследствии находят завещание, которое оказывается подделкой. И тогда все – полиция, пресса и общественность – мгновенно приходят к выводу, что, поскольку выгоду из этого поддельного завещания извлекает Персиваль Брукс, он и должен быть фальсификатором.

– Ищите того, кому выгодно преступление – ваша собственная аксиома, – заявила девушка.

– Прошу прощения?

– Персиваль Брукс получил два миллиона фунтов.

– Прошу прощения. Ничего подобного. Ему осталось меньше половины той доли, которую унаследовал его младший брат.

– Теперь – да; но по прежнему завещанию...

– И само завещание было так неуклюже подделано, подпись так небрежно имитирована, что подделку неизбежно обнаружили бы. Разве *это* вас не поразило?

– Да, но...

– Никаких «но», – прервал Старик. – С самого начала для меня всё было ясно, как Божий день. Ссора, разбившая сердце мистера Брукса-старшего, произошла не со старшим сыном, с которым он давно привык ссориться, а с *младшим*, которого он боготворил, в которого верил. Разве вы не помните, как Джон О'Нил услышал слова «лжец» и «позор»? Персиваль Брукс никогда не обманывал отца. Все его грехи были на поверхности. А Мюррей вёл тихую жизнь, потворствовал своему отцу и заискивал перед ним, пока, как и большинство лицемеров, не был внезапно изобличён. Кто знает, какой жуткий игровой долг или долг чести, внезапно открывшийся старому Бруксу, был причиной той последней и смертельной ссоры?

Вспомните: именно Персиваль остался рядом с отцом и отнёс его в комнату. Но где же был Мюррей в тот долгий и мучительный день, когда его отец лежал при смерти – идеальный сын, зеница ока старика? В тот день его имя не упоминалось. Он знал, что смертельно оскорбил отца и тот собирается оставить его без гроша. Он знал, что послали за мистером Везерedom, и что Везеред покинул дом в начале пятого.

И вот тут проявляется сообразительность Брукса-младшего. Он подстерг Везереда в парке и ударил его палкой по затылку, но не мог заставить завещание исчезнуть. Оставался слабый шанс на то, что другие свидетели знали о новом завещании – партнёр мистера Везереда, его клерк, кто-то из слуг. Поэтому завещание после смерти старика полагалось обнаружить.

Далее, Мюррей Брукс не был искусным фальсификатором; требуются годы обучения, чтобы стать таким. Подложное завещание, выполненное им самим, обязательно обнаружат – да, именно так, обязательно обнаружат. Но подделка будет явной, грубой – и тогда её посчитают не имеющей силы, заклеят фальшивкой, а действительным признают первоначальное завещание 1891 года, столь благоприятное для интересов молодого негодяя. Было ли это коварством или просто дополнительной предосторожностью – то, что Мюррей так вызывающе подделал завещание в пользу Персиваля? Трудно сказать.

Во всяком случае, это – самый умный штрих во всём изумительно продуманном преступлении. Спланировано злодеяние великолепно, исполнено – с достаточной лёгкостью. У Мюррея имелось несколько часов свободного времени для подготовки поддельного документа. А подсунуть его ночью под подушку мертвеца – проще простого. Кошунство не вызывает содрогания у таких натур, как Мюррей Брукс. Оставшаяся часть драмы вам уже известна...

– А как же Персиваль Брукс?

– Присяжные вынесли вердикт – «невиновен». Против него не было никаких улик.

– А деньги? Неужто мерзавец до сих пор не прикоснулся к ним?

– Нет, прикоснулся, и даже очень, но он умер около трёх месяцев назад, и забыл принять меры предосторожности и составить завещание, так что бизнес всё-таки перешёл к его брату Персивалю. Если вы когда-нибудь поедете в Дублин, я бы посоветовал вам заказать бекон Брукса. Очень вкусный.

ГЛАВА XXIV БЕСПРЕЦЕДЕНТНОЕ НАСИЛИЕ

– Любите морские курорты? – спросил Старик в углу, закончив ланч. – Я имею в виду не побережье Остенде или Трувилля, но честное английское побережье с негритянскими менестрелями, трёхшиллинговыми туристами и грязными, дорогими меблированными квартирами, где с вас берут шиллинг за газ в холле по воскресеньям и шесть пенсов в другие вечера. Вас это интересует?

– Я предпочитаю деревню.

– Ах! Возможно, вы и правы. Лично мне один из наших английских приморских курортов понравился только однажды, и длилось это всего неделю – когда Эдвард Скиннер предстал перед судом по обвинению в так называемом «Брайтонском насилии». Не знаю, помните ли вы тот памятный день в Брайтоне – памятный для элегантного городка, больше связанного с развлечениями, чем с загадками – когда исчез мистер Фрэнсис Мортон, один из самых известных жителей. Да! Исчез так же бесследно, как исчезает дама на сцене мюзик-холла. Он был богат, имел хороший дом, слуг, жену и детей – и исчез. От этого никуда не деться.

Мистер Фрэнсис Мортон жил со своей женой в Брайтоне, в одном из больших домов на Сассекс-сквер в районе Кемп-таун. Миссис Мортон славилась американизмом, чванными зваными ужинами и красивыми парижскими платьями. Она была дочерью одного из множества американских миллионеров (кажется, её отец был чикагским мясником), которые любезно обеспечивают английским джентльменам богатых жён. Миссис Мортон вышла замуж за мистера Фрэнсиса Мортон несколько лет назад и принесла ему четверть миллиона по единственной причине: она влюбилась в него. Сам он не был ни красивым, ни выдающимся; фактически – одним из тех мужчин, у которых на лице явственно проступает слово «СИТИ».

Он был джентльменом с устоявшимися привычками, каждое утро ездил в Лондон по делам и каждый вечер возвращался на «поезде мужей»⁶⁹. И настолько привержен этим привычкам, что вся прислуга в доме на Сассекс-сквер принялась без устали сплетничать по поводу того факта, что в среду, 17 марта, хозяин не появился дома к ужину. Хейлз, дворецкий, заметил, что «хозяйка явно разволновалась, так что за столом ей кусок в горло не лез». Вечер продолжался, а мистер Мортон не появлялся. В девять вечера молодого лакея отправили на станцию выяснить, не видели ли там его хозяина, или – упаси Господи – не произошла ли авария на линии. Юноша опросил двух-трёх носильщиков, книжного киоскёра и билетного кассира; все единодушно утверждали, что мистер Мортон не уезжал в Лондон в течение дня, что его не видели в окрестностях станции, и что уж точно, не приходило никаких сообщений о происшествиях ни на верхней, ни на нижней линии.

Утром 18-го в дверь постучал лишь почтальон⁷⁰, и всё: ни мистера Мортон, ни каких-либо сведений о нём или новостей от него. Миссис Мортон, скверно выглядевшая и разбитая после бессонной ночи, отправила телеграмму портье в холле большого здания на Кэннон-стрит, где

⁶⁹ Как вы помните, в то время работали в основном мужчины, мужья, а уделом женщины было домашнее хозяйство. Поскольку работа начиналась и заканчивалась в определённое время, то и мужчины ездили на определённых поездах. Отсюда и прозвище.

⁷⁰ В доброй старой Англии в дверь было принято стучать дверным молотком. Английский дверной молоток на самом деле представлял собою подвесную ручку-скобку или кольцо с особым выступом для стука. Утверждают, что грамотно пользоваться им умели только истинные британцы – а по характеру стука сразу было понятно, к какому классу общества принадлежит тот, кто стоит перед дверью. Благородный посетитель возвещал о себе «художественно» и непринуждённо, а слуга колотил старательно и вовсю. Просители и нищие делали это робко; почтальон стучал два раза (эта традиция в Объединённом Королевстве сохранилась до сих пор), но палочкой, которую носил с собой. Торговцы и разносчики заказов звонили в особый звонок, проведённый в помещение для прислуги, не тревожа хозяев. Ну, а стук самого хозяина – если он почему-то решил постучать – прислуга и домочадцы узнали бы в любом случае.

находилась контора её мужа. И через час получила ответ: «Вчера мистера Мортон не видели весь день, сегодня – тоже». К полудню все в Брайтоне знали, что некий житель таинственным образом исчез из города или в самом городе.

Прошло два дня, затем ещё один, а мистер Мортон по-прежнему отсутствовал. Полиция предпринимала всё возможное. Джентльмен был настолько хорошо известен в Брайтоне – поскольку проживал там два года – что не составило ни малейшего труда установить следующий факт: он не выезжал из города, так как никто не видел его на вокзале ни утром 17-го, ни в любое другое время с того дня. Город взволновался. Сначала пресса взяла шуточный тон. «Где же мистер Мортон?» – вопрошали вечерние газеты. Но по прошествии трёх дней, когда о достойном жителе Брайтона, как и раньше, ничего не было слышно, а миссис Мортон с каждым часом выглядела всё более измученной и измождённой, лёгкое беспокойство сменилось тревогой.

Появились смутные намёки на нечестную игру. Просочились новости, что пропавший джентльмен в день своего исчезновения имел при себе крупную сумму денег. Ходили также неясные слухи о скандале, связанном с самой миссис Мортон и её прошлым, о котором ей, тревожась за мужа, пришлось рассказать детективу, ведущему дело.

Зато в субботу в вечерних газетах появились следующие новости:

Действуя на основании полученных сведений, полиция сегодня ворвалась в один из номеров Рассел-Хауса, высококлассного особняка с меблированными комнатами на Кингс-Парад, где и обнаружила нашего пропавшего известного горожанина, мистера Фрэнсиса Мортон, которого ограбили, а затем заперли в этой комнате в среду, 17-го. Когда мистера Мортон нашли, он находился в последней стадии истощения. Его привязали к креслу верёвками. Рот замотали толстой шерстяной шалью. Поистине, это настоящее чудо, что, оставшись без еды и страдая от нехватки воздуха, несчастный джентльмен пережил ужасы четырёх дней заключения.

Пострадавшего доставили в его дом на Сассекс-сквер, и мы рады сообщить, что поспешивший на помощь доктор Меллиш заявил: пациенту не угрожает серьёзная опасность, а отдых и надлежащий уход вскоре вернут его к жизни.

Одновременно наши читатели с безграничным удовлетворением узнают, что полиция нашего города, как всегда, проникательная и деятельная, уже раскрыла личность и местонахождение трусливого головореза, совершившего это беспрецедентное насилие.

ГЛАВА XXV ОБВИНЯЕМЫЙ

– Сам не знаю, – мягко продолжил Старик в углу, – что именно заинтересовало меня в этом деле с самого начала. Конечно, в нём не было ничего особенного или загадочного, но я поехал в Брайтон, поскольку чувствовал, что за необычным нападением – без сомнения, случившимся после ограбления – кроется нечто более глубокое и тонкое.

Должен сказать: полиция разрешила свободно сообщать всем интересующимся, что у неё имеется ключ к разгадке. Достаточно легко установили, кто был квартирантом, снимавшим меблированную комнату в Рассел-Хаусе. Некий Эдвард Скиннер снял комнату около двух недель назад, но уехал якобы на два-три дня как раз в день таинственного исчезновения мистера Мортон. 20-го числа мистера Мортон нашли, а через тридцать шесть часов общественность с удовольствием узнала, что мистера Эдварда Скиннера выследили в Лондоне и арестовали по обвинению в нападении на мистера Фрэнсиса Мортон и изъятии у того суммы в 10 000 фунтов стерлингов.

Затем к и без того ошеломляющему делу добавилась сенсация – поразительное заявление о том, что мистер Фрэнсис Мортон отказался предъявлять обвинение⁷¹.

Но этим делом, натурально, занялось министерство финансов, и оно вызвало в суд мистера Мортон в качестве свидетеля, так что сей джентльмен – пусть даже он хотел замять дело или каким-либо образом был запуган требованием поступить так – ничего не выиграл от своего отказа, за исключением дополнительного любопытства публики и нарастания сенсационности таинственного происшествия.

Ну вот, всё это меня заинтересовало и привело в Брайтон 23 марта, чтобы увидеть, как арестованный Эдвард Скиннер предстал перед судьёй⁷². Замечу, что он был вполне заурядным субъектом. Белокурый, румяный, курносый, с намечающейся лысиной – в общем, олицетворение зажиточного, скучного «джентльмена из Сити».

Я перебросился парой слов с соседями по зрительской ложе и догадался, что красивая и стильная женщина, сидевшая рядом с мистером Реджинальдом Пеписом, известным адвокатом Короны – миссис Мортон.

В суде собралась огромная толпа, и я слышал шёпот, доносившийся со стороны женщин – болтовню о красоте платья миссис Мортон, ценности её большой разукрашенной шляпы и великолепии бриллиантовых колец.

Полиция представила все необходимые доказательства в отношении нахождения мистера Мортон в комнате в Рассел-Хаусе, а также ареста Скиннера в отеле «Лэнгэм» в Лондоне. Подсудимого, казалось, совершенно ошеломило обвинение. Он заявил, что, хотя он и знаком (немного) с мистером Фрэнсисом Мртоном по делам, но ничего не знает о его личной жизни.

«Подсудимый уверял, – продолжал инспектор Бакл, – будто даже не знал, что мистер Мортон живёт в Брайтоне, но у меня есть доказательства, которые я представлю вашей чести: в день похищения в 9.30 утра его видели в обществе мистера Мортон».

При перекрёстном допросе, который проводил адвокат обвиняемого, мистер Мэтью Квиллер, детектив-инспектор, признал: подсудимый просто сказал, что не знал, что мистер Мортон является жителем Брайтона, но никогда не отрицал, что встречал его там.

Свидетелем – вернее, свидетелями – полиции были два брайтонских торговца, знавшие мистера Мортон в лицо и видевшие, как утром 17-го числа он шёл рядом с обвиняемым.

У мистера Квиллера не оказалось никаких вопросов к свидетелям, и было понятно, что подсудимый не желал опровергать их показания.

⁷¹ В ряде случаев человек, совершивший преступление (или подозревающийся в этом) может не привлекаться к суду, если жертва не выдвигает обвинения.

⁷² В оригинале Старик использует жаргонное слов «beak», «клюв». Помните роман «Оливер Твист»?

Констебль Хартрик поведал об обнаружении несчастного мистера Мортон после четырёхдневного заключения. Констебль получил приказ от главного инспектора после неких сведений, предоставленных миссис Чепмен, хозяйкой Рассел-Хауса. Он обнаружил, что дверь заперта, и взломал её. Мистер Мортон сидел в кресле, свободно обвязанный несколькими ярдами верёвки; он был почти без сознания, а нижнюю часть лица замотали толстой шерстяной шалью, чтобы бедный джентльмен не мог ни крикнуть, ни застонать. У констебля сложилось впечатление, что мистер Мортон был либо под воздействием лекарств, либо оглушён до нападения, что вызвало помрачение сознания и не позволило пленнику дать о себе знать или освободиться от пут, крайне неуклюже и явно поспешно обвитых вокруг тела.

Вызванный в суд врач, а также доктор Меллиш, пользовавший мистера Мортон, сообщили, что он выглядел одурманенным неким лекарством, а также, конечно, ужасно слабым и терявшим сознание от голода.

Первым действительно важным свидетелем стала миссис Чепмен, владелица Рассел-Хауса, чьё заявление, полученное полицией, помогло найти мистера Мортон. На вопрос мистера Пеписа она ответила, что 1 марта обвиняемый появился в её доме и назвался мистером Эдвардом Скиннером.

Он сказал, что ему нужна меблированная комната за умеренную арендную плату для постоянного проживания, с полным обслуживанием, когда он будет дома, но добавил, что часто будет отсутствовать в течение двух-трёх дней, а то и дольше.

«Он объяснил мне, что путешествует по чайным домикам, – продолжила миссис Чепмен, – и я показала ему гостиную на третьем этаже, так как он не хотел платить больше двенадцати шиллингов в неделю. Я попросила у него рекомендации, но он вложил мне в руку три соверена и со смехом произнёс, что, по его мнению, оплата комнаты за месяц вперёд является достаточной рекомендацией; а если по истечении этого срока он не понравится мне как жилец, то я могу предупредить его о выселении за неделю».

«Вы не спросили его, как называется фирма, организовавшая путешествие?» – спросил мистер Пепис.

«Нет, вполне хватило того, что он заплатил мне за комнату. На следующий день мистер Скиннер отправил багаж и поселился в комнате. По утрам он уезжал по делам, но в субботу и воскресенье всегда находился в Брайтоне. 16-го он сказал мне, что собирается в Ливерпуль на пару дней, переночевал в доме, а рано утром 17-го ушёл, взяв с собой чемодан».

«Когда именно?» – спросил мистер Пепис.

«Я не могу сказать точно, – неуверенно ответила миссис Чепмен. – Сейчас не сезон. Ни одна из моих комнат не сдаётся, кроме той, которая принадлежит мистеру Скиннеру, и у меня только одна служанка. Но летом, осенью и зимой у меня целых четыре, – добавила она с осознанной гордостью, опасаясь, что её прежнее заявление может нанести ущерб репутации Рассел-Хауса. – Я думала, что мистер Скиннер ушёл около девяти часов, но примерно через час, когда мы с горничной были в подвале, то услышали, как с грохотом открылась и закрылась входная дверь, а затем шаги в холле».

«Это мистер Скиннер», – заметила Мэри. «Так оно и есть, – согласилась я, – хотя я думала, что он ушёл час назад». «Нет, он действительно уходил, – возразила Мэри, – потому что оставил дверь спальни открытой, и я зашла в номер, чтобы застелить кровать и привести в порядок комнату». «Просто пойди и посмотри, не он ли это, Мэри», – завершила я разговор, и Мэри побежала в холл, поднялась по лестнице и, вернувшись, сообщила мне, что это действительно мистер Скиннер, и он направился прямо к себе в комнату. Мэри не видела его, но с ним был ещё один джентльмен, и она слышала, как они разговаривают в комнате мистера Скиннера».

«Так что вы не можете сказать нам, когда подсудимый снова вышел из дома?»

«Нет, не могу. Вскоре после этого я отправилась за покупками. Когда я вернулась, было уже двенадцать. Я поднялась на третий этаж и обнаружила, что мистер Скиннер запер дверь и забрал ключ. Я знала, что Мэри уже прибралась там, и не стала заходить внутрь, хотя очень удивилась, что джентльмен заглядывал к себе в комнату, но не оставил мне ключ».

«И, конечно, тогда вы не слышали никакого шума внутри?»

«Нет. Ни в тот день, ни на следующий. Лишь на третий день до нас с Мэри донёсся какой-то странный звук. Я решила, что мистер Скиннер оставил своё окно открытым, и это штора хлопает».

по оконному стеклу. Но когда мы снова услышали этот странный звук, я приложила ухо к замочной скважине и поняла, что слышу стон. Я очень испугалась и послала Мэри за полицией».

Миссис Чепмен больше нечего было добавить. Обвиняемый определённо был её квартирантом. В последний раз она видела его вечером 16-го, когда он поднимался к себе со свечой. Горничная Мэри рассказывала примерно ту же историю, что и хозяйка.

«Я думаю, эт' был он самый, – сдержанно вспоминала Мэри. – Не', его не видела, просто подошла к комнате и малость задержалась у дверей. И слышала внутри громкие голоса – жентмены говорили».

«Но ведь вы не подслушивали, Мэри?» – спросил мистер Пепис с улыбкой.

«Не', сэ, – мягко улыбнулась Мэри в ответ, – я не слыхала, что говорили жентмены, но один чуть не кричал – верно, они ссорились».

«А мистер Скиннер был единственным человеком, имевшим ключ? Никто другой не мог войти, не позвонив в дверь?»

«О не', сэ»⁷³.

– Вот и всё. Пока что для Короны дело продвигалось просто великолепно. Разумеется, утверждалось, что Скиннер встретил мистера Мортон, привёл его к себе домой, напал, одурманил, затем заткнул рот, связал его, после чего отнял все имевшиеся у того деньги – эта сумма, согласно письменным показаниям, предъявленным суду, составила 10 000 фунтов стерлингов банкнотами.

Но при всём этом по-прежнему оставалась без ответа главная тайна, раскрытия которой требовали общественность и судья, а именно: каковы были отношения между мистером Мортон и Скиннером, побудившие первого отказаться от судебного преследования того, кто не просто ограбил жертву, но оставил умирать ужасной и долгой смертью? И чей замысел чуть было не увенчался успехом?

Мистер Мортон был слишком болен, чтобы лично явиться в суд. Доктор Меллиш категорически запретил своему пациенту испытывать усталость и волнение, что неминуемо сопровождало бы свидетельству в суде. Поэтому показания под присягой были сняты у его постели, а затем представлены суду адвокатом обвинения, и факты, раскрытые при этом, безусловно, оказались весьма примечательными, хотя и краткими и загадочными.

Когда мистер Пепис излагал их, трепет и ожидание охватили собравшуюся в зале суда огромную толпу, и все шеи вытягивались вперёд, чтобы мельком увидеть высокую элегантную женщину, безупречно одетую и украшенную изысканными драгоценностями, чьё красивое лицо на глазах становилось всё более и более серым по мере чтения показаний её мужа.

«Вот, ваша честь, заявление, сделанное под присягой мистером Фрэнсисом Мортон, – начал мистер Пепис громким и звучным голосом, который так впечатляет в многолюдном и тихом суде. – «По ряду причин, которые я не намерен раскрывать, я оказался вынужден выплатить крупную сумму денег неизвестному мне человеку, с которым никогда ранее не встречался. Жена обо всём знала; этот вопрос целиком и полностью касался её собственных дел. Я же был просто посредником, так как считал, что она не должна заниматься этим сама. Упомянутый человек выдвинул определённые требования, и жена сохраняла их в тайне столько, сколько могла, не желая излишне беспокоить меня. Но в конце концов она всё же решила признаться мне, и я согласился с ней, что лучше всего было бы удовлетворить выдвинутые требования.»

Затем я написал человеку, чьё имя не хочу раскрывать, по приказу жены адресовав письмо в почтовое отделение Брайтона. В письме говорилось, что я готов заплатить ему 10 000 фунтов в любом месте и в любое время, и так, как он сам пожелает. Ответ (с почтовым штемпелем

⁷³ В действительности Мэри, естественно, говорит по-другому: не произносит «х» в начале слов. Это – характерная особенность английского просторечья, которое в ту пору бытовало среди низших классов. Элиза Дулиттл из пьесы Б. Шоу «Пигмалион» и созданного по этой пьесе мюзикла Ф. Лоу «Моя прекрасная леди» до обучения выражалась точно так же. Профессор Хиггинс заставляет её выучить скороговорку «In Hertford, Hereford and Hampshire hurricanes hardly ever happen» – сплошные «Х» в начале слов. Далее, по-русски Элиза поёт «Подожди, Генри Хиггинс», а на самом деле (в оригинале) – «Подожди, 'Енри 'Иггинс»!

Брайтона) гласил, что мне следует ждать возле магазина Фурнивала, торговца тканями, на Вест-стрит, в 9.30 утра 17 марта и иметь при себе деньги (10 000 фунтов) банкнотами Банка Англии.

16-го числа жена выписала чек на эту сумму, и я обналичил его в её банке – «Бёрдс» на Флит-стрит. На следующее утро в половине десятого я был в назначенном месте. Человек в сером пальто, котелке и красном галстуке обратился ко мне по имени и попросил пройти до его квартиры на Кингс-Парад. Я последовал за ним. Мы шли в полном молчании. Он остановился у дома под названием «Рассел-Хаус», и я готов присягнуть в этом, как только вновь встану на ноги. Он отпер дверь своим ключом и попросил меня проследовать за ним в его комнату на третьем этаже. Когда мы зашли внутрь, он запер дверь; однако у меня не было при себе ничего ценного, кроме 10 000 фунтов, которые я и так собирался ему отдать. Мы не обменялись ни словом.

Я передал ему деньги, он сложил их и положил в бумажник. Затем я повернулся к двери и тут меня внезапно схватили за плечо, а ко рту и носу прижали платок. Я боролся изо всех сил, но платок был пропитан хлороформом, и вскоре я потерял сознание. Я смутно помню, как мужчина бросал короткие отрывистые фразы, пока я пытался сопротивляться:

«Вы, очевидно, считаете меня дураком, мой дорогой сэр? Действительно думали, что я позволю вам спокойно уйти отсюда, прямо в полицейский участок, а? Я знаю, что такие трюки выделывали и раньше, когда молчание нужно было покупать за деньги. Выясните, кто он, узнайте, где он живёт, отдайте ему деньги, а затем заявите на него. Ну уж нет! не в этот раз. Я отправляюсь на континент с этими десятью тысячами, и успею добраться до Ньюхейвена к полуденному судну, так что вам придётся помолчать, пока я не окажусь на другой стороне Канала⁷⁴, друг мой. Это вас особо не беспокоит; моя квартирная хозяйка вскоре услышит стоны и выпустит вас, так что с вами всё будет в порядке. А теперь выпейте это – вот так-то лучше». Он затолкал мне в рот что-то горькое, и больше я ничего не помню.

Когда я пришёл в себя, то сидел в кресле, привязанный к нему верёвкой, а рот был замотан шерстяной шалью. У меня не было ни малейшей возможности освободиться или закричать. Я почувствовал себя ужасно скверно и потерял сознание».

Мистер Реджинальд Пепис закончил читать, и никто в переполненном суде не издал ни звука; взор судьи был прикован к очаровательной даме в великолепном платье, утиравшей глаза изящным кружевным платком.

Необыкновенный рассказ жертвы столь дерзкого нападения держал всех в напряжении. Оставалось заслушать свидетельство миссис Мортон, чтобы сенсация приобрела необходимую полноту. Обвинитель вызвал жену пострадавшего, и она медленно, грациозно вошла в ложу для дачи показаний. Несомненно, она остро переживала как пытки, которым подвергся её муж, так и унижение от того, что её имя оказалось насильно вовлечено в мерзкий скандал, связанный с шантажом.

Мистер Реджинальд Пепис дотошно расспросил миссис Мортон, и ей пришлось признаться, что человек, шантажировавший её, был связан с ней таким образом, который навлёк бы ужасный позор и на неё саму, и на её детей. Рассказ миссис Мортон постоянно прерывали слёзы и рыдания, а кружевной платочек, который она прижимала к глазам дрожащими руками, унизанными кольцами, производил трогательное впечатление.

Так вот, в семнадцать лет она сочеталась тайным браком с одним из тех иностранных авантюристов, которые усеивают любую страну, как навозные мухи. Он называл себя графом Арманом де ла Трёмуйлем. Он оказался низким мерзавцем: выудив у неё около 200 фунтов и несколько бриллиантовых брошей, внезапно бросил её, обронив, что плывёт в Европу на «Аргентине» и ни за что не вернётся. Увы, она была влюблена в эту грубую, несчастную юную душу, потому что, когда неделю спустя прочитала, что «Аргентина» потерпела крушение, и, похоже, никому не удалось спастись, пролила множество горьких слёз из-за своего раннего вдовства.

⁷⁴ Французы называют пролив между Францией и Англией Ла-Маншем, а англичане – Английским каналом или просто Каналом. Ньюхейвен – портовый город, расположен в Великобритании, на территории графства Восточный Сассекс. Основная задача – регулярные пассажирские перевозки в французский порт Дьепп.

К счастью, её отец, очень богатый мясник из Чикаго, ничего не узнал о преступной глупости своей дочери. Четыре года спустя он отвёз её в Лондон, где она встретила мистера Фрэнсиса Мортон и вышла за него замуж. Прошло шесть-семь лет счастливой супружеской жизни, и тут внезапно, как молния, прорезавшая чистое голубое небо, по почте пришло напечатанное на машинке письмо, подписанное «Арман де ла Трёмуйль», полное заверений в бессмертной любви, рассказывавшее длинную и трогательную историю о годах страданий в чужой земле, где он оказался после того, как чуть ли не чудом спасся во время крушения «Аргентины», но так и не мог наскрести достаточную сумму денег, чтобы отправиться домой. Наконец судьба благоволила ему. После многих превратностей он обнаружил местонахождение своей дорогой жены и теперь готов простить всё, что было в прошлом, и снова раскрыть ей свои любящие объятия.

Далее произошло всё то, что обычно происходит, когда сталкиваются негодяй и глупая женщина. Испугавшись, она не решалась рассказать об этом мужу. Но зато переписывалась с графом де ла Трёмуйлем, умоляя его ради неё самой и памяти о прошлом не пытаться увидеться с ней. Она смогла заставить его прислушаться к доводам разума с помощью нескольких сотен фунтов, переданных через Брайтонское почтовое отделение в его руки. И наконец мистер Мортон как-то раз случайно наткнулся на одно из писем графа де ла Трёмуйля, что вызвало естественный интерес. Жена призналась во всём, положившись на милосердие мужа.

Мистер Фрэнсис Мортон был бизнесменом, смотревшим на жизнь практически и трезво. Его вполне устраивала жена, содержавшая его в роскоши, так что он и в мыслях не имел оставить её. С другой стороны, граф де ла Трёмуйль, казалось, был вполне согласен отказаться от женщины за достойное вознаграждение. Миссис Мортон, единолично и полностью контролировавшая своё состояние, была готова заплатить и замаять скандал, который, как она считала – поскольку не блистала умом – грозил ей тюремным заключением за двоемужие. Мистер Фрэнсис Мортон написал графу де ла Трёмуйлю, что жена готова передать ему 10 000 фунтов в качестве платы за её абсолютную свободу и его собственное полное исчезновение из её жизни. Предложение было принято, и в 9 часов утра 17 марта мистер Мортон покинул свой дом с 10 000 фунтов в кармане.

Публика и судья выслушали рассказ миссис Мортон, затаив дыхание. Ими владело одно лишь сочувствие к очаровательной женщине, которая скорее являлась жертвой греха, нежели грешницей, и чья самая серьёзная ошибка, по-видимому, заключалась в полном отсутствии умения трезво распоряжаться собственной жизнью. Но могу заверить вас в одном: ни разу на моей памяти люди не испытали такого потрясения, как в тот момент, когда судья после непродолжительного молчания мягко предложил свидетельнице:

«А теперь, миссис Мортон, не будете ли вы любезны взглянуть на подсудимого и сказать мне, узнаете ли вы в нём своего бывшего мужа?»

И она, даже не поворачиваясь к обвиняемому, тихо пробормотала:

«О нет, ваша честь! Конечно, этот человек *не* граф де ла Трёмуйль».

ГЛАВА XXVI СЕНСАЦИЯ

– Уверяю вас, что ситуация была довольно драматичной, – продолжил Старик в углу. Когтистые руки лихорадочно схватили верёвку, будто обрели некую новую силу.

– Отвечая на дальнейшие вопросы судьи, миссис Мортон заявила, что никогда не видела обвиняемого; возможно, он был посредником. Все письма, полученные ей, были напечатаны на машинке, но подписаны «Арман де ла Тремуйль», и подпись эта, безусловно, ничем не отличалась от подписей в письмах, полученных ей много лет назад и до сих пор бережно хранимых.

«И вам никогда не приходило в голову, – спросил судья с улыбкой, – что полученные вами письма могут быть поддельными?»

«Как это – поддельными? – решительно возразила миссис Мортон. – Никто не знал о моём браке с графом де ла Тремуйлем, а тем более в Англии. И, кроме того, если некто знал графа достаточно близко, чтобы подделать его почерк и шантажировать меня, почему этот некто так долго выжидал? Я замужем уже семь лет, ваша честь».

Вполне логично. Правда, оставался вопрос: насколько миссис Мортон была обеспокоена в действительности. Но личность преступника, напавшего на мистера Фрэнсиса Мортон, следовало окончательно установить, прежде чем обвиняемый будет предан суду⁷⁵. Доктор Меллиш пообещал, что на следующий день разрешит мистеру Фрэнсису Мортону явиться в суд на полчаса и опознать обвиняемого, и рассмотрение дела отложили. Обвиняемого увели два констебля, в освобождении под залог было отказано, и Брайтону пришлось смягнуть своё нетерпение до среды.

В тот день суд был переполнен до отказа; актёры, драматурги, литераторы всех мастей боролись за допуск, чтобы самостоятельно изучить различные аспекты этого дела, а также всех лиц, связанных с ним. Миссис Мортон в зале не было. Обвиняемого, молчаливого и сдержанного, провели на скамью подсудимых. Его адвокат находился рядом, предвкусывая сенсационную защиту.

Вскоре среди публики возникло неясное движение: тот самый звук – полушорох, полувздок – предвещавший нечто из ряда вон выходящее. Мистер Мортон, бледный, худой, с печатью перенесённых многодневных страданий, появился в суде, опираясь на руку своего врача – миссис Мортон не сопровождала его.

Мистера Мортон сразу же усадили в кресло в свидетельской ложе, и судья после нескольких ободряюще-сочувственных слов спросил его, может ли он что-нибудь добавить к своему письменному заявлению. После отрицательного ответа мистера Мортон магистрат добавил:

«А теперь, мистер Мортон, не могли бы вы взглянуть на обвиняемого, находящегося на скамье подсудимых, и сказать мне, узнаете ли вы человека, который вначале отвёл вас в комнату в Рассел-Хаусе, а затем напал на вас?»

Страдалец медленно повернулся к подсудимому и посмотрел на него; затем покачал головой и тихо ответил:

«Нет, сэр, это определённо не тот человек».

«Вы совершенно уверены в этом?» – изумился судья, а публика буквально ахнула.

«Клянусь», – заявил мистер Мортон.

«Можете ли вы описать человека, который напал на вас?»

«Конечно. Он был смуглым, высоким, худым, с клочковатыми бровями, густыми чёрными волосами и короткой бородой. И говорил по-английски с легчайшим иностранным акцентом».

⁷⁵ Напоминаю, что речь идёт о так называемом предварительном судебном разбирательстве, магистратском суде.

А обвиняемый, как я уже упоминал, был стопроцентным румяным англичанином с классической английской внешностью, безукоризненно выразившимся по-английски.

И после этого аргументы обвинения начали рушиться. Все ожидали сенсационной защиты, и мистер Мэтью Квиллер, адвокат Скиннера, полностью оправдал ожидания. Он представил не менее четырёх свидетелей, которые без колебаний поклялись, что в среду, 17 марта, в 9:45 утра подсудимый находился в экспрессе, который следовал из Брайтона в Лондон на вокзал «Виктория».

Мистер Эдвард Скиннер явно не обладал даром находиться в двух местах одновременно. Мистер Мортон добавил собственные веские доказательства в пользу обвиняемого. Поэтому магистрат снова задержал мистера Скиннера в ожидании дальнейшего полицейского расследования, но на этот раз – с разрешением освободить под залог в виде двух поручительств по 50 фунтов каждое.

ГЛАВА XXVII ДВА НЕГОДЯЯ

– Ну, а теперь расскажите мне, что вы об этом думаете, – предложил Старик в углу, видя, что Полли озадаченно молчит.

– Что ж, – неуверенно ответила она, – я полагаю, что так называемая история Армана де ла Трёмуйля была правдой по существу. Что он не погиб на «Аргентине», а вернулся домой и шантажировал свою бывшую жену.

– А вам не кажется, что существуют по крайней мере два очень сильных аргумента против этой теории? – спросил Старик, завязывая два гигантских узла на своей верёвке.

– Два?

– Да. Во-первых, если шантажистом был возвратившийся к жизни «граф де ла Трёмуйль», почему он довольствовался тем, что взял 10 000 фунтов у дамы, которая являлась его законной женой и могла содержать его в роскоши в течение всей оставшейся жизни с помощью огромного состояния, составлявшего почти четверть миллиона? Настоящий граф де ла Трёмуйль, как помните, никогда не испытывал затруднений, купаясь в деньгах жены в течение их недолгой супружеской жизни, пусть даже мистеру Мортону подобное и не удавалось. И, во-вторых, почему свои письма жене он печатал на машинке?

– Потому что...

– По моему мнению, на этот факт полиция так и не обратила надлежащего внимания. Мой опыт в уголовных делах неизменно свидетельствует: когда в каком-либо из них фигурирует машинописное письмо, оно является подделкой. Совсем не сложно имитировать подпись, но гораздо труднее написать изменённым почерком целый лист.

– Значит, вы считаете...

– Я считаю, с вашего разрешения, – взволнованно прервал он, – что необходимо всё разобрать по пунктам, базируясь на разумных, осязаемых моментах. Во-первых: мистер Мортон исчезает с 10 000 фунтов на четыре дня; по прошествии этого времени его обнаруживают привязанным к креслу и с шерстяной шалью вокруг рта. Во-вторых: в совершении преступления обвиняется человек по имени Скиннер. Мистер Мортон, заметьте, способен предоставить Скиннеру лучшую защиту, отрицая его идентичность с нападавшим, но вместо этого он отказывается возбуждать уголовное дело. Почему?

– Он не хотел втягивать в дело свою жену.

– Он не мог не знать, что Корона возьмётся за дело. Далее, почему никто не видел мистера Мортон в компании смуглого иностранца, о котором шла речь?

– Два свидетеля видели мистера Мортон в компании Скиннера, – заявила Полли.

– Да, в 9.20 на Вест-стрит. Что дало Эдварду Скиннеру время успеть на вокзал к 9.45 и оставить мистеру Мортону ключ от дверей Рассел-Хауса, – сухо заметил Старик в углу.

– Какая чепуха! – воскликнула Полли.

– Чепуха, вот как? – ехидно переспросил Старик, дико теребя кусок верёвки. – Значит, это чепуха – утверждать: когда человек хочет убедиться, что его жертва не сбежит, он обычно не обматывает «свободно» верёвку вокруг тела и не затыкает рот шерстяным платком кое-как? Идиотизм полиции не поддаётся никакому описанию; они сами обнаружили, что Мортон был настолько «неплотно» привязан к креслу, что достаточно небольшого движения – и он бы оказался на свободе. И тем не менее им даже не пришло в голову, что этот негодяй сам уселся в кресло, намотал вокруг себя несколько ярдов верёвки, а затем, обернув шерстяную шаль вокруг рта, просунул обе руки внутрь верёвок. Проще простого!

– Но зачем такому человеку, как мистер Мортон, устраивать подобные из ряда вон выходящие розыгрыши?

– Ах, зачем? По какой причине? Наконец-то! Что я вам всегда говорю? Ищите мотив! Что ж, давайте выясним положение мистера Мортон. Он – супруг женщины, обладающей четвертью

миллиона, и при этом не может прикоснуться ни к единому пенни без согласия жены. Миссис Мортон после пережитого в юности – когда её ограбили, а затем бросили – без сомнения, очень крепко держалась за кошелек. Последующая жизнь мистера Мортон доказала, что у него имелись некие дорогие, но не совсем приемлемые вкусы. Однажды он обнаруживает старые любовные письма «графа Армана де ла Трёмуйля».

И составляет дерзкий план. Он печатает письмо, подделывает подпись бывшего графа и ждёт развития событий. И рыбка действительно клюёт. Он получает деньги, и успех придаёт ему смелости. Мистер Мортон принимается искать сообщника – умного, беспринципного, жадного – и выбирает мистера Эдварда Скиннера. Вероятно, в дни бурной молодости они были близкими друзьями.

Думаю, вы согласитесь, что замысел отличается исключительным изяществом. Мистер Скиннер снимает комнату в Рассел-Хаусе и изучает все манеры и обычаи своей хозяйки и её служанки. Затем активно обращает на себя внимание полиции. Он встречает Мортон на Вест-стрит, а затем якобы исчезает после «нападения». Тем временем Мортон отправляется в Рассел-Хаус. Он поднимается по лестнице, громко разговаривает в комнате, а затем тщательно инсценирует свою комедию.

– Послушайте, но ведь он чуть не умер от голода!

– Ну, осмелюсь заметить, это не входило в его планы. Мортон, без сомнения, рассчитывал, что миссис Чепмен или служанка обнаружат и спасут его достаточно скоро. Он полагал, что обойдётся небольшим недомоганием, и спокойно перенёс первые двадцать четыре часа испытания. Но возбуждение и недостаток еды сказались на нём больше, чем он ожидал. Спустя сутки он стал испытывать головокружение и тошноту, и, раз за разом теряя сознание, не смог подать сигнал тревоги.

Однако нынче с ним всё в порядке, и он доводит свою роль откровенного подлеца до совершенства. Под предлогом того, что совесть не позволяет ему жить с дамой, первый муж которой ещё жив, мистер Мортон снял одиночную квартиру в Лондоне, и временами наносит жене послеполуденные визиты в Брайтоне. Но скоро он устанет от холостяцкой жизни и вернётся к жене. И я гарантирую, что о графе де ла Трёмуйле больше никто и никогда не услышит.

И, удалившись, Старик в углу оставил мисс Полли Бёртон наедине с фотографиями двух неинтересных, унылых, безобидных на вид мужчин – Мортон и Скиннера – которые, если верить старому чучелу, были парой отъявленных негодяев, заслуживавших виселицы.

ГЛАВА XXVIII УБИЙСТВО В РИДЖЕНТС-ПАРКЕ

К этому времени мисс Полли Бёртон уже привыкла к своему необычному *vis-à-vis*⁷⁶ в углу.

Когда бы она ни приходила в чайную, Старик уже находился там, в том же самом углу, облачённый в очередной примечательный клетчатый твидовый костюм. Он редко желал ей доброго утра, но зато неизменно начинал при её появлении с повышенной нервозностью мять в руках очередной кусок рваной и узловатой верёвки.

– Вы когда-нибудь интересовались убийством в Риджентс-парке? – как-то раз спросил Старик.

Полли ответила, что забыла бóльшую часть подробностей, связанных с этим заковыристым убийством, но всецело помнит волнение и суматоху, которое оно вызвало в определённой части лондонского общества.

– Скачки и азартные игры, в частности, – согласился Старик. – Все лица, прямо или косвенно причастные к убийству, принадлежали к типу людей, обычно называемых «душой общества» или «прожигателями жизни», а Харвуд-клуб на Ганновер-сквер, вокруг которого разгорелся весь скандал в связи с убийством, был одним из самых ярких клубов Лондона.

Вероятно, деятельность Харвуд-клуба (по сути, игорного дома) навсегда осталась бы – во всяком случае, официально – вне поля зрения полицейских властей, если бы не убийство в Риджентс-парке и разоблачения, последовавшие за ним.

Позволю предположить, что вы бывали на тихой площади между Портленд-плейс и Риджентс-парком, которая называется Парк-Кресент на южном конце, а на восточном и западном – соответственно Парк-сквер-Ист и -Вест. Большую площадь и её красивые сады пересекает Мэрилебон-роуд со всем её интенсивным движением, но сады соединены туннелем под дорогой; и, конечно, вам следует помнить, что новую станцию метро в южной части площади в то время ещё не планировали.

Ночь 6 февраля 1907 года была очень туманной, однако тридцатилетний мистер Аарон Коэн, проживавший на Парк-сквер-Вест, в два часа ночи засунул в карман крупный выигрыш, снятый с зелёного стола Харвуд-клуба, и в одиночестве отправился домой. Час спустя мирный сон большинства жителей Парк-сквер-Вест нарушили звуки яростной ссоры на дороге. В течение двух-трёх минут слышались сердитые и яростные крики, сразу же после этого – неистовые вопли: «Полиция! Убийство!». Затем – резкий двойной выстрел из огнестрельного оружия, и больше ничего.

Туман был очень густым, и, как вам, несомненно, известно, при такой погоде очень трудно определить местонахождение звука. Однако не позже, чем через две минуты, констебль F 18, патрулировавший на углу Мэрилебон-роуд, прибыл на место происшествия и, предварительно вызвав свистком своих коллег, принялся ощупью бродить в тумане, скорее сбитый с толку, нежели верно направляемый противоречивыми указаниями жителей близлежащих домов, которые чуть не вываливались из верхних окон, крича констеблю:

«У ограждения, полисмен!»

«Выше по дороге!»

«Нет, ниже!»

«Вон там, на той стороне тротуара!»

«Нет, на этой!»

Наконец, другой полицейский, F 22, свернув на Парк-сквер-Вест с северной стороны, буквально наткнулся на тело человека, лежавшего на тротуаре так, что голова упиралась в ограждение площади. Рядом уже толпились выбежавшие из своих жилищ люди, желавшие поскорее узнать, что же произошло на самом деле.

⁷⁶ *Vis-à-vis* (визави) – дословно «лицом к лицу» (*фр.*) — тот, кто находится напротив, стоит или сидит лицом к лицу к кому-нибудь. В переносном значении — собеседник, иногда оппонент.

Полицейский направил яркий свет своего фонаря на лицо несчастного.

«Похоже, его задушили, так?» – пробормотал он своему товарищу.

И указал на опухший язык, глаза, наполовину выкатившиеся из орбит, и тёмно-багровое, почти чёрное от прилива крови лицо.

В этот момент один из зрителей, спокойнее других воспринимавший различные потрясения, взгляделся в лицо мертвеца и вскрикнул от удивления:

«Да ведь это же мистер Коэн из 30-го номера!»

Упоминание знакомой фамилии заставило несколько других мужчин выйти вперёд и повнимательнее рассмотреть искажённую ужасом посмертную маску.

«Несомненно, наш ближайший сосед», – заявил мистер Эллисон, молодой юрист, проживавший в доме № 31.

«Почему, чёрт побери, он решил прогуляться в такую туманную ночь, да ещё в одиночестве?» – спросил кто-то другой.

«Обычно он возвращался домой очень поздно. Кажется, был членом какого-то городского игорного клуба. Наверно, не смог найти такси, чтобы его отвезли. Имейте в виду, я его почти не знал. Мы просто раскланивались».

«Бедный малый! Кажется, на него накинута удавка, как в старину».

«В любом случае, мерзкий убийца, кем бы он ни был, хотел убедиться, что убил нужного человека! – добавил констебль F 18, подбирая какой-то предмет с тротуара. – Вот револьвер с двумя пустыми гнёздами для патронов. Вы слышали выстрелы, господа?»

«Нет, в беднягу не стреляли. Его, без сомнения, задушили».

«Он, очевидно, пытался выстрелить в нападавшего», – авторитетно заявил молодой адвокат.

«Если ему удалось ранить негодяя, возможно, появится шанс проследить путь, по которому тот удрал».

«Но не в тумане».

Однако скорое появление инспектора, сыщика и врача, которых поспешно известили о трагедии, положило конец дальнейшим обсуждениям.

В доме № 30 прозвенел звонок, и служанок – всех четверых – попросили взглянуть на тело.

Сопровождая ответы слезами ужаса и криками испуга, служанки узнали в убитом своего хозяина, мистера Аарона Коэна. Поэтому тело перенесли в дом № 30 в ожидании расследования коронера.

Перед полицией, согласитесь, стояла довольно сложная задача: очень мало сведений и поначалу – почти никаких улик.

Расследование практически ничего не дало. В квартале были мало осведомлены о мистере Аароне Коэне и его делах. Служанки даже не знали ни названия, ни местонахождения различных клубов, которые он посещал.

У него была контора на Трогмортон-стрит, и мистер Коэн каждый день навещал её. Ужинал дома, иногда – вместе с друзьями, а если в одиночестве, то после еды неизменно отправлялся в клуб, где оставался до рассвета.

В ночь убийства он ушёл из дома около девяти часов. Именно тогда служанки видели его в последний раз. Что касается револьвера, то все четверо поклялись, что никогда не видели его раньше, разве что мистер Коэн сам купил оружие в день своей смерти.

Кроме того, не обнаружили никаких следов убийцы, но на следующее утро после преступления рядом с воротами на противоположном конце площади – там, где она смыкалась с Портленд-плейс – нашли пару ключей, связанных между собой короткой металлической цепочкой. Первый ключ открывал замок на дверях дома мистера Коэна, второй – ворота в ограждении площади.

Таким образом, предположили, что убийца, выполнив своё намерение и обыскав карманы жертвы, нашёл ключи и совершил побег, проскользнув на площадь, пробежав через туннель и снова выбравшись через отдалённые ворота. Затем он принял меры предосторожности – чтобы не носить ключи с собой, выбросил их – и исчез в тумане.

Присяжные вынесли вердикт о преднамеренном убийстве, совершённом каким-либо неизвестным лицом или группой лиц, и полиция приложила все усилия, чтобы отыскать неизвестного и дерзкого убийцу. Результатом расследования, мастерски проведённого мистером

Уильямом Фишером, стал сенсационный арест одного из самых выдающихся молодых щёголей Лондона примерно через неделю после преступления.

Обвинение мистера Фишера вкратце сводилось к следующему:

Ночью 6 февраля, вскоре после полуночи, игра в Харвуд-клубе на Ганновер-сквер стала очень бурной. Мистер Аарон Коэн держал банк в рулетке против примерно двадцати или тридцати своих друзей, в основном молодых людей, не обременённых умом, но обладавших избытком денег. Банкир уверенно выигрывал, и, похоже, это была уже третья ночь подряд, когда мистер Аарон Коэн уходил домой, оказавшись на несколько сотен богаче, чем в начале игры.

Юный Джон Эшли, сын почтенного сельского сквайра, «хозяина гончих» где-то в Мидлендсе⁷⁷, крупно проигрался, и, более того, это была третья ночь подряд, когда Фортуна⁷⁸ повернулась к нему спиной.

– Помните, – продолжал Старик в углу, – когда я сообщаю вам все эти подробности и факты, то излагаю объединённые показания нескольких свидетелей, сбор и систематизация которых заняли много дней.

Молодого мистера Эшли, хотя и популярного в обществе, считали, так сказать, «сидящим на мели». Во-первых, он был по уши в долгах. А во-вторых, будучи младшим сыном⁷⁹, смертельно боялся отца, который угрожал отправить отпрыска в Австралию с пятифунтовой банкнотой в кармане, если тот ещё раз наберётся наглости и посмеет воззвать к отцовской снисходительности.

Многочисленным товарищам Джона Эшли было вполне очевидно, что достойный «хозяин гончих» держал поводья крепкой рукой. Молодой человек, изнывая от желания выглядеть значимой фигурой в кругах, в которых вращался, часто обращался за помощью к богине удачи, иногда улыбавшейся ему за зелёными столиками Харвуд-клуба.

Как бы то ни было, общее мнение членов клуба заключалось в том, что молодой Эшли разменял свою последнюю банкноту в 25 фунтов, прежде чем сел за рулетку с Аароном Коэном в ту ночь 6 февраля.

Все его друзья, а особенно мистер Уолтер Хатерелл, изо всех сил старались отговорить его от того, чтобы померяться силами с Коэном, которому неслыханно везло. Но юный Эшли, разгорячённый вином и обозлённый собственной неудачей, никого не слушал; он бросал на доску одну пятифунтовую банкноту за другой, брал займы у тех, кто соглашался ему одолжить, затем некоторое время играл под честное слово. Наконец, в половине второго утра – после того, как красное выпало 19 раз подряд – молодой человек обнаружил, что у него в карманах не осталось ни гроша, а над ним самим висит долг – игровой долг – долг чести в размере 1500 фунтов мистеру Аарону Коэну.

Следует оказать оклеветанному джентльмену ту справедливость, в которой ему постоянно отказывали пресса и общественность: все присутствующие без колебаний утверждали, что мистер Коэн неоднократно пытался убедить молодого мистера Эшли бросить игру. Сам мистер Коэн находился в деликатном положении, поскольку выигрывал, и юноша несколько раз позволял себе насмешливые замечания, обвиняя держателя банка в желании прервать игру на пике везения.

Мистер Аарон Коэн, куривший дорогую гаванскую сигару, в конце концов пожал плечами и промолвил: «Как вам будет угодно!»

Но в половине второго ему надоело играть с партнёром, который постоянно проигрывал и никогда не платил – вернее, не мог заплатить, как, очевидно, полагал мистер Коэн. Поэтому он отказался принимать долговые расписки мистера Джона Эшли. Последовавшую короткую

⁷⁷ «Хозяин гончих» – лицо, отвечающее за содержание стаи гончих и связанного с ней персонала, снаряжения, охотничьих устройств и т. д., а также распорядитель охоты на лис, традиционного английского спорта. В те времена – высокая и значимая должность. Свой «хозяин гончих» был даже при королевском дворе. Мидлендс (Midlands) – территория Англии, охватывающая её центральную часть вокруг города Бирмингем.

⁷⁸ Фортуна — древнеримская богиня удачи и непредсказуемости судьбы.

⁷⁹ По законам тех времён титул и основная часть наследства, как правило, доставалась старшему сыну. Младшим сыновьям в основном приходилось рассчитывать на себя. Впрочем, всё зависело от отца – бывало, что наследство делилось поровну, а то и в пользу младших, если отец считал старшего недостойным наследником.

перепалку мгновенно пресекли – дирекция клуба всегда начеку, чтобы избежать малейших намёков на скандал.

Тем временем мистер Хатерелл, проявив незаурядный здравый смысл, убедил юного Эшли покинуть клуб со всеми его искушениями и отправиться домой, и лучше всего – в постель.

Дружба молодых людей, хорошо известная в обществе, заключалась главным образом в том, что Уолтер Хатерелл был добровольным товарищем и спутником Джона Эшли в его безумных и экстравагантных шалостях. Но в ту ночь последний, очевидно, запоздало протрезвевший из-за своих невосполнимых и тяжёлых потерь, позволил другу увести себя с места бедствия. Было без двадцати два.

– И вот теперь ситуация становится интересной, – нервно продолжал Старик в углу. – Неудивительно, что полиция допросила по меньшей мере дюжину свидетелей, прежде чем их полностью удовлетворила неопровержимость каждого заявления.

Уолтер Хатерелл примерно через десять минут, то есть без десяти два, вернулся в клубный зал. На расспросы он ответил, что распрощался с другом на углу Нью-Бонд-стрит. так как тот хотел остаться один, и что Эшли сказал, что свернёт на Пикадилли, прежде чем отправиться домой – он думал, что прогулка пойдёт ему на пользу.

Около двух часов ночи мистер Аарон Коэн, удовлетворённый результатами вечера, отказался дальше держать банк и, положив в карман крупный выигрыш, отправился домой пешком, а мистер Уолтер Хатерелл покинул клуб спустя полчаса.

А ровно в три часа на Парк-сквер-Вест прозвучали крики «Убийство!» и выстрелы из огнестрельного оружия, после чего мистера Аарона Коэна нашли задушенным возле ограды.

ГЛАВА XXIX

МОТИВ

– На первый взгляд убийство в Риджентс-парке показалось и полиции, и общественности одним из тех глупых, неуклюжих преступлений, которые избобличают новичка, и абсолютно бесцельным, поскольку позволяло без малейших затруднений отправить преступника на виселицу.

Видите ли, мотив просто бросался в глаза. «Ищите того, кому выгодно преступление», – говорят наши французские *confrères*⁸⁰. Но было кое-что ещё.

Констебль Джеймс Фаннелл, совершая обход территории, свернул с Портленд-плейс на Парк-Кресент через несколько минут после того, как услышал, как часы в церкви Святой Троицы в Мэрилебоне проббили половину третьего. Туман в тот момент был, похоже, не таким густым, как позже, утром, и полицейский увидел двух господ в пальто и цилиндрах, стоявших рядом, державшихся за руки и опиравшихся на ограждение площади недалеко от ворот. Он, конечно, не видел лиц из-за тумана, но услышал, как один из них говорит другому:

«Это всего лишь вопрос времени, мистер Коэн. Я знаю, что отец заплатит мои долги, и вы ничего не потеряете, если согласитесь подождать».

Собеседник ничего не ответил, и констебль прошёл дальше; когда он вернулся на то же место, завершая обход, джентльменов уже не было, но позже именно у этих самых ворот нашли два ключа, упомянутые в дознании.

– Ещё один интересный факт, – добавил Старик в углу с саркастической ухмылкой, которую Полли не могла объяснить, – обнаружение револьвера на месте преступления. И револьвер был опознан камердинером мистера Эшли как хозяйская собственность.

Все эти факты, конечно же, составили причудливую и неопровержимую цепочку косвенных улик против мистера Джона Эшли. Поэтому не удивительно, что полиция, полностью удовлетворившись работой мистера Фишера, да и своей собственной, обратилась с просьбой об ордере и арестовала юношу в собственной комнате на Кларджес-стрит ровно через неделю после совершения преступления.

Но знаете, жизненный опыт доказал мне следующее: когда убийца кажется особенно глупым и неуклюжим, а доказательства против него – особенно избобличающими, именно в это время полиция должна больше всего остерегаться ловушек.

И если бы Джон Эшли действительно совершил убийство в Риджентс-парке способом, изложенным полицией, он был бы преступником во многих смыслах, потому что подобный идиотизм, на мой взгляд, хуже иных преступлений.

Обвинение триумфально представляло свидетелей одного за другим. Члены Харвуд-клуба сообщали о возбуждённом состоянии обвиняемого после его проигрыша мистеру Аарону Коэну. Мистеру Хатереллу, несмотря на дружбу с Эшли, пришлось признать, что он расстался с обвиняемым на углу Бонд-стрит без двадцати два и не видел его до возвращения домой в пять утра.

Затем последовали показания Артура Чиппса, камердинера Джона Эшли. Они вызвали сенсацию.

Чиппс заявил, что в ту ночь, о которой идёт речь, его хозяин пришёл домой без десяти два. Чиппс ещё не ложился. Через пять минут мистер Эшли снова вышел, приказав камердинеру не ждать его. Чиппс не мог сказать, когда кто-либо из молодых джентльменов вернулся.

Этот короткий визит домой – предположительно, чтобы взять револьвер – считался очень важным, и друзья мистера Джона Эшли считали его положение практически безнадежным.

Показания камердинера и Джеймса Фаннелла, констебля, подслушавшего разговор у ограждения парка, безусловно, стали двумя наиболее убедительными доказательствами против

⁸⁰ *Confrères* – собратья (фр.).

обвиняемого. Уверяю вас, что тот день для меня прошёл не напрасно. В суде находились два человека, за которыми я мог наблюдать, получая величайшее удовольствие – такого я давно уже не испытывал. Одним из них был мистер Джон Эшли.

Вот его фотография: невысокий, смуглый, щеголеватый, с какой-то изюминкой в одежде, но в остальном – типичный сын зажиточного фермера. В суде он вёл себя тихо и спокойно, иногда перебрасываясь несколькими словами с адвокатом. Он внимательно выслушал, иногда пожимая плечами, рассказ о преступлении в том виде, в каком его представила полиция взволнованной и испуганной аудитории.

Мистер Джон Эшли, доведённый до безумия и отчаяния ужасающими финансовыми трудностями, сначала отправился домой в поисках оружия, а затем подстерёг мистера Аарона Коэна где-то на улице. Молодой человек умолял об отсрочке. Возможно, Коэн упирался, но Эшли неотступно следовал за ним почти до самых дверей.

Там, увидев, что кредитор твёрдо настроен прервать неприятную беседу, он внезапно напал на несчастного сзади и задушил его; затем, опасаясь, что грязная работа не будет полностью завершена, дважды выстрелил в уже мёртвое тело, оба раза промахнувшись из-за нервного возбуждения. После этого убийца обыскал карманы жертвы и, найдя ключ от сада, подумал, что сможет избежать ареста, если пересечёт площадь по туннелю к дальним воротам, выходящим на Портленд-плейс.

Потеря револьвера стала одним из тех непредвиденных препятствий, которые карающее Провидение воздвигает на пути негодяя, вместе с собственным безрассудством предавая его в руки человеческого правосудия.

Однако мистера Джона Эшли, похоже, не впечатлило подробное описание его преступления. Он не воспользовался услугами кого-либо из выдающихся адвокатов, эффектно запутывающих свидетелей путём умелых перекрёстных допросов – о Боже мой, нет! Его вполне устроил тупой, прозаичный, второсортный законник, который, опрашивая свидетелей защиты, и мыслей не имел о какой бы то ни было сенсации.

Адвокат мистера Эшли спокойно поднялся со своего места и в возникшей тишине вызвал первого из трёх свидетелей. Он вызвал троих – а мог бы и двенадцать – джентльменов, членов Эштон-клуба на Грейт-Портленд-стрит, которые под присягой сообщили, что в три часа утра 6 февраля, то есть в момент совершения преступления, когда крики «Убийство!» разбудили жителей Парк-сквер-Веста, мистер Джон Эшли тихо сидел в клубе, в комнате для игры в бридж – там же, где и свидетели. Он заявился в клуб без нескольких минут три, как засвидетельствовал дежурный портье, и пробыл там около полутора часов.

Стоит ли объяснять, что это несомненное, полностью доказанное алиби разорвало обвинение в клочья. Самый хитроумный преступник не может находиться в двух местах одновременно, и хотя Эштон-клуб во многом нарушает законы об азартных играх нашей в высшей степени нравственной страны, но его члены принадлежат к избранным, самым безупречным классам общества. Мистера Эшли видели и разговаривали с ним в самый момент совершения преступления по крайней мере двенадцать джентльменов, чьи показания никак не могли быть подвергнуты сомнению.

Пока звучали эти поразительные заявления, поведение мистера Джона Эшли оставалось спокойным и безукоризненным. Несомненно, сознание возможности доказать свою невиновность с помощью таких неоспоримых фактов помогало ему сохранять хладнокровие в суде.

Его ответы судье были ясны и просты, даже на щекотливые вопросы о револьвере.

«Я покинул клуб, сэр, – объяснил мистер Эшли, – решив поговорить с мистером Коэном наедине, чтобы попросить его отсрочить выплату моего долга. Вы понимаете, что мне не хотелось этого делать в присутствии других джентльменов. Я ненадолго заглянул домой – не для того, чтобы специально взять револьвер, как утверждает полиция, потому что в туманную погоду я всегда ношу с собой револьвер – а чтобы посмотреть, не доставили ли в моё отсутствие важное деловое письмо.

Затем я снова вышел на улицу и встретился с мистером Аароном Коэном недалеко от Харвуд-клуба. Большую часть пути мы прошли вместе, и наш разговор носил исключительно дружеский характер. Мы расстались на краю Портленд-плейс, недалеко от ворот площади, где нас увидел полицейский. Затем мистер Коэн намеревался пересечь площадь, чтобы сократить путь домой. Я

считал, что идти одному в темноте и тумане опасно, тем более у мистера Коэна имелась при себе крупная сумма.

Мы побеседовали на эту тему, и в конце концов я убедил его взять у меня револьвер, поскольку мне предстояло идти по достаточно людным улицам и, кроме того, я не имел при себе ничего, что могло бы заинтересовать грабителей. После непродолжительного сопротивления мистер Коэн согласился взять револьвер – вот почему оружие оказалось на месте преступления. Мы распрощались с мистером Коэном через несколько минут после того, как я услышал, что церковные часы пробили без четверти три. Без пяти три я был на перекрёстке Оксфорд-стрит и Грейт-Портленд-стрит, а от этого места до Эштон-клуба путь занимает не менее десяти минут».

Это объяснение выглядело вполне правдоподобным, поскольку обвинению так и не удалось убедительно объяснить ситуацию с револьвером. Человек, успешно задушивший свою жертву, не стал бы стрелять из револьвера, разве что пожелал бы привлечь внимание ближайших прохожих. Гораздо более вероятно, что стрелял сам мистер Коэн – возможно, в воздух, после того, как внезапно был атакован сзади. Поэтому объяснение мистера Эшли было не просто правдоподобным, но единственно возможным.

Таким образом, совершенно естественно, что после почти получасового допроса суд, полиция и публика с одинаковой радостью возвестили, что обвиняемый покинул суд с незапятнанной репутацией.

ГЛАВА XXX

ДРУЗЬЯ

– Да, – нетерпеливо прервала Полли, соображая ничуть не медленнее Старика, – но в этом ужасном преступлении после суда вместо мистера Эшли заподозрили его друга, и, конечно, я знаю...

– Но в том-то и дело, – тихо прервал Старик, – вы не знаете... конечно, вы имеете в виду мистера Уолтера Хатерелла. Как и все остальные. Человек, слабый, но решительный, совершил преступление от имени своего трусливого, но ещё более самоуверенного друга, подбившего его на злое деяние. Хорошая теория, и, по-моему, даже полиция решила её придерживаться.

Я говорю «даже», потому что они очень усердно трудились, пытаюсь создать дело против молодого Хатерелла, но непреодолимым препятствием для них стало время. В тот час, когда полицейский видел стоявших рядом двух мужчин возле Парк-сквер, Уолтер Хатерелл ещё сидел в Харвуд-клубе, который покинул только без двадцати два. Если бы он хотел подстеречь и ограбить Аарона Коэна, то наверняка не успел бы – мистер Коэн к этому времени уже добрался бы до дома.

Более того, двадцать минут – невероятно мало для того, чтобы пройти от Ганновер-сквер до Риджентс-парка, не пересекая площадь, найти человека, местонахождение которого с точностью до двадцати ярдов вам неизвестно, поспорить с ним, убить его и обыскать его карманы. И, кроме того – полное отсутствие мотива.

– Но... – призадумалась Полли, потому что вспомнила, что убийство в Риджентс-парке, как его обычно называли, было одним из тех, которые остались непостижимой тайной – как и многие другие преступления, упоминавшиеся в полицейских анналах.

Старик в углу склонил забавную птичью голову набок и посмотрел на мисс Бёртон, явно забавляясь её недоумением.

– Вы не понимаете, как совершили это убийство? – с усмешкой спросил он.

Полли была вынуждена признать, что нет.

– Если бы вы оказались в затруднительном положении мистера Джона Эшли, – не унимался Старик, – то не смогли бы понять, как с лёгкостью покончить с мистером Аароном Коэном, забрать его выигрыш, а затем водить полицию всей страны за нос, доказав неоспоримое алиби?

– Я не смогла бы с лёгкостью, – отпарировала Полли, – в одно и то же время оказаться в двух разных местах, отстоящих друг от друга на добрую половину мили.

– Конечно! Я вполне допускаю, что в одиночку вам бы ничего не удалось, но если бы у вас был друг...

– Друг? Но вы говорили...

– Я говорил, что восхищаюсь мистером Джоном Эшли. Именно он был главарём, который всё спланировал, но не смог бы завершить эту захватывающую и ужасную драму без помощи волевых и умелых рук.

– Но даже тогда... – попыталась возразить Полли.

– Пункт номер один, – взволнованно перебил он, взяв со своим неизбежным шнурком. – Джон Эшли и его друг Уолтер Хатерелл вместе покидают клуб и вместе принимают решение о плане кампании. Хатерелл возвращается в клуб, а Эшли идёт за револьвером – револьвером, сыгравшим исключительно важную роль в трагедии, но не ту, что назначила ему полиция. Теперь внимательно проследим за Эшли, который торопится догнать Аарона Коэна. Вы верите, что он вступил с ним в разговор? Что он шёл рядом с ним? Что он просил отсрочки? Нет! В тумане он подкрался к нему и схватил за горло, наподобие старинных душителей. Коэн был человеком апоплексического сложения, а Эшли – молодым и сильным. И твёрдо намеревался убить...

– А мужчины, беседовавшие у входа на площадь? – возразила Полли. – Одним из них был Коэн, а другим – Эшли.

– Простите, – завертелся Старик на стуле, будто обезьяна на шесте, – двое мужчин *не беседовали* у ворот площади. По свидетельству констебля Джеймса Фаннелла, двое мужчин держались за руки и опирались на ограждение площади, но говорил *только один*.

– То есть вы считаете...

– В тот миг, когда Джеймс Фаннелл услышал, как часы Святой Троицы пробили половину третьего, Аарон Коэн был уже мёртв. Исключительно просто, – нетерпеливо добавил он, – невероятно легко, но, о Боже! как удивительно, как потрясающе умно! Джеймс Фаннелл уходит, и тут же Джон Эшли, открыв ворота, поднимает тело Аарона Коэна на руках и переносит его через площадь. Площадь, конечно, пустынна, и путь совсем не сложен. Можно предположить, что Эшли уже проходил его раньше. Во всяком случае, опасности встретить кого-либо не было.

Тем временем Хатерелл покинул клуб. Он мчится по Оксфорд-стрит и Портленд-плейс со всей скоростью, на которую способны его мощные ноги. Преступники решили, что ворота, ведущие на площадь, останутся запертыми.

Догоняя Эшли, Хатерелл вслед за ним пересекает площадь и достигает отдалённых ворот как раз вовремя, чтобы помочь своему сообщнику бросить тело у перил. Затем, не медля ни секунды, Эшли бежит обратно через сады прямо в Эштон-клуб, по дороге выбросив ключи мертвеца там, где их обязательно найдут.

Хатерелл даёт своему другу шесть-семь минут форы, затем начинает изображать ссору, длящуюся две-три минуты, и, наконец, будит соседей криками «Убийство!» и выстрелами из пистолета, заставляя всех поверить, что преступление в действительности произошло в то время, на которое у предполагаемого преступника уже имеется неоспоримое алиби.

– Я, конечно, не знаю, что вы обо всём этом думаете, – добавил чужак, напяливая пальто и перчатки, – но считаю планирование этого убийства – людьми, не имевшими никакого преступного опыта, заметьте – одним из самых умных стратегических решений, с которыми я когда-либо сталкивался. И в этом случае, как и в ряде других, нет никакой возможности привлечь к ответственности ни злодея, ни его сообщника. Они не оставили после себя ни единого доказательства; они предусмотрели всё до мелочей; и каждый сыграл свою роль с хладнокровием и храбростью. Люди, проявившие подобные качества в каком-нибудь грандиозном и добром деле, стали бы выдающимися государственными деятелями.

Вот только на самом деле они – всего лишь парочка юных мерзавцев, избежавших людского правосудия и заслуживших в итоге ваше искреннее и беззаветное восхищение.

Он ушёл. Полли попыталась было окликнуть его, но узкое лицо уже скрылось за стеклянной дверью. Мисс Бёртон хотелось забросать Старика вопросами – доказательства, факты? Он ограничился предположениями – и всё же она каким-то образом чувствовала, что он снова разгадал одну из самых мрачных загадок великого криминального Лондона.

ГЛАВА XXXI ПЭРСТВО РОДА ДЕ ЖАНВИЛЬ

Старик в углу задумчиво потёр подбородок и посмотрел на оживлённую улицу за окном.

– Я полагаю, – начал он, – есть доля правды в утверждении, что Провидение наблюдает за банкротами, котятами и адвокатами.

– А я и не слышала о подобном высказывании, – ответила Полли со сдержанным достоинством.

– Вот как? Возможно, я неверно цитирую; во всяком случае, так должно быть. Котята живут и процветают, несмотря на общественные и домашние потрясения, которые способны уничтожить взрослого кота. Сегодня в утренних газетах сообщается о банкротстве благородного лорда, а в светских листках – о его визите в дом члена кабинета министров, где он является самым почётным гостем. Что касается адвокатов – когда Провидение исчерпывает все иные средства обеспечения их благосостояния, юристы берутся за дела пэров⁸¹.

– Лично я считаю, что эта особая милость Провидения, как вы её называете, требует больше технических знаний, нежели любые другие юридические сложности, которые возникают в судах, – возразила Полли.

– А также наличия гораздо большего количества денег в кармане клиента, чем в любом другом случае. Возьмём, к примеру, дело пэров Брокелсби. Вы хоть представляете, сколько денег было потрачено на этот мыльный пузырь, лопнувший только после того, как многие сотни, если не тысячи, фунтов стерлингов ушли на гонорары адвокатов и консультантов?

– Безусловно, обе стороны потратили массу денег, – ответила девушка, – до того внезапного и кошмарного события...

– Которое окончательно разрешило спор, – прервал Старик с сухим смешком. – Конечно, было очень сомнительно, что какой-либо уважаемый адвокат возьмётся за это дело. Тимоти Беддингфилд, адвокат из Бирмингема, – джентльмен, которому... ну... скажем так, немного не повезло. Его не лишили практики, как вам известно, но я сомневаюсь, что шансы на успешный исход любого дела смогли бы увеличиться благодаря его участию. Единственное возражение – некоторые из этих старых пэрств имеют такую удивительную историю и владеют такими замечательными архивами, что выдвигаемые претензии всегда заслуживают рассмотрения, поскольку никогда не знаешь, что вылезет на свет Божий.

Конечно, вначале все смеялись над требованиями достопочтенного⁸² Роберта Ингрэма де Жанвиля на совместное право собственности и часть доходов старого баронства Жанвиль, однако он вполне мог выиграть. Звучит, как в сказке: его утверждения основывались на предполагаемой достоверности древнего, более чем четырёхсотлетнего документа. Именно в те годы средневековый лорд де Жанвиль, наделённый больше мускулами, нежели здравым смыслом, оказался весьма смущён и безнадёжно озадачен, когда жена подарила ему сыновей-близнецов.

Смущение было вызвано главным образом тем фактом, что служанки, заботясь о своей госпоже, в суматохе уложили младенцев в кроватку так, что впоследствии никто – а тем более мать – не мог сказать, кто из детей первым появился в этом беспокойном и загадочном мире.

После многих лет размышлений, в течение которых лорд де Жанвиль продвигался всё ближе и ближе к могиле, а его сыновья – к наследству, он отказался от попыток решить головоломку – кто из близнецов унаследует его титул и доходы – и обратился к своему суверену и королю Эдуарду

⁸¹ Пэрство (англ. Peerage от англ. peer — «равный») — система дворянских титулов, существующая в Великобритании, часть Британской системы наград. Термин используется как для всей системы титулов, так и для отдельного титула. Рангами английского пэрства, в порядке убывания, являются герцог, маркиз, граф, виконт и барон.

⁸² Правом на этот почётный титул обладают дети пэров — как наследственных, так и пожизненных, а также лица, занимающие ряд должностей, включая судей Высокого суда Англии и Уэльса.

Четвёртому⁸³, и с соизволения последнего составил некий документ, в котором указал, что оба сына после его смерти должны разделить титул и состояние, и что первый сын, рождённый в браке от *любого* отца, впоследствии должен стать единственным наследником.

В это завещание также добавили: если в будущем кто-либо из лордов де Жанвиль вновь окажется жертвой сыновей-близнецов, имеющих равные права считаться перворождёнными, в отношении наследования должно применяться то же правило.

Впоследствии некий король из династии Стюартов⁸⁴ даровал лорду де Жанвилю титул графа Брокелсби. Упомянутый из ряда вон выходящий акт о наследовании в течение четырёхсот лет после его принятия оставался простой традицией, поскольку графини Брокелсби не имели предрасположенности к близнецам. Но в 1878 году очередная хозяйка замка Брокелсби подарила своему господину сыновей-близнецов.

К счастью, в наше время наука более бдительна, а слуги – гораздо внимательнее. Братьев-близнецов не перепутали, и старший, объявленный наследником графства, получил титул виконта Тирлемона, а другой, родившийся двумя часами позже, впоследствии превратился в очаровательного, отважного молодого гвардейца, хорошо известного в Херлингхэме, Гудвуде, Лондоне и в его собственном графстве – достопочтенного Роберта Ингрэма де Жанвиля.

Увы, блестящий молодой отпрыск древнего рода в недобрый час прислушался к Тимоти Беддингфилду. И сам Тимоти, и его предки на протяжении многих поколений были адвокатами графов Брокелсби, но Тимоти из-за неких «недоразумений» лишился доверия своего клиента, покойного графа.

Однако он по-прежнему практиковал в Бирмингеме и, конечно же, знал древнюю семейную традицию, касающуюся наследования близнецов. Кто знает, что побудило его к действиям – месть или самореклама?

Но несомненно, что он посоветовал достопочтенному Роберту де Жанвилю (явно задолжавшему бóльшую сумму, чем тот был в состоянии заплатить, и имевшему более экстравагантные вкусы, чем следовало бы младшему сыну) по смерти отца заявить претензию на совместный титул и часть доходов древнего баронства Жанвиль, основываясь на законности документа пятнадцатого века.

Вы можете понять, насколько обширны были требования достопочтенного Роберта, из того факта, что большая часть Эджбастона⁸⁵ нынче построена на земле, принадлежащей старому баронству. В любом случае, это стало последней каплей в океане долгов и трудностей, и я не сомневаюсь, что Беддингфилду не составило большого труда убедить достопочтенного Роберта немедленно начать судебный процесс.

Молодой граф Брокелсби⁸⁶, однако, оставался абсолютно спокойным – законы диктует собственность⁸⁷. А он владел и титулом, и документом. Другой стороне надлежало заставить его предъявить завещание и поделиться титулом.

Именно на этой стадии разбирательства достопочтенному Роберту посоветовали жениться, чтобы обеспечить, если возможно, наследника мужского пола, поскольку сам молодой граф пока что оставался холостяком. Друзья нашли ему подходящую *fiancée*⁸⁸ – мисс Мейбл Брэндон, дочь богатого бирмингемского фабриканта, и свадьба должна была состояться в Бирмингеме в четверг, 15 сентября 1907 года.

⁸³ Эдуард IV (1442 — 1483 гг.) — король Англии в 1461–1470 и 1471–1483 годах, представитель Йоркской линии Плантагенетов. Был первым королём Англии из династии Йорков.

⁸⁴ Шотландский король Яков VI Стюарт с прекращением династии Тюдоров в 1603 г. стал королём Англии под именем Якова I, объединив таким образом английский и шотландский престолы (хотя официальная уния произошла лишь в 1707 году).

⁸⁵ Эджбастон – богатый пригородный район южного Бирмингема, Англия, исторически расположенный в Уорикшире и огибающий юго-западную часть центра города.

⁸⁶ До вступления в наследство старший сын, как указано выше, именовался виконтом Тирлемоном, а после смерти отца стал графом Брокелсби. Наиболее известная аналогия – наследник английского престола, до вступления на трон именующийся принцем Уэльским.

⁸⁷ Английская идиома «nine points of the law» означает: в спорных случаях правосудие стоит на стороне фактического владельца имущества; собственность диктует законы, владелец на девять десятых прав.

⁸⁸ *Fiancée* – невеста (*фр.*)

13-го числа distinguished Роберт Ингрэм де Жанвиль прибыл в отель «Кастл» на Нью-стрит, где собирался дожидаться свадьбы, а 14-го, в восемь утра, он был обнаружен лежащим на полу в своей спальне – убитым.

Сенсация, которую ужасное и неожиданное развитие дела о пэрстве де Жанвиль вызвало в умах друзей обеих тяжущихся сторон, была беспрецедентной. Вряд ли какое-либо иное преступление, совершённое в наши дни, вызвало столько шума во всех слоях общества. Весь Бирмингем взволнованно бурлил, и служащие отеля «Кастл» с большим трудом отбивались от взбудораженной и любознательной толпы, ежедневно стекавшейся в холл и тщетно надевавшейся узнать подробности, касавшиеся жуткой трагедии.

Но к тому времени мало что было известно. Крики горничной, которая вошла в комнату distinguished Роберта с водой для бритья в восемь часов, привлекли внимание официантов. Затем к ним присоединились управляющий и его секретарь, после чего немедленно послали за полицией.

На первый взгляд казалось, что молодой человек стал жертвой маньяка-убийцы, поскольку его убили с особой жестокостью. Голова и тело были разбиты и покрыты кровоподтёками с помощью какой-то тяжёлой палки или кочерги, как будто убийца хотел отомстить телу своей жертвы. Как полиция, так и судебный медик с трудом описали жуткий вид этой комнаты и тела убитого.

Предполагалось, что убийство совершили накануне вечером, поскольку жертва была в вечерней одежде, а свет в комнате остался полностью включённым. Грабёж, очевидно, также входил в намерения злоумышленника, поскольку ящики и шкафы, чемодан и дорожная сумка были обысканы, как будто в поисках ценностей. На полу валялся бумажник, разорванный пополам и содержащий лишь несколько писем, адресованных distinguished Роберту де Жанвилю.

Граф Брокелсби, ближайший родственник покойного, также получил телеграмму и тут же приехал из замка Брокелсби, который находится примерно в семи милях от Бирмингема. Он был потрясён трагедией и предложил щедрую награду, дабы подстегнуть полицию в поисках злоумышленника.

Следствие было назначено на 17-е, три дня спустя, и публика с нетерпением ожидала разгадки кошмарного и омерзительного убийства в отеле «Кастл».

ГЛАВА XXXII ВЫСОКОРОДНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

– Центральной фигурой в коронерском суде в тот день, несомненно, был граф Брокелсби в тёмно-чёрном наряде, сильно контрастировавшим с его цветущим видом и светлыми волосами. Его сопровождал адвокат, сэра Мармадьук Ингерсолл, и граф уже исполнил свой печальный долг, опознав покойного брата. Процедура была невероятно тягостной из-за того, что тело и лицо изуродовали жесточайшим образом; но одежда и различные безделушки, включая фамильный перстень, к счастью, не соблазнили жестокого убийцу, и именно с их помощью лорд Брокелсби под присягой опознал брата.

Служащие отеля дали показания относительно обнаружения тела, а судебный медик высказал своё мнение по поводу непосредственной причины смерти. По всей видимости, покойного ударили по затылку кочергой или тяжёлой палкой, а затем убийца излил слепую ярость на тело, обезобразив лицо, что, несомненно, позволяло считать преступника маньяком.

Затем был вызван граф Брокелсби, и коронер попросил его сообщить, когда он в последний раз видел брата живым.

«Утром перед смертью, – ответил его светлость, – он прибыл в Бирмингем ранним поездом, и я приехал из Брокелсби, чтобы увидеться с ним. В отеле я оказался в одиннадцать часов и провёл с братом около часа».

«И тогда вы в последний раз видели покойного?»

«В последний раз», – ответил лорд Брокелсби.

Он немного замялся, как будто размышляя, стоит ли об этом упоминать, а затем, внезапно решившись, добавил: «Я весь день провёл в городе и вернулся в Брокелсби поздним вечером. У меня были дела, и я остановился в «Гранд-отеле», как обычно, и поужинал с друзьями».

«Не могли бы вы сказать нам, в какое время вы вернулись в замок Брокелсби?»

«Наверное, было около одиннадцати часов. Он в семи милях отсюда».

«Так, – произнёс коронер после небольшой паузы, во время которой внимание всех зрителей было приковано к красивой фигуре молодого человека, стоявшего в ложе для свидетельских показаний. Граф Брокелсби являл собой само олицетворение знатного джентльмена. – Так вот, прав ли я, утверждая, что между вашей светлостью и вашим братом произошёл досадный юридический спор?»

«Верно».

Коронер задумчиво погладил подбородок, затем добавил:

«Если притязания покойного на совместный титул и доходы де Жанвиля были бы признаны в суде, изменило бы это важность бракосочетания, которое должно было состояться 15 числа?»

«В этом случае – безусловно».

«Можете ли вы заверить присяжных, что после утренней беседы вы с покойным расстались мирно?»

Граф Брокелсби снова заколебался, а публика и присяжные, затаив дыхание, неотрывно смотрели на его губы.

«Между нами не было вражды», – наконец ответил он.

«То есть мы можем сделать вывод, что во время встречи имело место... выразимся так, некоторое разногласие?»

«Мой брат, к сожалению, был введён в заблуждение неверными сведениями или, возможно, излишне оптимистичными взглядами своего адвоката. Его втянули в судебный процесс на основании старого семейного документа, который сам он никогда не видел. К тому же это завещание устарело, и из-за определённой формулировки недействительно. Я посчитал, что будет неизмеримо лучше и разумнее, если я позволю брату самому судить о документе. Я знал: когда он его увидит и убедится в абсолютной безосновательности своих претензий, это станет для него ужасающим разочарованием. Вот почему я хотел поговорить с ним лично, а не формально – через

юристов – хотя, возможно, второй путь был бы более правильным. А так я всего лишь изложил ему факты, причём исключительно дружелюбно».

Молодой граф Брокелсби дал это довольно пространное и совершенно добровольное объяснение спокойным, тихим голосом, с большим достоинством и редкостной простотой, но коронера оно, похоже, не впечатлило, потому что он спросил очень сухо:

«Вы расстались дружески?»

«С моей стороны – безусловно».

«Но не с его стороны?» – не отступал коронер.

«По-моему, он был вполне естественно раздражён тем, что его поверенные поступили так неблагоразумно».

«И вы не пытались позже в тот же день уладить какие-либо недовольства, которые могли возникнуть между вами?» – спросил коронер, как-то по-особенному выделяя каждое произнесённое им слово.

«Если вы имеете в виду, навещал ли я брата в тот день ещё раз – нет».

«И ваша светлость не может дать нам никаких дополнительных сведений, которые могли бы пролить свет на тайну, окружающую смерть почтенного Роберта де Жанвиля?» – не унимался коронер.

«К сожалению, не могу», – твёрдо ответил граф Брокелсби.

Коронер по-прежнему выглядел озадаченным и задумчивым. Казалось, что он продолжит обосновывать свою точку зрения; каждый чувствовал, что за допросом свидетеля что-то скрывается, и все ломали себе голову, каким же будет следующее доказательство. Граф Брокелсби немного подождал, а затем, по знаку коронера, покинул ложу для дачи показаний, чтобы поговорить со своим адвокатом.

Вначале он не обращал внимания на показания кассира и портье «Кастл-отеля», но постепенно понял, что слова этих свидетелей достаточно важны, и брови его нахмурились в тревожном изумлении, а лицо побледнело.

Мистер Тремлетт, кассир в отеле, завладел вниманием суда. Он заявил, что почтенный Роберт Ингрэм де Жанвиль прибыл в отель в восемь часов утра 13-го числа; он получил ту же самую комнату, которую обычно занимал в «Кастле», а именно номер 21, и сразу же отправился туда, заказав завтрак в номер.

В одиннадцать часов утра граф Брокелсби навестил своего брата и оставался с ним примерно до двенадцати. Днём покойный уходил из отеля и вернулся на ужин к семи часам в компании с джентльменом, которого кассир отлично знал – мистером Тимоти Беддингфилдом, юристом с Парадайз-стрит. Джентльмены поужинали внизу, а затем поднялись в комнату почтенного мистера де Жанвиля, чтобы выпить кофе и выкурить сигары.

«Я не могу сказать, когда ушёл мистер Беддингфилд, – продолжил кассир, – но, по-моему, я видел его в холле около 21:15. На нём были макинтош⁸⁹ поверх парадной одежды и шотландская шапочка⁹⁰. Как раз в это время в гостиницу из Лондона прибыло множество гостей; зал был переполнен, и толпа американцев, так сказать, монополизировала бóльшую часть нашего персонала, поэтому я не могу твёрдо заявить, что действительно видел мистера Беддингфилда, хотя совершенно уверен, что именно мистер Тимоти Беддингфилд, которого я знаю в лицо, ужинал и провёл вечер вместе с почтенным мистером де Жанвилем. В десять вечера я завершил работу, и ночной портье остался в холле в одиночестве».

Показания мистера Тремлетта были в основном подтверждены официантом и швейцаром. Оба видели, как покойный появился в отеле в семь вечера вместе с джентльменом, чьё описание

⁸⁹ Макинтош (в данном рассказе – Inverness cape, Инвернесская накидка) – здесь: один из видов водонепроницаемого верхнего пальто (плаща). Характеризуется отсутствием рукавов (или короткими рукавами), так что руки выступают из пройм под накидкой. Судя по описанию, его носил сам Шерлок Холмс. Инвернесс – портовый город, расположенный на побережье Северного моря на севере Шотландии, административный центр округа Хайленд.

⁹⁰ Шотландская шапочка (в данном рассказе – Glengarry cap, кепка Гленгарри) – шотландский национальный головной убор, сплюснутая с боков шапочка наподобие пилотки из плотной шерстяной ткани с ленточками сзади.

совпало с описанием внешнего вида мистера Тимоти Беддингфилда (которого, однако, сами они не знали).

На этом этапе судебного разбирательства председатель жюри поинтересовался, почему мистер Тимоти Беддингфилд не вызван в суд в качестве свидетеля, на что последовал ответ детектива-инспектора, ведущего дело, что сей джентльмен, по всей видимости, уехал из Бирмингема, но вскорости ожидается его возвращение. Коронер предложил отложить заседание до появления мистера Беддингфилда, но по настоятельной просьбе детектива согласился заслушать показания Питера Тиррелла, ночного портье в отеле «Кастл». Возможно, вы помните, как ему удалось произвести самую большую сенсацию из всех, связанных с этим экстраординарным и кошмарным случаем.

«Я в тот день впервые дежурил в «Кастле», – начал он, – а раньше я работал ночным портье в «Брайте», что в Вулверхэмптоне. Как только я приступил к дежурству в десять вечера, какой-то джентльмен подошёл ко мне и спросил, может ли он увидеть почтенного Роберта де Жанвиля. Я ответил: «По-моему, он у себя, но я сейчас отправлю посыльного и удостоверюсь». Джентльмен возразил: «Не стоит. Не беспокойтесь, я знаю его комнату. Номер двадцать один, не так ли?» И ушёл вверх, прежде чем я успел вставить хотя бы слово».

«Он называл какое-либо имя?» – спросил коронер.

«Нет, сэр».

«Опишите его».

«Молодой джентльмен, сэр, насколько я помню, в макинтоше и шотландской шапочке, но я не очень хорошо разглядел его лицо, поскольку он стоял спиной к свету, шапочка напозвала на глаза, и он говорил со мной меньше минуты».

«Оглядитесь вокруг, – тихо произнёс коронер. – Есть ли в этом суде хоть один человек, похожий на того джентльмена, о котором вы говорите?»

Среди зрителей воцарилась трепетная тишина, когда Питер Тиррелл, ночной портье отеля «Кастл», повернул голову к толпе и медленно обвёл взглядом множество присутствующих лиц. На мгновение он, казалось, заколебался – только на мгновение. А затем, как будто смутно осознавая, какое роковое значение могут иметь его слова, он веско кивнул и промолвил:

«Я не могу с уверенностью утверждать».

Коронер попытался надавить на свидетеля, но тот с истинно британской невозмутимостью повторил: «Я не могу с уверенностью утверждать».

«Что же было дальше?» – спросил коронер, чья настойчивость не увенчалась успехом.

«Джентльмен поднялся вверх, сэр, и примерно через четверть часа он снова спустился, и я выпустил его. Он очень спешил, бросил мне полкроны и пожелал спокойной ночи».

«И, хотя вы тогда ещё раз увидели его, но не можете сказать нам, присутствует ли он в зале?»

И вновь взгляд портье, словно инстинктивно, остановился на некоем лице; и вновь свидетель колебался в течение секунд, казавшихся долгими часами, в течение которых честь человека, да и сама его жизнь висели на волоске.

Затем Питер Тиррелл медленно повторил: «Я не могу с уверенностью утверждать».

Но и коронер, и присяжные, да и все зрители в переполненном суде заметили, что взор портье во время этого молчаливого колебания задержался на лице графа Брокелсби.

ГЛАВА XXXIII ЖИВОЙ И МЁРТВЫЙ

Старик в углу посмотрел на Полли смеющимися голубыми глазами.

– Ничего удивительного нет в том, что вы озадачены, – продолжил он. – В тот день в зале суда все испытывали подобное чувство – все, кроме меня. Один лишь я мысленно полностью видел картину ужасного убийства – и как оно было совершено, и все его подробности, и, разумеется, самое главное: мотив. Вы и сами всё поймёте, когда я изложу вам свои мысли.

Но прежде чем пролить свет на это странное дело, придётся ввергнуть вас в ещё бóльшую тьму – в ту же самую, в которую погрузились коронер и присяжные на следующий день этого знаменательного расследования. Рассматривался вопрос о переносе заседания, поскольку необходимость появления в суде мистера Тимоти Беддингфилда приобрела исключительную важность. Публика сочла его отсутствие в Бирмингеме в такой критический момент по меньшей мере примечательным, и те, кто не знал адвоката в лицо, хотели видеть его в макинтоше и шотландской шапочке – таким, каким его запомнили свидетели в ночь жуткого убийства.

Коронер и присяжные заняли свои места, и тут полицейские сделали поразительное заявление: местонахождение мистера Тимоти Беддингфилда не установлено, хотя определённо можно ожидать, что ему не удалось скрыться далеко, да и узнать его не составит особого труда. Вызвали свидетельницу, которая, по мнению полиции, могла пролить свет на вероятное местопребывание адвоката, поскольку последний, очевидно, покинул Бирмингем сразу после беседы с ней.

Этой свидетельницей оказалась миссис Хиггинс, экономка мистера Беддингфилда. Она заявила, что у хозяина имелась постоянная привычка – особенно в последнее время – ездить в Лондон по делам. В таких случаях он обычно уезжал последним вечерним поездом, и, как правило, отсутствовал не более тридцати шести часов. С этой целью он всегда держал наготове чемодан с вещами, так как часто на сборы у него почти не оставалось времени. Миссис Хиггинс добавила, что хозяин останавливался в отеле «Грейт Вестерн» в Лондоне – именно туда ей велели телеграфировать, если что-то срочное потребует присутствия мистера Беддингфилда в Бирмингеме.

«Вечером 14-го, – продолжала она, – в девять часов или около того к дверям подошёл посыльный с визитной карточкой хозяина и сказал, что ему велено принести чемодан мистера Беддингфилда на станцию, чтобы хозяин успел на поезд, отходящий в 21.35. Я, конечно, отдала ему чемодан, так как он предъявил визитку, и ничего не заподозрила. С тех пор я ничего не слышала о хозяине и не знаю, когда он вернётся».

На вопрос коронера миссис Хиггинс добавила: мистер Беддингфилд никогда не отсутствовал так долго, чтобы ему пришлось пересылать полученные письма. К нынешнему дню накопилась изрядная стопка конвертов; миссис Хиггинс написала в отель «Грейт Вестерн» в Лондоне, спрашивая, как поступить с почтой, но ответа не получила. Она не знала в лицо курьера, забравшего чемодан. Но мистер Беддингфилд пару раз посылал таким образом слугу за своими вещами, когда ужинал вне дома.

Кроме того, уходя из дома после шести вечера, он надевал макинтош поверх парадной одежды. А также шотландскую шапочку.

Посыльного так и не нашли, и с этого момента – с момента отправки за чемоданом – все следы мистера Тимоти Беддингфилда были потеряны. Доехал ли он до Лондона поездом 21.35 или нет, осталось неизвестным. Полиция допросила не менее дюжины носильщиков и кассиров; но никто не запомнил джентльмена в макинтоше и шотландской шапочке, ибо холодной сентябрьской ночью не один пассажир первого класса облачился в такой костюм.

Вот в этом-то и состояла загвоздка. Мистер Тимоти Беддингфилд, адвокат, бесследно исчез. В последний раз его видели в компании с покойным, в макинтоше и шотландской шапочке; три свидетеля подтвердили, что он вышел из отеля около 21.15. Затем посыльный появляется в доме

адвоката, чтобы забрать чемодан, после чего мистер Тимоти Беддингфилд попросту растворяется в воздухе. Но – причём это большое «но» – ночной портье в «Кастле» примерно через полчаса или около того видел, как кто-то в памятных макинтоше и шотландской шапочке поднимался в комнату покойного, где пробыл около пятнадцати минут.

Несомненно, вы решите – как решил каждый после показаний ночного портье и миссис Хиггинс – что на мистера Тимоти Беддингфилда падают тяжкие подозрения, особенно с учётом того, что означенный джентльмен по какой-то необъяснимой причине отсутствовал и не мог вступить за себя. Но осталась одна деталь – я бы заметил, сущая мелочь – которую ни коронер, ни присяжные не осмелились упустить, хотя, строго говоря, доказательством она не являлась.

Вы помните, что, когда ночного портье спросили, может ли он среди лиц, присутствующих в суде, узнать запоздалого посетителя почтенного Роберта де Жанвиля, все заметили колебания мистера Тиррелла и отметили, что его глаза с сомнением остановились на лице и фигуре молодого графа Брокелсби.

Так вот, если бы этим запоздалым посетителем был мистер Тимоти Беддингфилд – длинный, худой, сухой, как спичка, с носом, напоминавшим птичий клюв, и чисто выбритым подбородком – никто ни при каких обстоятельствах не принял бы его за другого, даже бросив на него лишь мимолётный взгляд. И уж тем более – за молодого лорда Брокелсби, румяного и не столь высокого. Единственной общей чертой между ними была саксонская шевелюра.

– Понимаете всю важность этого факта? – продолжал Старик в углу, чьи пальцы, словно длинные тонкие щупальца, взволнованно порхали вокруг обрывка верёвки. – Веское доказательство в пользу Тимоти Беддингфилда. К тому же вам следует помнить, что почтенный Роберт де Жанвиль был для адвоката курицей, несущей золотые яйца. Дело о пэрстве де Жанвиля принесло имени Беддингфилда популярность. Со смертью истца исчезли любые надежды на продолжение судебного процесса. Так что у Беддингфилда не было ни малейшего мотива.

– В отличие от графа Брокелсби, – подхватила Полли, – и я часто утверждала...

– Что? – перебил Старик. – Что граф Брокелсби притворился Беддингфилдом, чтобы безнаказанно прикончить собственного брата? Где и когда они могли обменяться одеждой, учитывая, что макинтош и шотландская шапочка находились в холле отеля «Кастл» в 21:15, а в это время и до десяти часов лорд Брокелсби ужинал с друзьями в «Гранд-отеле»? В этом нет ни малейшего сомнения, как и в том, что он вернулся в замок Брокелсби, что в семи милях от Бирмингема, ровно в одиннадцать вечера. Так вот, визит человека в шотландской шапочке состоялся чуть позже 22:00.

– После чего Беддингфилд исчез, – задумчиво протянула девушка. – Что, безусловно, очень сильно повредило ему. До этого его практика была достаточно обширной, а имя – известно многим.

– Но с того вечера и по сей день о нём никто не слышал, – хихикая, завершил старый уродец. – Естественно, вы озадачены. Полиция была совершенно сбита с толку, да и поныне остаётся в том же положении. Хотя на самом деле всё предельно просто! Только полиция по-прежнему упорно подозревает лишь двоих: лорда Брокелсби – с сильным мотивом и колебаниями ночного портье в процессе опознания, и Беддингфилда – без мотива, но с вескими косвенными доказательствами, к которым относится и его собственное исчезновение.

А им бы стоило посмотреть на случившееся с моей точки зрения, и подумать о мёртвых не меньше, чем о живых. Вспомнить тяжбу о пэрстве, долги почтенного Роберта и последнюю каплю, доказавшую тщетность претензий.

В тот роковой день граф Брокелсби, без лишнего шума показав оригинал древнего документа брату, убедил почтенного Роберта в тщетности всех его надежд. Кто знает, сколько было принято обязательств, дано обещаний, взято в долг денег в ожидании успешного исхода процесса – но победа оказалась всего лишь красочным миражом? Впереди ничего, кроме разорения, вражды с братом, несостоявшейся женитьбы – фактически рухнувшей жизни.

Безусловно, неприязнь к графу Брокелсби могла быть глубокой, но стоит ли удивляться существованию ненависти, горькой, смертельной ненависти к человеку, который своими ложными обещаниями завёл младшего де Жанвиля в такое безнадёжное болото? Вероятно, почтенный Роберт задолжал Беддингфилду изрядную сумму денег, и последний надеялся

возместить ущерб за счёт ростовщических процентов, угроз скандала и тому подобного. Что ж, подумайте обо всём этом, – добавил он, – а затем скажите мне, если считаете, что можно найти более сильный мотив для убийства.

– Но то, что вы предполагаете, невозможно, – ошеломлённо пробормотала Полли.

– Отнюдь, – усмехнулся Старик, – это более чем возможно – это очень легко и просто. После ужина двое мужчин уединились в комнате почтенного Роберта де Жанвиля. Вы, как представитель публики, вместе с полицией заявляете, что Беддингфилд ушёл, а затем вернулся через полчаса, чтобы убить своего клиента. А я утверждаю, что на самом деле в девять часов вечера убили *адвоката*, и что убийцей был разорившийся человек, безнадёжный банкрот – Роберт де Жанвиль.

– Но...

– Да, конечно, теперь вы вспомнили, потому что я убрал пелену с ваших глаз. Лицо и тело были так изуродованы и покрыты кровоподтёками, что опознать покойного не смог бы никто. Рост у обоих мужчин был одинаков. Волосы нельзя ни обезобразить, ни уничтожить – но и они у обоих были одинакового цвета.

Затем убийца переодевает жертву в свою одежду. С особой осторожностью он надевает собственные кольца, в том числе фамильный перстень, на пальцы мертвеца и кладёт свои часы к нему в карман; кошмарная задача, но важная, и выполнена безукоризненно. После этого он надевает одежду своей жертвы, завершая маскарад макинтошем и шотландской шапочкой, и, когда холл заполняется посетителями, незаметно выскальзывает из отеля. Он посылает человека за чемоданом Беддингфилда и уезжает ночным экспрессом.

– Но его повторный визит в «Кастл-отель» в десять часов... – не сдавалась Полли. – Как опасно!

– Опасно? Да! Но невероятно умно. Видите ли, он был братом-близнецом графа Брокелсби, а братья-близнецы всегда чем-то похожи друг на друга. Он хотел, чтобы его считали мёртвым, кем-то убитым – безразлично, кем. Его заботила лишь необходимость пустить полицейских ищущих по ложному следу, и замысел блестяще удался. Возможно – кто знает? – он хотел убедиться, что ничего не забыл, устраивая *mise en scène*⁹¹, что тело, изувеченное, покрытое кровоподтёками, лишённое всякого сходства с человеком, за исключением одежды, действительно любому покажется телом почтенного Роберта де Жанвиля, в то время как последний навсегда исчез из старого мира и начал жизнь в новом.

Так что вам придётся согласиться с практически неизменным правилом, согласно которому убийца всегда хотя бы раз возвращается на место преступления.

Со времени убийства прошло два года; никаких следов Тимоти Беддингфилда, адвоката, так и не нашли, и могу заверить вас, что никогда не найдут, поскольку его плебейское тело погребено в аристократическом семейном склепе графа Брокелсби.

Он ушёл прежде, чем Полли успела вымолвить хоть слово. Лица Тимоти Беддингфилда, графа Брокелсби, почтенного Роберта де Жанвиля, казалось, кружились у неё перед глазами, издеваясь над безнадёжным замешательством, в которое сами же её и ввергли. Затем все лица исчезли, или, вернее, слились в одно длинное, тонкое, похожее на птичье, с очками в роговой оправе на вершине клюва и широкой грубой ухмылкой под ним. Растерянная, неотступно терзаемая сомнениями, девушка заплатила за скудный ланч и отправилась по делам.

⁹¹ *Mise en scène* – мизансцена, расположение актёров на сцене в тот или иной момент спектакля (*фр.*)

ГЛАВА XXXIV

ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ НА ПЕРСИ-СТРИТ

Мисс Полли Бёртон постоянно спорила с мистером Ричардом Фробишером из-за Старика в углу, ибо сам Старик казался гораздо интереснее и невероятно загадочнее любого из преступлений, о которых рассуждал с невозмутимостью философа.

Более того, Дик вбил себе в голову, что мисс Полли нынче проводит в магазине А.В.С. больше времени, чем раньше в его собственной компании, и заявил ей об этом с той восхитительной робкой угрюмостью, которую неизменно приобретает любой мужчина, когда ревнует, но не намерен признавать сей факт.

Полли нравилась ревность Дика. Но в той же самой степени ей очень нравилось старое чучело в магазине А.В.С. И хотя время от времени она бросала различные расплывчатые обещания мистеру Ричарду Фробишеру, но, тем не менее, день за днём инстинктивно возвращалась обратно в чайную лавку на Норфолк-стрит, что в Стрэнде, и оставалась там, попивая кофе, пока Старик в углу рассказывал очередную историю.

В тот день она направилась в магазин А.В.С. с определённой целью – заставить Старика поведать ей о загадочной смерти миссис Оуэн на Перси-стрит.

Факты заинтересовали и озадачили мисс Полли. Она без устали спорила с мистером Ричардом Фробишером относительно трёх возможных решений загадки: несчастный случай, самоубийство, убийство?

– Несомненно, ни несчастный случай, ни самоубийство, – сухо отрезал Старик.

А Полли-то думала, что не произнесла ни слова. Что за странная привычка у этого существа читать её мысли!

– Значит, вы склоняетесь к мысли, что миссис Оуэн была убита. Вы знаете, кем?

Старик засмеялся и вытащил верёвку, с которой постоянно возился, разгадывая всё новые и новые тайны.

– Вы хотите знать, кто убил старуху? – спросил он наконец.

– Я хотела бы услышать ваше мнение по этому поводу, – ответила Полли.

– У меня нет мнения, – вновь сухо отрезал Старик. – Никто не узнает, кто убил женщину, поскольку никто никогда не видел преступника. Никто не может дать ни малейшего описания таинственного незнакомца, которому в одиночку удалось совершить столь изобретательное злодеяние, а полиция бродит во тьме с завязанными глазами.

– Но вы, безусловно, сформировали свою собственную теорию, – не унималась мисс Полли. Её раздражало упорство забавного уродца, поэтому она попыталась унижить его тщеславие. – Я считаю, что на самом деле ваше первоначальное замечание о том, что «не существует такого понятия, как тайна» отнюдь не универсально. Вот вам тайна – смерть на Перси-стрит, которую ни вы, ни полиция не в состоянии разгадать.

Он приподнял брови и несколько минут молча глядел на свою собеседницу. Затем прервал тишину нервным смешком:

– Честно говоря, это убийство стало одним из самых изобретательных преступлений, осуществлённых за пределами сферы интересов российской дипломатии⁹². Должен сказать: если бы я был судьёй, которому следовало вынести смертный приговор человеку, задумавшему это убийство, то не смог бы заставить себя так поступить. Напротив, я со всей возможной учтивостью попросил бы этого джентльмена поступить на службу в наше Министерство иностранных дел – такие люди нам крайне необходимы. Вся *miseenscène* была поистине артистичной, достойной своего *milieu*⁹³ – Рубенс-студии на Перси-стрит, Тоттенхэм-Корт-роуд⁹⁴.

⁹² Напоминаю: книга написана в 1908 г. Интересно: уже тогда все в Европе были убеждены во всемогуществе и коварстве российских дипломатов? Или это личное мнение автора?

⁹³ *Milieu* – окружение, обстановка (фр.)

Вы когда-нибудь обращали внимание на подобные дома? Студии⁹⁵ они лишь по названию, а в действительности представляют собой простой набор комнат в угловом доме с немного увеличенными окнами, и арендная плата взимается соответственно с учётом этих дополнительных пяти дюймов туманного дневного света, проникающего сквозь немытые окна. На первом этаже находится отдел заказов витражей с мастерской в задней части, а на втором этаже – небольшая комната, отведённая смотрительнице, с газовым освещением, запасами угля и пятнадцатью шиллингами в неделю. И за этот княжеский доход ей надлежит поддерживать порядок и чистоту во всём доме.

Миссис Оуэн, смотрительница Рубенс-студии, была тихой, уважаемой женщиной, получавшая мизерный заработок различными – в основном очень скудными – чаевыми от безденежных художников в обмен на всяческие домашние услуги как в самой студии, так и вне её.

Да, заработок миссис Оуэн был небольшим, но регулярным, а экстравагантными привычками она не страдала. Смотрительница и её какаду жили на жалованье, а чаевые регулярно вносились на очень удобный скромный счёт под проценты в Биркбек-банке. Шли годы, а женщина так и не потратила ни единого пенни из чаевых. В результате скромный счёт вырос до весьма приличной суммы, и бережливую вдову – или старую деву (никто толком не знал, кто она такая) – молодые обитатели Рубенс-студии обычно называли «дамой со средствами». Но я немного отвлёкся.

В доме никто не ночевал, кроме миссис Оуэн и её какаду. Правило заключалось в том, что жильцы, покидая свои комнаты вечером, относили свои ключи в комнату смотрительницы. Рано утром она забирала эти ключи с собой, чтобы навести порядок и вытереть пыль в комнатах и конторе внизу, развести огонь и натаскать угля.

По утрам самым первым появлялся старший мастер стекольного завода. У него имелся ключ от входной двери; он заходил внутрь, после чего дверь оставалась незапертой для удобства арендаторов и их посетителей.

Обычно, приходя около девяти часов, мастер обнаруживал, что миссис Оуэн занята работой по дому, и перебрался с ней парой слов о погоде, но в то утро 2 февраля он не видел и не слышал её. Однако, поскольку контора была приведена в порядок, а в камине пылал огонь, мастер предположил, что миссис Оуэн закончила свою работу раньше, чем обычно, и больше не думал об этом. Обитатели студии появлялись один за другим, часы пролетали незаметно, и никто не обратил внимания на тот факт, что смотрительница за весь день так и не показалась.

Ночью было ужасно холодно, а днём – ещё хуже; дул сильнейший северо-восточный ураганный ветер, обильно выпавший снег лежал на земле толстым слоем, и в пять часов вечера, когда последние проблески бледного зимнего дневного света исчезли, братство кисти отложило палитры и мольберты в сторону и приготовилось отправляться домой. Первым ушёл мистер Чарльз Питт; он запер свою мастерскую и, как обычно, понёс ключ в комнату смотрительницы.

Не успел он открыть дверь, как бешеный порыв ледяного ветра ударил его в лицо; оба окна были широко открыты, и снег вперемешку с дождём что было сил хлестали в комнату, покрывая пол белым ковром.

В комнате царил полумрак, и сначала мистер Питт ничего не заметил, но инстинктивно чувствуя что-то неладное, он зажёл спичку, и его глазам предстало зрелище ужасной и таинственной трагедии, которая и поныне ставит в тупик как полицию, так и всех остальных. На полу, чуть ли не наполовину покрытом снегом, лежало тело миссис Оуэн – лицом вниз, в одной лишь ночной рубашке, с обнажёнными ступнями и лодыжками, которые, как и её руки, были тёмно-фиолетового цвета. А в углу комнаты, скрючившись от холода, лежал бездыханный какаду.

⁹⁴ Питер Пауль Рубенс (1577 — 1640 гг.) — нидерландский (фламандский) живописец и рисовальщик, один из основоположников и главных представителей искусства барокко, дипломат, коллекционер.

⁹⁵ Студия – в данном случае специально оборудованное помещение для занятий тем или иным видом искусств. Естественно, творцу необходимо хорошее освещение, в первую очередь – большие окна.

ГЛАВА XXXV САМОУБИЙСТВО ИЛИ УБИЙСТВО?

– Сначала речь шла только о чудовищном несчастном случае, результате какой-то необъяснимой небрежности, на которую, возможно, прольют свет доказательства, предъявленные на дознании.

В помощи врачей уже не было необходимости: несчастная замёрзла до смерти в собственной комнате. Дальнейшее обследование показало, что миссис Оуэн нанесли сильный удар по затылку, который, очевидно, оглушил её и вынудил беспомощно рухнуть у открытого окна. Всё остальное довершила температура в пять градусов ниже нуля⁹⁶. Детектив-инспектор Хауэлл обнаружил рядом с окном газовый рожок⁹⁷ из кованого железа, чьи размеры в точности соответствовали кровоподтёку на затылке миссис Оуэн.

Однако не прошло и пары дней, как полупенсовые вечерние листки подстегнули всеобщее любопытство шокирующими заголовками:

***Таинственная смерть на Перси-стрит
Самоубийство или убийство?
Захватывающие подробности и странные события
Сенсационный арест***

Что же произошло на самом деле?

В ходе дознания выяснилось несколько довольно-таки любопытных фактов, связанных с жизнью миссис Оуэн, и это привело к задержанию молодого человека весьма почтенного происхождения по обвинению в причастности к трагической смерти злосчастной смотрительницы.

Во-первых, смотрительница вела однообразную и размеренную жизнь, но – во всяком случае, в последнее время – часто казалась чем-то взволнованной. Все свидетели, знавшие её в прошлом, согласились с тем, что с октября прошлого года достойная и честная женщина резко изменилась.

У меня есть фотография миссис Оуэн. Такой она была до того, как в её тихой и спокойной жизни произошла большая перемена, которая привела бедную душу к плачевному итогу.

Вот она, – добавило забавное создание, выложив фотографию перед Полли. – Настолько респектабельна, скучна и неинтересна, насколько это вообще возможно для представительницы вашего очаровательного пола. Подобное лицо и подростка не введёт в искушение, а уж тем более не склонит к совершению преступления.

И представьте себе удивление и потрясение арендаторов Рубенс-студии, когда в шесть часов пополудни они увидели миссис Оуэн – скромную, респектабельную миссис Оуэн – в экстравагантном чепце и плаще, отороченном имитацией каракуля. Распахнутый спереди плащ демонстрировал миру золотой медальон на цепочке невероятных размеров.

Легкомысленные художники не замедлили разразиться комментариями, намёками, саркастическими репликами в адрес достойной женщины.

С того дня почтенная смотрительница Рубенс-студии как будто переродилась. День за днём, сопровождаемая изумлёнными взорами арендаторов и возмущёнными взглядами соседей, она демонстрировала миру свои наряды, один чуднее другого, полностью забросив работу. Теперь никто не мог найти её, когда требовалась помощь.

⁹⁶ 5 градусов ниже нуля по Фаренгейту – примерно минус 21 градус по Цельсию.

⁹⁷ Газовый рожок (газовая лампа) – осветительный прибор XIX – начала XX веков. Фонарное стекло вытянутой формы прикреплялось к металлической подставке. Сзади в отверстие вставлялась газовая труба, через которую подавался горючий газ. В верхней части рожка находился фитиль, который пропитывался специальной жидкостью для достижения более стабильного горения.

Естественно, в Рубенс-студии не стихали разговоры по поводу «беспутного поведения» миссис Оуэн. Жильцы начали складывать два и два, и спустя непродолжительное время пришли к твёрдому заключению, что падение честной женщины чуть ли не день в день совпало с появлением в студии № 8 молодого Гринхилла.

Все замечали, что по вечерам он уходит позже остальных, однако никто не предполагал, что из-за работы. Подозрения вскоре переросли в уверенность, когда стекольщик увидел миссис Оуэн и Артура Гринхилла за обедом в ресторане «Гамбия» на Тоттенхэм-Корт-роуд.

Рабочий, который пил чай у стойки, особо отметил, что счёт оплачивала миссис Оуэн. А обед был роскошным – телячьи котлеты, вырезка, десерт, кофе и рюмочка ликёра. Когда пара покинула ресторан, явно пребывая в чудесном настроении, молодой Гринхилл курил дорогую сигару.

Сведения о подобном недопустимом поведении рано или поздно должны были дойти до ушей и глаз мистера Оллмана, владельца Рубенс-студии; и в конце января он без лишних слов приказал миссис Оуэн через неделю покинуть его дом.

«Миссис Оуэн ничуть не расстроилась, когда услышала моё уведомление, – сообщил мистер Оллман на дознании. – Напротив, она ответила мне, что у неё достаточно средств, и она работала в последнее время только ради того, чтобы чем-то заняться. И добавила, что найдётся много друзей, которые позаботятся о ней, потому что у неё есть небольшое состояньице, которое она может оставить любому, кто «знает, как снискать её благосклонность».

Однако, вопреки этим утверждениям о веселье, мисс Бедфорд, снимавшая студию № 6, заявила: возвращая ключ в комнату смотрительницы в 6.30 пополудни, она застала миссис Оуэн в слезах. Смотрительница была безутешна и не пожелала рассказать мисс Бедфорд о своей беде.

А двадцать четыре часа спустя её нашли мёртвой.

Присяжные коронера вынесли открытый вердикт⁹⁸, и полиция поручила детективу-инспектору Джонсу навести справки о молодом мистере Гринхилле, чью близость с несчастной женщиной не замечал только слепой.

Детектив навёл справки в Биркбек-банке. И там обнаружил, что миссис Оуэн после беседы с мистером Оллманом сняла со своего счёта все деньги, около 800 фунтов стерлингов, результат двадцати пяти лет экономии и бережливости.

Но непосредственным результатом работы детектива-инспектора Джонса стало то, что мистер Артур Гринхилл, литограф⁹⁹, предстал перед магистратским судом на Боу-стрит по обвинению в причастности к смерти миссис Оуэн, смотрительницы Рубенс-студии на Перси-стрит.

– Это судебное расследование – одно из тех немногих интересных, которые мне, к сожалению, пришлось пропустить, – продолжил Старик в углу, нервно подёргивая плечами. – Но вам не хуже меня известно, что поведение юного обвиняемого произвело крайне неблагоприятное впечатление и на судью, и на полицию, и с каждым новым свидетелем его положение неуклонно ухудшалось.

Гринхилл был симпатичным, довольно грубоватым молодым парнем, который изъяснялся с таким акцентом кокни¹⁰⁰, что мурашки бежали по коже. Он явно и сильно нервничал, запинаясь на каждом слове и неоднократно давал ответы явно наобум.

Его адвокатом выступал отец – грубоватый пожилой человек, внешне напоминавший скорее сельского юриста, нежели лондонского законника.

⁹⁸ Открытый вердикт означает: присяжные подтверждают, что смерть является подозрительной, но не могут вынести никаких других вердиктов. Он может быть использован только в крайнем случае, если недостаточно доказательств, позволяющих коронеру или присяжным прийти к каким-либо другим выводам.

⁹⁹ Литография — разновидность печатной графики, основанная на технике плоской печати, при которой типографская краска под давлением переносится с плоской печатной формы на бумагу. Задача литографа состоит в том, чтобы перенести на литографический камень репродукцию, максимально точно соответствующую оригиналу, то есть вручную и в зеркальном виде наносить тексты и изображения на литографический камень.

¹⁰⁰ Кокни – это акцент и диалект английского языка, на котором в основном говорят в Лондоне и его окрестностях, особенно лондонцы из рабочего и низшего среднего класса.

Полиция выдвинула довольно веские доводы против литографа. Медицинские исследования не выявили ничего нового: миссис Оуэн умерла в результате переохлаждения; удар по затылку был недостаточно серьёзным, чтобы вызвать что-либо, кроме временной потери сознания. К моменту появления судебного медика жертва уже была мертва, и никто не мог определить, когда это произошло: час назад, пять или двенадцать часов.

Внешний вид и состояние комнаты, в которой мистер Чарльз Питт обнаружил несчастную женщину, снова рассмотрели в мельчайших деталях. Дневная одежда миссис Оуэн была аккуратно сложена на стуле. Ключ от шкафа лежал в кармане её платья. Дверь была слегка приоткрыта, но оба окна – распахнуты настежь; сломанную створку одного из них надёжно и аккуратно закрепили куском верёвки.

Поскольку миссис Оуэн явно собиралась отойти ко сну, судья, натурально, указал на несостоятельность предположения о несчастном случае. Никто в своём уме не станет раздеваться при температуре ниже нуля и полностью открытых окнах.

После этих заявлений в ложу для свидетелей вызвали кассира Биркбек-банка, который рассказал о визите смотрительницы в банк.

«Было около часа дня, – начал он. – Миссис Оуэн подошла ко мне и предъявила чек на 827 фунтов стерлингов, всю сумму её счёта. Она выглядела невероятно счастливой и весёлой и говорила о том, что ей нужно много денег, поскольку она собиралась за границу к своему племяннику, у которого ей предстояло вести хозяйство. Я предупредил её, что с такой крупной суммой не следует забывать об осторожности, и не стоит необдуманно тратить деньги, как часто поступают женщины её класса. Она ответила со смехом, что намерена соблюдать осторожность не только в настоящем, но и в будущем, так как собирается сегодня же пойти в контору адвоката и составить завещание».

Показания кассира, безусловно, произвели впечатление, поскольку в комнате вдовы не обнаружили ни малейших следов денег. Но зато две банкноты из тех, что забрала в банке миссис Оуэн, оказались у юного Гринхилла как раз в день её таинственной смерти: одной он расплатился за костюм в магазине компании «Вест-Энд клозирс»¹⁰¹, а другую разменял в почтовом отделении на Оксфорд-стрит.

После этого пришлось заново пересмотреть все доказательства по поводу близкого знакомства Гринхилла с миссис Оуэн. Подсудимый, бледный, как смерть, выслушивал свидетелей, явно страдая, волнуясь и постоянно облизывая пересохшие губы. А когда констебль Е 18 показал, что в два часа ночи 2 февраля он видел обвиняемого и разговаривал с ним на углу Перси-стрит и Тоттенхэм-корт-роуд, молодой Гринхилл чуть не лишился чувств.

Полиция утверждала, что смотрительницу убили и ограбили вечером до того, как она легла спать, что убийство совершил мистер Гринхилл, поскольку он был единственным близким знакомым покойной, и, как выяснилось, бесспорно находился в непосредственной близости от Рубенс-студии в необычно поздний час.

В его собственный рассказ как о себе, так и о роковом вечере, верилось с трудом. Миссис Оуэн приходилась родственницей его покойной матери, сообщил он. Сам он был литографом, и у него имелось достаточное количество свободного времени. Поэтому он с удовольствием водил пожилую женщину по разным увеселительным заведениям. Он не раз предлагал ей бросить чёрную работу и переехать к нему, но, к сожалению, на покойную сильно влиял её племянник, носивший ту же фамилию. Этот Оуэн всячески эксплуатировал добродушную женщину и неоднократно наносил изрядный ущерб её сбережениям в Биркбек-банке.

После сурового перекрёстного допроса, устроенного прокурором по поводу предполагаемого родственника миссис Оуэн, Гринхилл признал, что ни разу не встречался с ним. Всё, что ему было известно – имя. Главное занятие упомянутого племянника состояло в том, чтобы обхаживать добросердечную старушку, но к ней он ходил только по вечерам, когда определённо знал, что застанет её в одиночестве, сразу же после того, как все обитатели Рубенс-студии покидали дом.

¹⁰¹ The West End Clothiers Co., Ltd. – знаменитая лондонская компания-производитель элитной мужской одежды.

Я не знаю, заметили ли вы этот факт – но и судья, и адвокат акцентировали внимание на прямое противоречие заявлений обвиняемого и показаний кассира Биркбек-банка со словами миссис Оуэн. «Я уезжаю за границу к племяннику, у которого буду вести хозяйство», – так говорила бедняжка.

Ну так вот, младший Гринхилл, несмотря на нервозность и временами противоречивые ответы, строго придерживался своей точки зрения: племянник, часто навещавший тётю, обитает в Лондоне.

Впрочем, высказывания убитой женщины не приняли в качестве законных доказательств¹⁰². Мистер Гринхилл-старший возразил, что у покойной могло быть и два племянника, и судье с обвинителем пришлось с этим согласиться.

Что касается вечера, непосредственно предшествовавшего смерти миссис Оуэн, юный Гринхилл заявил, что посетил с ней театр, проводил до дома и поужинал вместе с ней в её комнате. На прощание, в 2 часа ночи, она решила подарить ему десятифунтовую банкноту, прибавив при этом: «Считай меня своей тётей, Артур. Если ты не возьмёшь деньги, Билл непременно заберёт их». В самом начале вечера она была чем-то встревожена, но позже повеселела.

«Она ещё что-нибудь говорила об этом племяннике или о своих денежных делах?» – спросил судья.

Молодой человек снова заколебался, но ответил: «Нет! Ни об Оуэне, ни о деньгах».

– Если я правильно помню, – добавил Старик в углу, – поскольку сам на суде не присутствовал, дело было отложено. Но судья не разрешил освобождение под залог. Подсудимый удалился из зала чуть ли не полумёртвым, хотя бросалось в глаза, что мистер Гринхилл-старший выглядел решительным и ничуть не обеспокоенным. Допрашивая от имени своего сына судебного медика и других свидетелей, он весьма умело пытался сбить их с толку, уточняя самое позднее время, когда миссис Оуэн могла быть ещё жива.

Он особо отметил тот факт, что к моменту появления арендаторов обычная утренняя работа смотрительницы была уже полностью выполнена. Возможно ли, вопрошал он, что для этого женщина накануне трудилась весь вечер, особенно учитывая тот факт, что она намеревалась элегантно приодеться, поскольку собиралась в театр? Отличный аргумент против обвинения, которое не замедлило возразить: с той же вероятностью женщина, завершив работу, разделась рядом с открытым окном в девять утра, когда в комнату влетал снег.

Думаю, что мистер Гринхилл-старший представил бы любое количество свидетелей, которые помогли бы доказать убедительное алиби его сына, если бы только какой-нибудь случайный прохожий не увидел миссис Оуэн живой после этих роковых 2 часов ночи.

Впрочем, он был способным и серьёзным адвокатом, и, по-моему, судья проникся симпатией к его напряжённым усилиям в интересах сына. И предоставил недельную отсрочку, что, похоже, полностью удовлетворило мистера Гринхилла.

Тем временем газеты без устали кричали о загадке на Перси-стрит. Как вам, несомненно, известно из личного опыта, приводились бесчисленные аргументы в пользу различных вариантов:

«Несчастный случай?»

«Самоубийство?»

«Убийство?»

Прошла неделя, и слушание по делу Гринхилла возобновилось. Естественно, суд был переполнен. Не требовалось особой проницательности, чтобы сразу заметить: взгляд подсудимого горел надеждой, а его отец был в приподнятом настроении.

Снова перечислили множество второстепенных улик, а затем настала очередь защиты. Мистер Гринхилл вызвал миссис Холл, кондитершу с Перси-стрит, чья лавка находилась напротив Рубенс-студии. Она сообщила, что 2 февраля в 8 часов утра, приводя в порядок витрину своего магазина, увидела смотрительницу студии. Миссис Оуэн, закутавшись в шаль, как обычно, стояла на коленях и чистила лестницу у входа. Мистер Холл также видел смотрительницу, и миссис Холл заметила

¹⁰² Поскольку это передача чужих слов, причём истинность последних никто не может подтвердить.

мужу: как здорово, что в их лавке ступени выложены плиткой, которую не нужно мыть в такое холодное утро.

Мистер Холл, кондитер, подтвердил это заявление. Затем мистер Гринхилл триумфально представил третьего свидетеля, миссис Мартин, с Перси-стрит, которая в 7.30 из своего окна на втором этаже видела, как смотрительница вытряхивала циновки перед входной дверью. Слова свидетельницы о том, как миссис Оуэн трудилась, с головой закутавшись в шаль, буква в букву совпали со словами четы Холл.

Всё остальное для мистера Гринхилла не представило ни малейших трудностей: его сын был дома, завтракал в 8 часов утра, что подтвердил не только сам адвокат, но и слуги.

Погода была настолько скверной, что молодой Артур весь день просидел у камина. Миссис Оуэн была убита в тот же день после 8 утра, поскольку до этого часа её видели живой три человека, и, следовательно, Гринхилл-младший не причастен к смерти миссис Оуэн. Полиции следует искать другого преступника или же подчиниться мнению, которое на первых порах звучало среди публики: то ли миссис Оуэн стала жертвой ужасающего несчастного случая, то ли преднамеренно решила расстаться с жизнью столь причудливым и трагичным образом.

Но перед тем, как юного Гринхилла окончательно оправдали, ещё раз допросили нескольких свидетелей, главным из которых был старший мастер стекольного завода. Он пришёл в Рубенс-студию в 9 утра и весь день работал. Так вот, мастер утверждал, что в тот день не заметил никаких подозрительных людей, пересекавших холл. «Но, – продолжил он с улыбкой, – я не сижу и смотрю на всех, кто поднимается и спускается по лестнице. Я слишком занят, а дверь на улицу всегда открыта; любой может войти в дом, подняться или спуститься, если знает куда идти».

Полиция по-прежнему твёрдо убеждена в том, что смерть миссис Оуэн окутана тайной; владел ли молодой Гринхилл ключом к этой тайне, они по сей день так и не узнали.

Я мог бы просветить их относительно причины беспокойства молодого литографа по поводу судебного расследования, но, поверьте, не испытываю ни малейшего желания трудиться за других. С какой стати? Гринхилла больше не коснутся несправедливые подозрения. Только он и его отец – если не считать меня – знают, в каком невероятно затруднительном положении он оказался.

Юноша добрался домой почти в пять утра. Он опоздал на последний поезд; ему пришлось идти пешком, он заблудился и часами бродил по Хэмпстеду. Представьте, что бы с ним произошло, если бы достойные кондитеры с Перси-стрит не заметили закутанную в шаль миссис Оуэн, которая чистила входную лестницу, стоя на коленях.

Далее, у адвоката, мистера Гринхилла-старшего, имеется небольшая контора на Джон-стрит, Бедфорд-Роу. За день до своей смерти миссис Оуэн составила в этой конторе завещание, по которому оставила все свои сбережения юному Артуру Гринхиллу, литографу. Если бы это завещание составили в другом месте, о нём бы обязательно стало известно, что добавило бы очередное звено к цепи, которая чуть не привела Артура Гринхилла на виселицу – согласитесь, мотив крайне весомый.

Стоит ли удивляться, что юноша дрожал от страха до тех пор, пока не сумели неопровержимо доказать: спустя несколько часов после того, как он добрался до своего дома, вожделенного убежища, убитая была ещё жива?

– Я видел, как вы улыбнулись, когда я сказал «убитая», – продолжал Старик, чьё волнение возрастало по мере того, как он приближался к *dénouement*¹⁰³ своего рассказа. – Мне известно, что публику после оправдания Артура Гринхилла вполне удовлетворила мысль, что происшествие на Перси-стрит было несчастной случайностью или самоубийством.

– Нет, – ответила Полли, – о самоубийстве не может быть и речи по двум исключительно весомым причинам.

Старик изумлённо воззрился на неё. Очевидно, решила Полли, его поразили тот факт, что у неё имеется собственное мнение.

– А могу я поинтересоваться, каковы, на ваш взгляд, эти причины? – саркастически спросил он.

¹⁰³ Dénouement – развязка (фр.)

– Для начала – вопрос о деньгах, – произнесла мисс Полли. – Удалось ли найти хотя бы часть их?

– Ни единой пятифунтовой банкноты, – хихикнул Старик. – Все они были обналичены в Париже во время Всемирной выставки¹⁰⁴, и вы не представляете, насколько легко это сделать в любом из отелей или небольших *agents de change*.

– Да, племянник был умным мерзавцем, – прокомментировала девушка.

– Значит, вы верите в существование племянника?

– Почему мне следует в этом сомневаться? Вполне очевидно, что существовал некто, достаточно хорошо знакомый с домом, чтобы ходить по нему посреди дня, не привлекая чьего бы то ни было внимания.

– В середине дня? – снова хихикнул Старик

– В любое время после 8.30 утра.

– Следовательно, вы тоже верите в «смотрительницу, закутанную в шаль», убиравшую ступеньки на крыльце? – спросил он.

– Но...

– Вам даже не пришло в голову – несмотря на то, что общение со мной должно было научить вас критически мыслить – что тот, кто совершил безукоризненное преступление в Рубенс-студии, лично разжигал камин и носил уголь исключительно с целью выиграть время, чтобы сильный мороз сумел эффективно завершить свою работу, и чтобы миссис Оуэн никто не хватился до того времени, когда она будет мертва.

– Но...– снова попыталась вставить слово Полли.

– Вам даже не пришло в голову, что один из главнейших секретов успешного преступления – ввести полицию в заблуждение относительно времени, когда оно было совершено. Это было, если вы помните, ключевым моментом в убийстве в Риджентс-парке.

В этом случае «племянник», поскольку мы признаём его существование, мог бы – даже если его когда-нибудь найдут, что сомнительно – мог бы предъявить алиби не хуже, чем молодой Гринхилл.

– Но я не понимаю...

– Как было совершено убийство? – нетерпеливо подхватил Старик. – Ничего сложного. И так, имеется племянник – судя по всему, мошенник – который обирает добропорядочную женщину. И так сильно наседает на неё и угрожает ей, что она решила, что её деньги в Биркбек-банке больше не в безопасности. Женщины её класса порой склонны не доверять даже Банку Англии. И в итоге она забирает деньги со счёта. Кто знает, как она собиралась поступить с ними в ближайшем будущем?

Во всяком случае, она хочет передать их после своей смерти молодому человеку, который не просто нравится ей, но знает, как добиться её благосклонности. В тот же самый день племянник чуть ли не на коленях умоляет её дать ему денег; они ссорятся; бедная женщина плачет, и посещение театра лишь временно утешает её.

В 2 часа ночи молодой Гринхилл покидает миссис Оуэн. Двумя минутами позже в дверь стучит племянник. Он рассказывает правдоподобную историю о том, что пропустил последний поезд, и просит «приютить его» где-нибудь в доме. Добродушная женщина предлагает диван в одной из студий, а потом постепенно готовится ко сну. Всё остальное проще простого. Племянник пробирается в комнату тётки в тот момент, когда она стоит в ночной рубашке, и требует денег, угрожая насилием; в ужасе она отшатывается, ударяется головой о газовый рожок и без сознания падает на пол, а тем временем племянник находит ключи и забирает 800 фунтов. Признайте, что последующая *miseenscène* достойна гения.

Никаких следов борьбы, никаких обычных отвратительных признаков преступления. Только открытые окна, жестокий северо-восточный ураган и обильный снег – два сообщника, молчаливых, как мертвецы.

¹⁰⁴ В данном случае, учитывая время написания рассказа, скорее всего, имеется в виду парижская Всемирная выставка 1900 года. Предыдущая проходила в 1889 году, и молодая девушка, очевидно, физически не могла быть её современницей.

После этого убийца, ни на йоту не теряя самообладания, занят в доме, выполняя работу, которая гарантирует, что отсутствие миссис Оуэн не обнаружат, самое меньшее, в течение ближайшего времени. Он вытирает пыль и наводит порядок; несколько часов спустя он даже надевает тётушкины юбку и лиф, закутывает голову шалью и с бесстыдной дерзостью позволяет соседям увидеть фигуру, которую они приняли за миссис Оуэн. Затем он возвращается в её комнату, принимает свой обычный вид и спокойно выходит из дома.

– Его могли увидеть.

– Конечно, два-три жильца его явно заметили, но никто не обратил особого внимания на человека, покидавшего дом. На улице стоял сильный мороз, снег валил стеной, а племянник замотал шарфом нижнюю часть лица, так что никто из свидетелей в дальнейшем не смог бы его опознать.

– И больше о нём не слышали? – спросила Полли.

– Он исчез с лица земли. Полиция ищет его, и, возможно, когда-нибудь найдёт – тогда общество избавится от одного из самых изобретательных людей нашего времени.

ГЛАВА XXXVI

ФИНАЛ

Старик замолчал, погружившись в глубокое раздумье. Мисс Полли тоже молчала. Какое-то воспоминание, слишком расплывчатое, чтобы принять определённую форму, неотступно преследовало её – некая мысль билась в мозгу и не давала покоя. В душе у девушки возникло необъяснимое чувство: если она вспомнит нечто, связанное с этим ужасным преступлением, вспомнит нечто – ах, если бы она только могла понять, что именно – то получит ключ к разгадке трагической тайны и на сей раз восторжествует над этим самонадеянным и саркастичным пугалом в углу.

Старик наблюдал за Полли сквозь огромные очки в роговой оправе. Взгляд девушки не мог оторваться от костлявых рук, которые без устали ёрзали, ёрзали, ёрзали над столом. Полли задумалась, существуют ли в мире другие пальцы, которые в силах распутать узлы, завязанные тощими руками Старика на этом жалком обрывке верёвки.

И внезапно – ни с того ни с сего – девушка *вспомнила*; её озарило, будто молнией: мёртвая миссис Оуэн лежала в снегу у открытого окна; одна сломанная створка была *надёжно закреплена куском верёвки*. И вспомнила, что говорили об этом импровизированном стопоре после того, как юного Гринхилла оправдали, а версию самоубийства признали несостоятельной.

Полли, как наяву, увидела иллюстрированные газеты, где поместили фотографии хитроумно завязанной верёвки – настолько хитроумно, что вес рамы мог лишь затянуть узлы и, таким образом, удержать окно открытым. Девушка вспомнила, к каким выводам пришла публика, и главный из выводов заключался в том, что убийца был моряком – так причудливо на верёвке расположилось множество сложнейших узлов.

И тогда ей открылась истина. Мысленный взор мгновенно нарисовал отчётливую картину: пальцы, вдвойне нервничавшие из-за предельных волнения и тревоги, вначале механически, даже бездумно схватились за верёвку, чтобы закрепить окно; но затем укоренившаяся привычка взяла верх, и тощие и изобретательные пальцы неотрывно вцепились в верёвку, завязывая узел за узлом, один прихотливее и запутаннее другого – узлы, подобных которым Полли никогда ранее не приходилось видеть.

– На вашем месте, – пробормотала девушка, не осмеливаясь взглянуть в тот угол, где сидел Старик, – я бы избавилась от привычки постоянно завязывать узлы на верёвке...

Он не ответил. Когда, наконец, Полли собралась с духом и подняла голову – угол был пуст, на столе лежало несколько медяков, а твидовое пальто, необыкновенная шляпа, худая, сморщенная фигура быстро мелькнули за стеклянной дверью и затерялись среди прохожих.

Мисс Полли Бёртон (из «*Ивнинг Обсёрвер*») на днях вышла замуж за мистера Ричарда Фробишера (из «*Лондон Мэйл*»). И с того дня она больше ни разу в жизни не видела Старика в углу.

КОНЕЦ

"The old man in the corner."